

Genre

nonf_biography

Author Info

Тони Айомми

Железный человек - Моё путешествие сквозь Рай и Ад вместе с Блэк Саббат

Мое путешествие через Рай и Ад с Black Sabbath,

Моей дочери Тони за то, что она - лучшая дочь, какая только может быть у человека.

Ушедшим маме и папе, давшим мне жизнь.

1.0 — создание файла

Тони Айомми. Железный Человек

Мое путешествие через Рай и Ад с Black Sabbath,

поведанное TJ Lammers'у

Посвящаю эту книгу Марии, моей жене и единомышленнице.

Моей дочери Тони за то, что она - лучшая дочь, какая только может быть у человека.

Ушедшим маме и папе, давшим мне жизнь.

Предисловие: Звучание Heavy Metal

Предисловие: Звучание Heavy Metal

На дворе стоял 1965-й год, мне было семнадцать, и это был мой первый рабочий день. Я испробовал все с тех пор, как в пятнадцать лет ушел из школы. Я поработал сантехником три или четыре дня, но потом это дело бросил. Я был чернорабочим, изготавливая кольца с винтом, которые одеваются на резиновые трубы, чтобы стянуть их [хомуты, судя по всему], но изрезал себе руки. У меня была работа в музыкальном магазинчике, потому что я был гитаристом и играл в местных командах, но меня обвинили в воровстве. Я ничего такого не делал, но черт с ними: меня все равно целыми днями заставляли убираться в складском помещении. Я трудился сварщиком на сталелитейном заводе, когда наметился большой прорыв для меня: моя новая группа, The Birds & The Bees, была приглашена в тур по Европе. На самом деле я даже и не играл в живую с The Birds & The Bees, прикинь; меня только послушали после того, как моя предыдущая команда, The Rockin' Chevrolets, уволила ритм-гитариста и потом распалась. The Rockin' Chevrolets были моим первым успехом. Мы носили одинаковые красные костюмы из ламё [парчевая ткань для вечерних костюмов] и играли старый рок-н-ролл вроде Чака Берри [Chuck Berry] и Бадди Холли [Buddy Holly]. Мы были популярны в округе моего родного города Бирмингема и регулярно выступали. Благодаря этой группе у меня даже появилась первая подружка, Маргарет Меридит [Margareth Meredith], сестра их оригинального гитариста.

В The Rockin' Chevrolets было весело, но играть в Европе с The Birds & The Bees было уже настоящим профессиональным шагом. Так что я пошел домой на ланч в пятницу, мой первый день в качестве сварщика, и сказал матушке: “Я не вернусь обратно. С этой работой покончено.”

Но она настаивала: “Айомми не сбегает, ты должен вернуться и отработать день, покончи с этим правильно!”

Так я и сделал. Я пошел обратно на работу. Там была дама на конвейере передо мной, которая гнула на станке металлические детали, а затем отсылала эти детали дальше, где я их сваривал. В этом и состояла моя работа. Но в тот день дамочка не вышла, так что меня посадили за ее станок. Это был большой гильотинный пресс с шаткой педалью. Ты должен был затолкнуть лист металла, нажать ногой на педаль, и бац!, гигантский промышленный пресс грохает вниз и выгибает сталь.

Я никогда до этого не управлялся с такими штуками, но все шло как надо до тех пор, пока я на мгновение не потерял концентрацию, возможно замечтавшись о том, как стою на сцене где-нибудь в Европе, и тут бам!, пресс опустился прямо на мою правую руку. Я инстинктивно отдернул ее к себе, но чертов пресс отхватил мне подушечки двух средних пальцев. Я глянул вниз, а там костяшки торчат. Только потом отовсюду хлынула кровь.

Меня отвезли в больницу, усадили, обернули мою руку пакетом и забыли обо мне. Я думал, что истеку кровью до смерти. Когда кто-то заботливый принес в больницу ошметки с моих пальцев (в спичечном коробке), доктора попытались приладить их обратно. Но было уже поздно: они почернели. Так что вместо этого они срезали немного кожи с моих рук и пересадили на кончики израненных пальцев. Они повозились еще немного, чтобы убедиться, что пересаженная кожа прижилась, и на этом все: история рок-н-ролла была сделана.

Или это то, как говорят некоторые люди. Они связывают увечья на моих пальцах с более тяжелым, пониженным в строе звучанием Black Sabbath, ставшим в свою очередь отправной точкой для большого количества тяжелой музыки, созданной после этого. Признаю, боль была адской, когда я играл непосредственно костяшками обрубленных пальцев, и мне пришлось изобрести новый стиль игры, чтобы приспособиться к боли. В результате Black Sabbath стали звучать так, как ни одна группа раньше - как и позже, впрочем. Но рождение heavy metal из-за того, что случилось с моими пальцами? Ну, это уже, к черту, перебор.

Кроме того, есть еще много чего порассказать и помимо этого.

1. Рождение бойскаута

Конечно же, я не был рожден в heavy metal. На самом деле в свои ранние годы я предпочитал мороженное - это потому, что мои родители жили над магазинчиком мороженого моего деда: “Мороженки# от Айомми” (“Iommy’s Ices”). Мой дедушка и его жена, которых я называл “папуля” и “бабуля”, перебрались в Англию из Италии в поисках лучшей доли, намереваясь открыть тут “мороженное” дело. Наверное, это была крошечная фабрика, но мне она казалась огромной, все эти бочки из нержавеющей стали, в которых взбивалось мороженное, это было нечто. Я мог запросто зайти туда и взять себе немного. Никогда не пробовал с тех пор ничего вкуснее.

Я родился в четверг 19 февраля 1948-го года в больнице “Хитфилд Роуд” (Heathfield Road Hospital) сразу на выезде из центра Бирмингема и был единственным ребенком у Энтони Фрэнка (Anthony Frank) и Сильвии Марии (Sylvie Maria) Айомми, в девичестве Валенти (Valenti). Моя мама провела в больнице два месяца с заражением крови перед тем, как я появился, и ей это могло показаться предзнаменованием. Мама родилась в Палермо, в Италии, в семье владельцев виноградников, в которой вместе с ней было трое детей. Я никогда не знал бабушку, мать своей мамы, а ее отец появлялся у нас в доме раз в неделю, но, когда ты зелен, тебя не особо вдохновляет сидение со старшей родней, так что я никогда и не знал его достаточно близко.

Дедуля же напротив отлично ладил с окрестными детишками, не жалея на них мелочи, и он всегда

давал мне пол-кроны [крона (crown) - английская монета в пять шиллингов], когда я приходил к нему. И немного мороженого. И колбасы. И макарон. Можете представить, как я обожал навещать его. Еще он был очень набожным. Он постоянно ходил в церковь и раз в неделю посылал туда цветы и всякие припасы.

Я думаю, что бабуля была из Бразилии. А отец родился здесь. У него было пять братьев и две сестры. Мои предки были католиками, но видел их в церкви я всего раз или два. Довольно странно, что мой папа не был также религиозен, как его отец, но, возможно, он просто меня жалел. Я с трудом переваривал походы в церковь, я просто не знал, чем там заняться. На самом деле я верю в Бога, но не хожу в церковь только для того, чтобы убедить его в этом.

Родители работали в подаренном дедом на их свадьбу магазинчике на Кардиган Стрит (Cardigan Street) в бирмингемском итальянском квартале. Кроме фабрички мороженого дедуля владел лавками и целым парком передвижных печей. Они выезжали в город, готовили и продавали печенный картофель, каштаны или что там было подходящее по сезону. Отец был еще и плотником, и очень хорошим; всю нашу мебель он сделал своими руками.

Когда мне было пять или шесть, мы переехали из мороженого рая на Беннеттс Роуд (Bennetts Road), в райончик, называвшийся Уошвуд Хит (Washwood Heath), являющийся частью Солтли (Saltly), который в свою очередь есть часть Бирмингема. У нас была крошечная комната с лестницей в спальню. Одно из моих первых воспоминаний - это как моя мать несет меня вниз по крутым ступенькам. Она подскользнулась, а я полетел и, конечно же, приземлился прямо на голову. Может, поэтому я и есть такой, какой есть...

Я постоянно игрался со своими оловянными солдатиками. У меня был набор, маленькие танки и всякое такое. Будучи плотником, отец часто отсутствовал, строил Четенхемский Ипподром (Cheltenham Racesource). Каждый раз, когда возвращался, он приносил мне что-нибудь, к примеру машинку, пополняя мою коллекцию.

Когда я был ребенком, то много боялся, поэтому я забирался под плед и зажигал маленький фонарик. Так делают многие дети. Моя дочь делала также. Как и я, она не могла уснуть без света, и мы должны были держать дверь в ее спальню открытой. Что папаша, что дочка.

Одной из причин того, почему я стал носить усы, стало то, что произошло со мною однажды на Беннеттс Роуд. Там жил один парень дальше по улице, который собирал больших пауков. Сейчас то мне все равно, но тогда я их очень боялся. Мне было восемь или девять в то время. Этого парнишку звали Бобби Ньюзанс, и это было очень подходящее для него имя#. Однажды он погнался за мной, я аж в штаны наложил и рванул по этой улице, мощенной гравием, оступился и въехал в гравий лицом и губой. Шрам до сих пор остался. Детвора даже начала меня называть “Лицо со шрамом”, так что у меня образовался жуткий комплекс по этому поводу.

Там же у меня появился и еще один шрам, когда вскоре после происшествия с пауком кто-то бросил петарду, из тех, что искрятся, и она попала мне прямо в лицо. С годами этот шрам рассосался, но когда я был молод, он еще выпирал на губе, так что, как только я смог, тут же отрастил себе усы. Еще когда мы жили на Беннеттс Роуд, я вступил в бойскауты (Cubs) [Cub, или Cub Scout - член младшей дружины, что-то вроде американского Boy Scout]. Это как скауты (Scouts). Идея в том, что ты ходишь в походы, но мои предки не разрешали мне этого. Они слишком пеклись обо мне. К тому же путешествия стоили денег, которых мы не имели; они зарабатывали жалкие гроши по меркам

наших дней. Я носил форму бойскаута: короткие шорты и маленькие штуки поверх носков, кепку и галстук. Так что выглядел я, как более молодая версия Ангуса Янга (Angus Young).

Со шрамами.

2. Это - итальянское

У меня остались к тому же и психологические шрамы. Я знаю, что отец не хотел моего появления, я получился по случайности. Я даже слышал, как он выдал как-то в состоянии “дайте покричать”: “Я все равно никогда не хотел тебя!”

И криков было вдосталь, потому что мои предки были горазды поскандальить. Он терял самообладание, мама теряла тоже, потому что из него перла его итальянская натура, а она была довольно необузданна и просто слетала с катушек. Я как-то видел, как мать пыталась ударить отца бутылкой, а он схватил ее руку, чтобы защититься. Это было чертовски ужасно, а на следующий день они болтали, будто ничего и не было. Очень своеобразно.

Помню я, как они дрались и с соседями. Мама была на заднем дворе, и там была деревянная изгородь между нами и соседями. Очевидно, кто-то из них сказал что-то о нашей семейке, и матушка пришла в ярость. Я выглянул в окно своей спальни и увидел, как она, свесившись с заборчика, лупит соседскую дамочку метлой по голове. Вмешался папаша, а затем и муж этой тетки, началась драка через изгородь, и та в конце концов обвалилась. Я только и видел со своего окна на первом этаже, как они визжат, орут и лупят друг друга, и ревел.

Если я делал что-то не так, то сильно получал за это. Я опасался делать хоть что-то, всегда боялся порки. Но так дела обстояли в те времена. Так было во многих семьях, люди дрались и получали по шее. Может, и сейчас также. Мы с отцом не очень ладили, пока я был молод. Я был парнем, который никогда не был в состоянии сделать что-то как надо. Постоянно слышал: “Ты не нашел себе работу, как это сделал тот-то и тот-то. Он будет бухгалтером, а из тебя что выйдет?”.

Он считал меня никчемным, а потом и матушка к нему присоединилась: “Да, пусть найдет себе чертову работу или пусть катится из дому!”

Доказать им, что чего-то стою - одна из причин, по которым я так жаждал успеха.

Я рос, становился старше, и в какой-то момент меня достало, что мне компостируют мозги.

Однажды, когда я был на диванчике, и отец собрался ударить меня, я скрутил ему руку и остановил его. Он совсем обезумел, чуть ли не до плача: “Ты! Не смей так со мной!”

Это была жуть, но больше он никогда не бил меня.

Мне, должно быть, было десять или девять, когда на моих глазах скончался дед. Он был дома, очень больной, когда потерял сознание. Его уложили в постель, и на меня повесили заботу присматривать за ним и ждать, когда он придет в себя. Я сидел там, обтирая ему лицо, время от времени заглядывал отец. Но я был один, когда он испустил дух. Из него вырвался этот сдавленный, kloкочущий звук, а потом он затих. Мне было очень горько и к тому же страшно. Я увидел, как в комнату входит вся семья, и все они выглядели немного испуганными.

С тех пор я видел смерть еще одного или двух человек.

Лет двадцать пять назад пожилая дама, которая хорошо одевалась и красиво говорила, жила через дорогу от меня. У нее было прозвище, Крошка (Bud); даже собственная дочь так ее называла. Я ходил туда раз в неделю проводить ее и она говорила: “Знаете ли, а давайте-ка тяпнем по бренди.” Однажды ее дочь вбежала в мой дом и принялась кричать: “Быстрее, идем, идем!”

Я пошел туда и обнаружил Крошку распластавшейся на полу. Я приподнял ее немного, взял ее за руки и проорал: “Вызывай скорую!”

Её дочь выбежала, и в этот момент Крошка умерла, прямо на моих руках. Всё было точно также, сдавленный, kloкочущий звук и... фьють. Как только это случилось, я тут же вспомнил про деда. Я сидел там, пока не показалась скорая. Потом я всюду ощущал аромат ее духов, и с тех пор больше не переношу этого запаха. Для меня он превратился в запах смерти.

3. Лавка на Парк Лейн

Когда мне было около десяти, мы переехали на Парк Лейн (Park Lane) в Астоне (Aston). Это была жуткая, кишася бандитами, неустроенная часть Бирмингема. Мои предки купили там лавку сладостей, но вскоре стали продавать в ней фрукты и овощи, дрова, консервы и всякую утварь. Люди могли постучать в нашу дверь посреди ночи с вопросом: “Можно нам купить немного сигарет?”

Когда у вас подобный магазинчик, вы, в сущности, никогда не закрываетесь.

В лавке продавалось все необходимое, и она превратилась в место встреч. Некоторые соседи вечно ошивались на пороге со сплетнями вроде: “Вы видели такую-то такую-то на улице? Ой, так на ней была новая...”

И так далее. Иногда они и не покупали ничего, просто торчали там часами и болтали. А матушка стояла за прилавком да слушала.

Моя мать заправляла магазином, так как отец работал в “Мидлэндс Кантри Дайари” (“Midlands Country Diary”) на погрузке фур с молоком. Ему приходилось этим заниматься, чтобы повысить семейный доход, но, я думаю, он занимался этим и для того, чтобы находиться среди людей, которые ему нравились. Позже он купил вторую лавку, на Виктория Роуд (Victoria Road), также в Астоне, где начал торговать фруктами и овощами.

Родителям Астон нравился, а вот мне - нет. Мне претило жить в лавке, так как там было сыро и холодно. В доме было всего две спальни, гостиная, кухня и, наконец, снаружи на задворках, туалет. Ты не мог привести друзей, потому что жилые комнаты использовались и как складские помещения: они были завалены бобами, горохом и всей этой консервированной снедью. Так мы и жили. Тебя постоянно окружали чертовы коробки и вся эта хрень.

У нас у первых из соседей появился телефон, большая роскошь для тех времен, но где он находился сильно зависело от того, была недавно поставка или нет. Аппарат мог быть на положенном для него ящичке, а мог быть, если мы получали кучу всяких припасов, завален где-то в другом месте.

“Где телефон?”

“А! Вот он где.”

Комната была маленькая. Там был диван и телек, а за всем этим бобы, консервы с фруктами и всякая всячина.

И телефон.

Где-то.

У меня была собственная комната, пока меня принудительно не заставили разделить ее с Фрэнки (Frankie). Он был квартирантом, но родители относились к нему как к сыну. Было довольно странно прийти однажды домой и услышать: “Ну, это будет твой новый... братишка. Фрэнки будет тебе как брат.”

Было весьма непривычно. Как будто кто-то приходит и поглощает тебя, потому что они стали

уделять ему больше внимания, чем мне, и меня это возмущало. Мне тогда было около одиннадцати, а он был на три или на четыре года старше. Мне он нравился, потому что покупал мне всякую всячину, но вместе с этим и не нравился, потому что мне нужно было делить с ним свою комнату. Он жил у нас несколько лет. И так вышло, что именно я от него избавился.

К тому времени мне было, должно быть, семнадцать, но про девочек я знал побольше, чем Фрэнки, так как он постоянно сидел дома. Когда я взял его на одно из своих выступлений, то познакомил его с девчонкой. Я не ожидал, что все так выйдет, но они превосходно поладили. Для него к тому же встретить было как... “Ааах!”

Отец был недоволен. Он сказал: “Это женщина не того типа!”

Но Фрэнки начал оставаться у нее дома, и папаша отстал от него. Так как по-существу поспособствовал всей этой кутерьме я, познакомив их друг с другом, то и вину повесили на меня. Часть меня думала: классно, мы сможем избавиться от него, а другая часть сожалела о случившемся. В конце концов он переехал к ней. Может, отец немного переборщил, и Фрэнки уходил не очень гладко. Он не стал поддерживать связь с нашей семьей. Он ушел, и этим все закончилось. Никогда его больше не видел.

4. Школа болезненных ударов

Я начал ходить в школу на Бёрчфилд Роуд, “современную среднюю школу”, как это называлось. Ты поступаешь туда примерно в возрасте десяти лет, учишься до пятнадцати, а затем выпускаешься. Школа находилась где-то в четырех милях от нашего дома. В том направлении ходил автобус, но он был постоянно переполнен. И поездка стоила пенни, так что я экономил, ходя пешком.

Там, в этой школе, я встретил своего самого давнего друга Альберта. И Оззи (Ozzy), который был на год младше нас. Альберт жил близко к Бёрчфилд Роуд. Я регулярно хаживал к нему домой на ланч, и, конечно, он появлялся у меня от случая к случаю. В те годы это и были пределы моей общественной жизни, потому как я не часто выходил в город. Родители не позволяли. Они были весьма строгими и перебирали с опекой, они были уверены, что я обязательно что-то натворю, если выйду: “Ты не пойдешь искать неприятности!”

Таким образом, я по большей части вынужден был торчать в своей комнате. И до сего дня меня не напрягает одиночество. Мне нравится находиться в компании других людей, но я не особо переживаю, если я не нахожусь.

У моих предков были причины беспокоиться. Наша лавка была обращена к трем или четырем домам ленточной застройки - то есть подпирающих друг друга - через дорогу, следом за которыми находился большой пустырь, на котором ничего не было, кроме булыжников. Было ли это из-за бомбы Второй Мировой Войны, я не знаю; это мог быть просто разваленный дом, но мы звали это “разбомбленными зданиями”. И на этой территории собирались бандиты. Если ты шел по улице, эти ребята запросто могли вышибить из тебя все дерьмо или даже порезать. А если ты ходил часто, как я, то становился первейшей мишенью. Тогда я стал упражняться, таскать тяжести и все такое, я хотел быть способным защититься. Я начал ходить на дзюдо и каратэ, пока не занялся боксом. Поначалу я просто не хотел, чтобы ко мне приставали, а потом реально втянулся.

В школе мы с Альбертом составляли свою маленькую банду, только мы вдвоем. У нас были эти кожаные куртки с надписью “Команчи” на спине. Это мы и были: Команчи. Школа пыталась запретить нам носить эти куртки, но у меня не было другой одежды. Не то, чтобы я не хотел носить

ничего другого, мои родители просто не могли себе позволить потратиться не чертову школьную униформу. Все, что у меня было - пара джинсов и эта кожаная куртка.

Натренировавшись, я и Альберт, тоже крупный парень, стали ходить по дороге в школу как забияки. Никто не лез к нам, потому что все знали, что мы можем отлупить их. Даже старшие ребята оставили нас в покое. Эта школа полностью зижделась на насилии. Там могли запросто зарезать, и я даже носил с собой нож какое-то время. Не то чтобы мне нравится насилие, но так мы жили в те дни. В школе, если ты не уделал кого-то первым, то уделать могли тебя. Так и получилось, что в конце концов я проводил все время в разборках.

Там, где мы держали лавку, орудовала Астонская банда, и они хотели, чтобы я присоединился к ним. Тогда мне было двенадцать или тринадцать. Я приходил к ним в место их сборищ в разбомбленном здании пару раз, но так и не вступил в банду. Несколько из них приворовывали в нашем магазинчике, так что не было смысла связываться с ними. Как-то я даже прихватил на краже одного из членов банды и выбежал, чтобы поколотить его. Он жил всего несколькими дверьми дальше. Он забежал в дом, а тут я, колочу в его входную дверь, пытаюсь до него добраться. Только так и приходилось разбираться с этими людьми, насилием. Разговаривать с ними было невозможно. Банда могла наехать на меня, но все было не так плохо, потому что я жил на их территории. Все, что они делали - дрались с другими бандами из окрестностей. Из-за того, что я жил там, где жил, другие банды смотрели на меня, как на члена Астонской банды; я не был ее частью, и в то же время как бы был.

Несколько лет спустя мне пришлось ходить через эти окрестности, чтобы добраться до работы. Путь проходил мимо парня, который был главарем банды. С утра он был обычным, но к вечеру, когда сходил со своими корешами, менялся, и это была совсем другая история. Фокус был в том, чтобы незаметно проскочить, пока кто-нибудь из них не выйдет и не заметит тебя; это было похоже на полет пушечного ядра. Однажды вечером у меня это не вышло, и меня избили так, как никогда в жизни. Тебе нужно было или защищаться или стать одним из них, а я не собирался присоединяться к ним.

Будущее свое я представлял себе как-то связанным с боксом; скажем, я мог бы стать вышибалой в каком-нибудь клубе. Или я представлял себе, как стою на сцене и смотрю в толпу. Я никогда не задумывался, как оно будет в точности, но мне всегда казалось, что это должно быть связано с поединками, какой-нибудь контактный спорт на глазах у публики. Конечно же, я дожил до того момента, когда воплотил в жизнь свои мечты. Но играя на гитаре!

К школе я особого интереса не питал, у меня были довольно посредственные оценки. Каждый раз после того, как моих предков вызывали в школу, матушка приходила оттуда и бранилась: “О, это отвратительно, позорище. Ты что творишь-то вообще?”

Я не слишком заморачивался, что обо мне думают преподы и директор, но меня беспокоило, как могли отреагировать на это мои родители. Они терпеть не могли, когда ты попадал в истории. Их беспокоило, что могут подумать соседи. Народ судачил. В лавке раздавалось: “О, слышали, что случилось там-то вниз по улице? О-о-о, на днях туда наведывалась полиция к ним домой...”

Все эти сплетни. Они не ведали, что творилось за пределами их улицы, но знали абсолютно все друг про друга. Так что если у вас были плохие отметки, об этом знали все.

В школе нас с Альбертом разделили, потому что мы стали проблемой. Мы или швырялись чем-то в

кого-то, или болтали, или еще что-нибудь вытворяли, так что нас частенько выставляли из класса. Ты должен был отстоять снаружи кабинета до завершения уроков, и, если нас выгоняли обоих, то ставили меня в одном месте, а Альберта - где-то в другом. Если мимо проходил директор и замечал тебя, то тебя могли выпороть. Или тебе приходилось стоять еще дольше, еще час после школы, который казался вечностью.

Директор мог и сам задать тебе трёпку своей собственной рукой, или он мог согнуть тебя и отстегать тебя по задней части тростью или туфлей. Один из учителей даже применял здоровенный компас. Как положено, детишки подкладывали себе в штаны книжки, так что тебя сначала проверяли. Это называлось “шестерка самого лучшего”, что означало шесть ударов этой тростью. Они были довольно милы и предоставляли тебе на выбор: “Как ты хочешь, по заду или по руке?”

Учителя, ответственные за наказания, фиксировали их в черный список. Каждый раз, когда тебя подлавливали, они смотрели в журнал и: “Ты был здесь всего два дня назад!”

Многих учителей я не помню. Мистер Лоу (Low) преподавал музыку. Я немногому у него научился, потому как основным методом обучения музыке в школе было прослушивание проигрывателя. Все что мы делали, это слушали чертовы записи. Был там еще мистер Уильямс (Williams), учитель математики. Забавно, что я его помню, потому что я у него ни одного урока не отсидел полностью. Я ненавидел математику и находил ее до усрачки нудной, поэтому я что-то вытворял, чтобы меня выгнали. Иногда мне даже не приходилось ничего делать, только я заходил, как сразу раздавалось: “Вон!”

Настоящая дурка. Но так все и было, и так нас учили.

5. Из Теней в свет у рампы

И отец, и его братья играли на аккордеоне, они были довольно музыкальной семейкой. Чего я страстно желал, так это барабанную установку. Очевидно, что места для нее у меня не было, и мне бы определенно не позволили дубасить по ней дома, так что выбор был или аккордеон, или ничего. Я начал играть на нем, когда мне было примерно десять. У меня до сих пор сохранилась фотография, где я ребенком на заднем дворе сжимаю мой чертов аккордеон.

У нас дома был граммофон, или радиол, как это называлось. Это был аппарат с проигрывателем и двумя динамиками. Кроме того у меня был маленький радиоприемник. Так как я много времени проводил в своей комнате, то мне его приходилось слушать, а что делать? Пойти посидеть в гостиной было нельзя, не было у нас ее. Слушал я Топ 20 или Радио Люксембург. Оттуда и взялась моя любовь к музыке, от просиживания в своей комнате за прослушиванием великих инструментальных гитарных команд вроде The Shadows на своем радио. Это и подвигло меня взяться за гитару. Мне реально нравился звук, это были инструментальные вещи, и я понимал: это то, чем я хочу заниматься. В конце концов матушка купила мне гитару. Она это классно устроила. Она подрабатывала и откладывала деньги для этой цели. Когда ты левша, то очень ограничен в возможном выборе, по-крайней мере так было в те дни: “Гитара для левши? Это что такое?”

Был один электрический Watkins Rapier, который я нашел по каталогу. Стоил он порядка 20 фунтов, и мамка рассчитывалась за нее еженедельными выплатами. На моем леворуком Watkins'е было два звукоснимателя и пара маленьких хромированных переключателей, которые нужно было нажимать, шла гитара в наборе с небольшим усилком Watkins Westminster. Я вынул один динамик из радиолы и подключил к усилителю, за что меня бы вряд ли похвалили. Но ничего страшного на случилось, так

как мои предки не так уж часто слушали музыку на этой штуке.

Ну вот, так все и пошло у меня, с моим первым комплектом для игры, в моей комнате. Я слушал Топ 20 в ожидании The Shadows и записывал их на пленку с помощью микрофона на старенький катушечник, чтобы потом иметь возможность разучить их песни. Позже я достал их альбом и выучил мелодии, проигрывая их раз за разом. Я всегда любил возвращаться к The Shadows, мне нравились и мелодии, и мотивчики. И я всегда старался добиться от своей игры мелодичности, так как музыка вся построена на мелодиях. Мои усилия в этом вопросе лежат корнями именно в тех днях. И это осталось со мной; это всегда было частью моего подхода к сочинительству.

Мне нравились The Beatles, но The Shadows и Клифф Ричард (Cliff Richard) более явно базировались на рок-н-ролле, чем The Beatles, и поэтому они были мне ближе. Конечно же, мне и Элвис (Elvis Presley) нравился, но не так сильно, как Клифф и The Shadows. Они были всем для меня. Клифф для Англии значил больше, чем Элвис, возможно с этим все и связано. Пару раз я встречался с Клиффом, но никогда не говорил ему: “О, я был большим вашим фаном.”

После школы я усаживался наверху в комнате и по несколько часов играл на гитаре. Я взялся за нее всерьез и занимался столько, сколько мог, но пока еще не было групп, ломящихся в мою дверь и уговаривающих меня присоединиться к ним. Вот почему первую затею я попытался реализовать с Альбертом. Он должен был петь, а я отвечал за музыкальное сопровождение. Петь он не умел, хотя и думал, что у него получается. У него был более роскошный дом, там было целых две гостиной. Мы устраивались в передней комнате, я играл на гитаре на своем усилке, он пел, а его папаша постоянно орал: “А ну прекращайте этот чёртов шум! Нельзя что ли этим где-нибудь ещё заниматься?”

Мы разучили всего одну песню и играли ее снова и снова: “Jezebel” Фрэнки Лэйна (Frankie Laine). Нам было по двенадцать или по тринадцать лет тогда, и Альберт завывал: “Если дьявол когда-то и рождался без пары рогов, это была ты, Джизабел, это была ты” (“If ever the devil was born, without a pair of horns, it was you, Jezebel, it was you”).

Так все и началось.

Потом я встретился с одним пианистом и его барабанщиком. Они были гораздо старше меня и спросили, не мог бы я поиграть с ними в пабе. На самом деле я еще не слишком умел играть, но им показалось, что я ничего. Это было всего пару раз, я невероятно нервничал, сидя там с этими парнями, но это было то, чем я потом хотел заняться снова.

“Чтоб мне провалиться, выступление! В пабе!”

Мне по возрасту и находиться-то там не положено было, но это было самое первое мое выступление. Рон (Ron) и Джоан Вудворд (Joan Woodward) жили в паре домов от нашей лавки. Рон часто к нам заходил. Он и мой отец болтали, покуривая вместе, каждый вечер. Он проводил у нас больше времени, чем у себя дома и стал чуть ли не еще одним приемным сыном. Он был старше меня на десять или пятнадцать лет, но мы с ним как-то сдружились. Я уговорил его купить бас-гитару. Он начал учиться играть и мы даже пару раз выступили. И каждый считал нужным заметить: “Он староват немного, не так ли?”

Я на это отвечал: “Он мой друган, и он хочет играть в команде.”

Вот так все тогда было; твой дружок вполне мог играть в твоей группе.

“Он играть умеет вообще?”

“Ээ, нет, не умеет, но он мой друган!”

Были у нас ритм-гитарист и ударник. Мы репетировали по три раза в неделю в молодежном клубе. Это было круто. Перейти от занятий ерундой в одиночестве в своей комнате к музицированию с другими людьми - это была фантастика. Найджел (Nigel), ритм-гитарист, был немного заносчив. Однажды он пел, и вдруг его долбануло от микрофона, потому что тот не был заземлен. Он начал кататься по полу в конкретном электрическом шоке. Его никто особо не любил, так что все решили, что поделом ему. Нам удалось в конце концов отключить ток, так что он выжил. Бесспорно, он поправился и стал здоров как бык, здоров как никогда на самом деле. Похоже это пошло ему на пользу. Но надолго он у нас не продержался, как и сама группа, впрочем.

Я ждал не дождался выпуска из школы. Я ее не любил, и я не думаю, что самого меня там сильно любили. Все заканчивали школу в пятнадцать, если только не продолжали учиться и не поступали в колледж. Пятнадцать, и наконец все, ты на свободе. Так и у меня было. Настоящее облегчение. Я принялся за поиски работы, к тому же я еще больше стал заниматься на гитаре.

Я постоянно совершенствовался, и поэтому я намного перерос уровень типов вроде Рона Вудворта, так что я присоединился к другой команде, показавшейся мне очень неплохой, The Rockin' Chevrolets. Шел наверное 1964-й год тогда, и мне было шестнадцать или вроде того. На мой взгляд они были настоящими профессионалами. Они в совершенстве играли несколько вещей The Shadows, и так как пара парней была постарше меня, они также играли много рок-н-ролла. Никогда сильно не фанател он Чака Берри (Chuck Berry), Джина Винсента (Gene Vincent) и Бадди Холли (Buddy Holly), но теперь пришлось окупиться и в такую музыку тоже.

Певец, Нейл Моррис (Nail Morris), был самым старшим в группе. На басу играл парнишка по имени Дэйв Уоддли (Dave Whaddley), барабанщика звали Пэт Пегг (Pat Pegg), а ритм-гитаристом был Алан Меридит (Alan Meredith). Тогда-то я и повстречался с сестрой Алана, Маргарет. Вообще-то мы были помолвлены. Наши отношения продержались гораздо дольше, чем просуществовали The Chevrolets. Я не помню, как я оказался в этой группе. Может, объявление в витрине музыкального магазина увидел. Такова жизнь, ты ошиваешься у музыкального магазина или ходишь смотреть, как играют другие команды, так и знакомишься с людьми.

Предки мои подозрительно относились к тому, что я выступаю в пабах с группой. Они даже настаивали, чтобы я в положенное время возвращался домой, но вскоре они примирились с этим, в том числе и потому, что я приносил немного денег. The Rockin' Chevrolets облегчили мою участь, наведавшись сначала к моей матушке. Они пришли, она угостила их сандвичами с беконом. В последующие годы она точно также поступала и с Black Sabbath, абсолютно также, она спрашивала, не хотят ли они перекусить. Всегда. Такая вот она была мама.

The Rockin' Chevrolets начали получать все больше работы. У нас у всех были красные костюмы из ламе, и мы одевали их на выступления. У меня было мало денег, чтобы тратиться на костюм, но ты должен был выглядеть соответствующе. По выходным мы играли в пабах. Один из пабов был в дурном районе Бирмингема, и каждый чёртов раз, когда мы там играли, случалась драка. Получается, мы составляли этим дракам музыкальное сопровождение. Мы и на свадьбах играли, закончилось все тем, что мы стали играть в общественном клубе перед людьми вдвое старше нас и слышали: "Ууу, вы чересчур громкие!"

Все становилось серьезнее, и мне захотелось гитару получше. Burns были одной из тех компаний, которые выпускали леворукие гитары, такую я и взял себе, Burns Trisonic. На ней был регулятор

“звук трисоник”, чтобы это не обозначало. Играл я на ней только до тех пор, пока не нашел наконец леворукий Fender Stratocaster. И еще у меня был усилитель Selmer, со встроенным эхо.

The Rockin' Chevrolets распались из-за того, что выгнали Алана Меридита. Следующей моей группой должны были стать The Birds & The Bees. Меня прослушали, и я получил работу. Они были профессионалами, много работали, и на повестке дня стояла поездка в Европу. Я решил пойти на это, бросить свою работу и стать профессиональным музыкантом. В то время я работал сварщиком на заводе. Я вышел на работу в пятницу утром, в мой последний рабочий день, и во время ланча заявил матушке, что не вернусь отрабатывать до вечера. Но она сказала, что я должен, дабы покончить с работой должным образом.

Так я и сделал. Вернулся на работу.

И весь мой мир разбился на осколки.

6. Почему бы вам не сделать мне только пальцы?

В общем, как я и сказал, это был мой последний рабочий день. Одна женщина там изгибала металлические детали, а я их сваривал. В тот день она не пришла, поэтому меня поставили за ее станок; иначе мне делать было бы нечего. Я за ним ни разу не работал и не знал, как это делается. Это был большой гильотинный пресс с ножной педалью. Закладываешь лист проката и нажимаешь ногой на педаль, а он с громом опускается и изгибает металл.

С утра все шло своим чередом, но когда я вернулся с ланча, то нажал на педаль и опустил пресс себе на правую руку. Рефлекторно я отдернул ее и оторвал подушечки пальцев. Распрями ладонь и проведи черту между кончиками указательного пальца и мизинца: выходящие за эту линию части средних пальцев и оттяпало. Там торчали костяшки пальцев. Кровь была повсюду. Я был в таком шоке, что даже не чувствовал боли в руке.

Меня отвезли в больницу, и вместо того, чтобы кровь остановить, мою руку засунули в пакет. Он быстро заполнился, и я думал, что до тех пор, пока дождусь помощи, истеку там кровью насмерть! Немного погодя кто-то приволок в больницу отхваченные кусочки, в спичечном коробке. Они были черными, абсолютно испорченными, так что приделать обратно их уже не смогли. В конце концов, срезали кожу с моей руки и приспособили к костяшкам травмированных пальцев. Ногти были вырваны. Они взяли один из обрубков с приладили обратно, так чтобы ноготь мог расти, пересадили кожу, на этом все и закончилось.

А потом я просто сидел дома и предавался унынию. Я думал, все, конец всему! Я не мог поверить в свою неудачу. Я только присоединился к классной группе, это был последний день работы, и вот я искалечен на всю жизнь. Управляющий с завода несколько раз приходил проводить меня, пожилой лысеющий дядька с жиденькими усиками, звали его Брайан (Brian). Он заметил, что я впал в глубочайшую депрессию, и однажды притащил мне одну сорокопятку и сказал: “Ну-ка поставь.” Я ему: “Нет, не буду, не хочу.”

Слушание музыки было определенно не тем занятием, что могло бы меня подбодрить в тот момент. Он сказал: “Ну, я думаю, ты должен, потому что я тебе сейчас расскажу в чем дело. Этот парень играет на гитаре всего двумя пальцами.”

Это был великий цыганский гитарист Джанго Рейнхардт (Django Reinhardt), родившийся в Бельгии, и, черт побери, он был великолепен! Я понял, что, если у него получилось, то может получиться и у меня. Это было чудесно со стороны Брайана, он был настолько внимательным ко мне и купил мне

эту пластинку. Я не знаю, что произошло бы, не будь его. Услышав эту музыку, я был твердо настроен что-то предпринять, вместо того, чтобы сидеть и причитать.

Пальцы были еще перевязаны, и я пытался играть только указательным пальцем. Это было настоящее разочарование, потому что, если ты уже когда-то неплохо играл, возвращаться к азам было очень тяжело. Возможно, самым легким выходом было перевернуть гитару и переучиться на праворукий способ. Я полагал, что у меня вышло бы, но я подумал, что вот, я уже несколько лет играю, и понадобится еще несколько, чтобы переучиться. Это показалось мне чересчур долгим сроком, так что я был настроен остаться леворуким. Я упорно занимался с двумя перевязанными пальцами, даже несмотря на то, что доктора сказали: “Лучше тебе успокоиться с этим. Найди себе другую работу, делай что-то еще.”

Но я был уверен, черт возьми, что должен был существовать какой-нибудь выход из моего положения.

После некоторых размышлений я задумался, а нельзя ли сделать насадки на пальцы. Я взял бутылку из-под “Fairy Liquid”, расплавил ее, скатал в шарики и подождал, пока они остынут. Затем я сделал отверстия раскаленным паяльником так, чтобы они примерно подходили под пальцы. Потом я еще подстругал их ножом, достал наждачку и пару часов шкурил, чтобы они были вроде наперстков. Я насадил их на пальцы и попробовал поиграть на гитаре, но ощущения были не те. Насадки были из пластика и, они соскальзывали со струн, я мог прижимать их только частично, и это было очень больно. Так что пришлось придумывать, что подобрать на замену. Я пытался использовать кусочки ткани, но они, конечно же, изорвались. Пробовал различные сорта кожи, но это тоже не помогло. Затем я нашел свою старую кожаную куртку и отрезал с нее полоски. Это была старая кожа, так что она была немного жесткая. Я подогнал кусочки, чтобы обернуть напальчники, и наклеил их, дал просохнуть и опробовал, я подумал, черт возьми, теперь я действительно могу прижимать струны. Я еще немного отшлифовал кожу и отполировал, чтобы она не цеплялась сильно. Теперь было как раз то, что нужно, чтобы скользить по струнам вверх и вниз.

Даже с напальчниками было больно. Если посмотреть на мой средний палец, то можно увидеть небольшую шишку на кончике. Сразу под ней - кость. Приходится быть осторожным, потому что, если напальчник спадет и я сильно прижму струну, кожа может просто рассечься. Поначалу так случалось постоянно. И это была проблема; один из роуди часто ползал по сцене с восклицаниями: “Куда, блин, эта штука запропастилась-то?”

Когда я выхожу на сцену, я обвязываю пальцы киперной лентой, капаю немного супер-клея и прижимаю все. Затем, в конце вечера, приходится всё это оттирать.

Пару раз я терял напальчники. Фигурально, на гастролях я живу с этими проклятыми штуками. Я постоянно держу их при себе. У меня всегда есть запасные, и мой гитарный техник тоже держит у себя дополнительный набор.

Прохождение таможни - это отдельная история. Я держу напальчники в коробочке, и когда осматривают мою сумку, я постоянно слышу: “Ага, что это тут у нас? Наркотики?”

И тут шок такой, это пальцы. Несколько раз пришлось разъяснять таможенникам, что к чему. И они отвечали: “Ого”.

И с отвращением отодвигали от себя мои искусственные пальцы.

Сейчас напальчники мне делают в одной больнице. Вообще-то они делают протез, всю руку, но всё,

что я использую, это две подушечки пальцев, которые срезаю оттуда. Я спрашивал: “Почему бы вам не сделать мне только пальцы?”

“Нет, нам проще изготовить всю руку.”

Можете себе представить, что думает уборщик, находя в мусорной корзине руку. Напальчники, которые я срезаю, выглядят, как настоящие пальцы; на том, что для безымянного пальца, нет никакой кожи, я могу играть с помощью материала, из которого он сделан. Иногда они слишком мягкие, и тогда я ненадолго оставляю их на воздухе, чтобы они стали тверже, или я добавляю чуточку супер-клея, чтобы они правильно ощущались. Иначе они будут цеплять струны. Этот процесс может длиться вечно.

Самодельные напальчники я еще ношу, но для них уже заканчивается покрытие; кожа стирается. Каждый напальчник служит месяц, может пол-турне, и когда они изнашиваются, все возня с подгонкой начинается снова. У меня еще остался тот кусок кожи, который я использовал более сорока лет назад. Не так много от него осталось, но еще на несколько лет хватит.

Это примитивно, но оно работает. Тебе нужно или завязать, или бороться и постоянно делать это. Приходится много работать. Изготовление - это только одна сторона, а игра с напальчиками - совсем другая. Потому что ты ничего не чувствуешь на ощупь. Ты знаешь, что у тебя на пальцах насадки, и для того, чтобы все получалось, приходится много заниматься.

Частью моего звукоизвлечения стало преимущественное использование двух здоровых пальцев, указательного и мизинца. Ими я беру аккорды и выполняю вибрато. Обрубленные пальцы я в основном использую в соло. Когда я делаю подтяжки, то делаю их указательным пальцем, еще я научился делать это мизинцем. Другими пальцами я могу делать только слабые подтяжки. До несчастного случая я вообще не использовал мизинец, так что мне пришлось научиться. Для меня существуют пределы, потому что даже с применением напальчников я никогда не смогу взять некоторые аккорды. Там, где я раньше использовал полные аккорды, теперь я этого сделать не могу и компенсирую это более жирным звуком. К примеру я беру аккорд Ми и на ноте Ми выполняю вибрато, чтобы звучало всё более полно, так что так я маскирую недостаток звучания по сравнению с тем, что могло бы получиться, будь у меня в порядке все пальцы. Так я и разработал стиль игры, который восполняет мои физические недостатки. Может это и нетрадиционный стиль, но он мне подходит.

7. Карьера подвисла на тонкой струне

С тех пор, как произошел несчастный случай, мне пришлось всё заново переосмыслить, от напальчников до непосредственной игры на гитаре. Я был не в состоянии взять любую попавшуюся гитару и играть на ней; на ней должны стоять специфические струны, и струны должны быть подходящей толщины. Все эти проблемы стоят передо мной с первого же дня. Хуже того, в то время не было компаний, производящих струны меньшего диаметра. Не было и компаний, которые могли бы усовершенствовать гитару, так что приходилось всё делать самому.

Тогда я еще играл на Fender Stratocaster. Я разбирал его бесчисленное множество раз в попытках сделать более удобным, стачивая порошки, подгоняя толщину струн. В отличие от обычных людей, у которых все в порядке с кончиками пальцев, я почти не чувствую, как сильно надавливаю на струну, поэтому я склонен пережимать, так как в противном случае струна будет дребезжать. И мне нужны струны потоньше, так как подтягивать толстые струны для меня тяжело.

Самые тонкие струны, которые тогда выпускались были одиннадцать или двенадцать. Они были очень жесткие; в соответствии с модным тогда гитарным самоучителем Берта Уидона (Bert Weedon) "Play In A Day". Который был у каждого. Производили лишь один набор струн, стандартного диаметра. Мне первому пришла в голову идея утончить струны, просто потому, что мне нужно было найти способ сделать игру на гитаре более удобной для меня. Жесткие струны просто раздирали кожу на накладках, у меня не было сил подтягивать эти струны, это было больно. Продавцы в магазинах говорили: "Тебе не достать более тонких. Эти - все, что есть."

И я спросил: "А есть хоть какие-то струны, которые тоньше этих?"

"Нет, разве что от банджо."

"Давайте тогда их."

Две самые тонкие струны от банджо я использовал как Си и верхнюю Ми на гитаре, что позволяло заменить и остальные струны, переместив их ниже, и сделать их менее жесткими. Двигаясь таким путем, я избавился от толстой струны Ми, заменив ее струной Ля. И все у меня срослось. Из-за своей нужды я изобрел более тонкие струны, комбинируя струны от гитары и банджо.

Это был путь проб и ошибок в плане настройки, потому что когда ты опускаешь струну Ля до Ми, она запросто начинает дребезжать на разных ладах. Настройка стала целым искусством, и тем ещё искусством стало ещё играть на этом.

Позже, когда у нас уже вышел первый альбом, и дела у группы шли хорошо, я ходил по компаниям, производящим струны, пытаюсь подвинуть их на выпуск струн уменьшенных диаметров. Мышление их было невероятно консервативным: "О, вы не можете этого сделать. Это никогда не сработает. Они никогда не будут правильно сочетаться гармонически."

Я говорил: "Чушь! Будут! Мне ли этого не знать, я ведь пользуюсь такими!"

На это они отвечали: "Никто никогда не захочет их покупать! С чего бы им это захотеть?"

Все они так единогласно твердили об этом, что даже я начал сомневаться: может и не захотят, может, это только я хочу такие, чтобы иметь возможность делать подтяжки. В конце концов в Уэльской компании Picato мне ответили: "Хорошо, мы даем зеленый свет."

Был 1970-й год, может 1971-й.

Первый комплект тонких струн они изготовили для меня. Струны делали свое дело, они отлично получились, и я много лет их использовал. Конечно же, все остальные компании подхватили моду, гитаристы по всему миру начали использовать их, и струны уменьшенного диаметра стали популярными. Но до сего дня есть люди, которые говорят: «Ты не получишь так жирный звук.» Мне даже случалось работать с продюсерами, которые говорили, что я должен поставить струны потолще, чтобы получить объемный звук.

На это у меня был один ответ: «Никогда не пользовался толстыми струнами, но у меня был объемный звук.»

8. Встреча с Биллом Уордом и The Rest

После того, как я повредил себе пальцы, понадобилось по меньшей мере шесть месяцев, чтобы справиться с болью и начать двигаться дальше. Я постоянно ощущал дискомфорт и пытался скрыть свою руку. Также и с музицированием: я терпеть не мог, если кто-то смотрел на это.

"Что это у тебя на пальцах?"

Позже я слышал, что некоторым казалось, что это круто. Был один преподаватель гитары в Нью-

Йорке, который показывал людям, как играть мои вещи, так у него была пара напальчников. У него с пальцами было все в порядке, но он был уверен, что это помогает при игре.

Мое возвращение к игре в группе состоялось, когда я встретил Билла Уорда (Bill Ward). Он играл тогда в The Rest и все они пришли в наш магазинчик. Они пытались уговорить меня присоединиться к ним, пока я обслуживал людей. Я ответил: “Да, попробуем.”

Они звучали по-настоящему профессионально, так как у них было два усилителя Vox AC 30. У меня тоже был AC 30, так что, когда я посмотрел на это, три AC 30, Фендера - черт возьми, это должна быть офигенная команда!

Это было где-то в 1966-м году или в 1967-м. Билл Уорд играл на барабанах, Вик Редфорд (Vic Redford) - на гитаре и Майкл Паунтни (Michael Pountney) - на басу. Вокалист Крис Смит (Chris Smith) пришел позже, так как в начале пел Билл, и у него это неплохо получалось.

У нас тогда вообще не было денег. Билл рыскал по округе, выискивая детали барабанной установки, сломанные барабанщиками других групп. Он не мог купить себе что-то новое, так что играл обломками палочек. У Вика Редфорда тоже был отрезан палец. Мне кажется, его средний палец застрял в проеме двери, и ему оторвало часть. То, что у него тоже не было пальца, стало для меня большой поддержкой, до этого я еще не встречал никого с такой же проблемой. Я думал, черт побери, оба попали в одну и ту же группу! Он даже попытался использовать мои напальчники, но это то, к чему надо реально приспособиться. Это просто другой мир, абсолютно другая манера игры, ты должен просто поменять все правила. И я это сделал.

Я не соблюдал никаких правил. Я создал новые, собственные.

Мы играли много каверов: немного The Shadows, немного The Beatles, может Stones еще, все, что более менее подходило под музыку из Топ 20. The Rest набирали популярность, мы начали делать себе имя, пока только в местном масштабе. Мы выступали в Мидланд Ред Клуб (Midland Red Club), находившемся на автобусной станции Мидланд Ред (Midland Red Bus Depot). Это был общественный клуб, куда ходил работавший там народ. Там каждую неделю играла какая-нибудь группа. Мы играли раз в две недели, а Джон Бонэм (John Bonham) обычно играл в другой команде, которая там выступала. Выступление его длилось примерно пять минут, потому что он играл слишком громко, и они его выгоняли. Потом он появлялся со следующей группой и все продолжалось до тех пор, пока они не избавлялись от него по той же причине. У него был чехол для барабана с названиями всех этих групп, в которых он играл, исписанный вдоль и поперёк. Названия всё уменьшались и уменьшались, так, чтобы уместиться. Все это было еще до появления систем озвучки залов, когда звук барабанов стали усиливать. Но он дубасил по пластикам настолько сильно, провалиться мне на этом месте, этого невозможно представить. Он был чертовски громким!

The Rockin' Chevrolets уже давно развалились, а я все еще был с сестрой Алана Меридита, Маргарет. Глядя в прошлое, я был очень ревнивым и чересчур опекал Маргарет. Как-то вечером я был на сцене с The Rest и увидел, как к ней кто-то пристает. Я положил свою гитару, спрыгнул со сцены, пробрался туда, вырубил этого чувака, вернулся на сцену и продолжил играть.

Фигня, которую ты совершаешь...

Как-то мы шли по Астону. Я зашел в туалет, а она ждала меня снаружи. Когда я вышел, ее уже донимала кучка парней. У меня глаза кровью налились. Я пошел прямо на того, который стоял к ней ближе всего, сграбастал его, и бам! К счастью, остальные отступились. Я часто так делал в те дни.

Постоянно дрался где-нибудь. Теперь я успокоился. Наконец-то.

Отношения с Маргарет пережили даже The Rest. Все накрылось, когда басист женился и решил уйти. The Rest были просто скромной группкой, которая делала все правильно для того, чтоб играть по пабам. Мы не понимали, но это была та закваска, из которой выросли Mythology...

Позже, в ранние дни Sabbath, я сошёлся с младшей сестрой Маргарет, Линдой (Linda). Было достаточно странно появляться у того же самого дома, чтобы заехать за кем-то другим. Вот он я, сижу в своей машине в ожидании Линды, а какой-то другой парень тормозит свою машину, чтобы забрать Маргарет.

С Линдой мы порвали, когда я вернулся из первого тура по Европе. Я пришел и сказал ей, что хочу расстаться, так как Европа открыла мне глаза на совершенно другую жизнь, какую я никогда не видел раньше, живя в Бирмингеме.

9. Перепрыгивания от работы к работе и в никуда

Предполагалось, что по окончании школы я вольюсь в ряды рабочего класса. Первую работу я получил через отцовского приятеля, у которого была водопроводческая фирма. Все происходило на стройплощадке, и особенно долго я там не задержался. Я не мог этим заниматься, потому что не люблю высоту.

Моим следующим крупным карьерным шагом стало место чернорабочего, мы делали эти кольца с винтами, ты оборачиваешь ими резиновые трубы и сжимаешь, стягивая их. Работа была сдельная, так что ты имел столько, сколько сделал, но при этом изрезывал себе руки об эти штуки в процессе изготовления. Я подумал: и с этим мне еще играть! Так что и оттуда я вскорости ушел.

Затем я трудился в большом музыкальном магазине “У Ярдли” (“Yardley’s”) в центре города. Все музыканты встречались там друг с другом, а люди, которые их обслуживали, играли, чтобы показать, как всё работает. Я прикинул, что буду делать: “Вот так подключается эта гитара, а вот так она звучит.”

Но вместо этого меня заставили выгребать весь товар из витрин, вычищать все барабанные установки, устанавливать их опять, протирать гитары, ставить их обратно, и я сказал себе: погоди-ка, когда же мне удастся присесть и поиграть? А потом было ограбление, и меня заподозрили в причастности, так как я там был новеньким. Они меня допросили и смотрели косо до тех пор, пока не разобрались, кто это сделал на самом деле. Мне не понравилось, как со мной обращались, я там был за прислугу, к тому же меня покорило то, что произошло. В общем я свалил и нашел себе другую работу.

Мои уходы из всех этих мест не вызывали одобрения у предков. Они оба донимали меня: “Когда ты уже найдешь себе нормальную работу вместо того, чтобы бринькать на своих гитарах?”

После “Ярдли” получил работу сварщика, стоившую мне пальцев. А после того, как рука зажила, я устроился в “Печатающие машинки B&D” (“B&D Typewriters”). Там меня научили водить и дали мне вэн. Я должен был носить костюм, ездить по офисам и обслуживать пишущие машинки там же, на местах. После починки повсюду валялись винтики: где винтики под это дело? и где эта штука? о, нет, малюсенькие винтики отсюда и отсюда, о, боже мой!

Но мне это действительно нравилось, потому что таким способом я встречал кучу девушек. Пока я занимался ремонтом их машинок, они не могли работать и просто сидели и болтали, так что у меня не было другого выхода, как участвовать в беседах. На самом деле это играло со мною злую шутку,

так как девчонки звонили в наш офис и заявляли, что их машинка снова сломалась. Начальник тогда мне выговаривал: “Ты был там всего пару дней назад. Я думал, ты починил эту машинку!”

“Я и починил!”

“Да? А они требуют, чтобы ты пришел снова, потому что там что-то в ней не работает, так что отправляйся.”

Выяснялось, что ничего не происходило с печатающей машинкой, но, так как я болтал с девушками, им казалось, что я был бы не против навестить их. Было прикольно. Закончилось все, когда у нас с The Rest стало слишком много выступлений, и я стал чересчур часто опаздывать, так что больше мне это не подходило.

После чего у меня уже никогда не было другой работы.

10. Как три ангела спасли heavy metal

После сдачи экзамена по вождению я купил себе спортивную машину MGB. Мне было восемнадцать или девятнадцать, я работал и каждую неделю вносил за нее крупную сумму. Моя мать не хотела, чтобы я заводил ее себе, так как у меня слегка срывало крышу в этой штуке. И, на самом деле, я попал на ней в серьезную аварию.

Ведя по двухполосной дороге, я обошёл одну машину. Обернулся, так как за рулем была девушка. И вдруг... ба-бам! Я на что-то наехал и две покрышки слетели, а меня бросило через обочину. Я летел в какие-то деревья и видел, как отваливаются крылья тачки, я ещё сидел внутри. Я это помню, все происходило как в замедленном кино. Звучит безумно, но я увидел три опускающиеся фигуры, одна слева и две справа, словно ангелы. И мне подумалось: все, это конец.

Я врезался в дерево, машину развернуло, а я вылетел из нее. Когда я пришёл в себя, я почувствовал запах бензина и подумал: бля, надеюсь не взорвётся. Тачка была с откидным верхом без трубчатого каркаса, она валялась вверх тормашками, но мне удалось выбраться наружу, так как я приземлился на мягкую почву. Там был большой проем, и я вылез на дорогу. Я был контужен и не понимал, что происходит. Какой-то парень подхватил меня и я тут же начал взывать к нему: “Только не говори моим предкам, не говори им!”

Следующее, что я помню, это орущую над моей больничной койкой матушку: “Ты чокнутый ублюдок, как ты только мог такое натворить. Не стоило тебе покупать эту машину!”

Чёрт возьми.

Все, кто видел тачку, говорили: “Ты уже должен быть мертв.” Обломки приволокли ко мне домой, на трейлере. Мама увидела их и залилась в плаче. Даже люди, которые её отбуксировали, удивились:

“Как ты, к чёрту, оттуда выбрался?”

Я ответил: “Понятия не имею.”

Меня должно было убить, но я отделался всего лишь сотрясением. У меня были ссадины, но ничего серьезного.

Я так отчетливо видел эти фигуры. Это заставило меня задуматься, Иисус Христос, да меня там спасли. И спасли с какой-то целью: чтобы я что-то сделал. Кто-то однажды предположил: чтобы изобрести heavy metal. Какое великое предназначение. Ангелы, небось, заметили друг другу: “Упс, промашка вышла!”

Мне понадобилось какое-то время, чтобы снова сесть в машину. Но мне надо было водить вэн группы, так что долго справляться с этой проблемой мне не пришлось. И позже у меня еще были

спортивные машины.

Но теперь я не оглядываюсь на женщин, когда обгоняю их.

11. Всё пошло наперекосяк с юга на север

После того, как The Rest развалились, ко мне поступило предложение из команды под названием Mythology. Они были из Карлайла (Carlisle), городка, в котором тогда было, может, 70 000 населения, на границе с Шотландией, примерно в трех с половиной часах езды от Бирмингема. Я отправился туда вместе с Крисом Смитом, так как Mythology нужен был и вокалист. В их группе оставались только Нил Маршалл (Neil Marshall), басист и лидер команды, и барабанщик, который вскоре ушел, а я подумал; стоять! у меня есть на примете ударник! Пожалуйте, Билл Уорд. Так большая часть The Rest переехала в Карлайл и влилась в Mythology. Для нас этот шаг был логичен. Наши возможности в Бирмингеме были ограничены, а Mythology были крупнейшей группой Карлайла, так что там было, где выступить.

Раньше я никогда носа не высовывал из чёртова Бирмингема, где жил еще с родителями. Съехать из дома и поселиться в Карлайле с остальной группой было для меня серьезным сдвигом. Я никого не знал, так что иметь под боком Криса, а потом еще и Билла, было прекрасно. Обитали мы в Комптон Хаус (Compton House), большом здании, поделенном на квартиры. У нас была гостиная и маленькая кухня на верхнем этаже и спальня, которую мы делили, внизу.

Хозяйка и ее дочь также жили в том доме, но там были не только они. Однажды мы заказывали картошку с рыбой и подсчитывали, сколько порций необходимо заказать: “Так, ты будешь картошку, ты будешь картошку, ты будешь картошку...”

Насчитали на порцию больше, так как приняли в расчет еще маленького мальчика. Я говорю Биллу: “Погоди-ка, ты это видел?”

“Ага, мальчишка.”

Черт меня разбери, это странно было. Нас реально озадачило, откуда взялся этот парнишка. Я сказал хозяйке: “Звучит дико, но нам кажется, что мы углядели мальчугана вверх по лестнице.”

Она спросила: “На вид ему было семь или восемь?”

“Точно.”

“А, он умер в этом доме много лет назад.”

Она была в курсе, оказывается. Он там умер нехорошей смертью. Но был не один такой. Мы видели еще маленькую девочку. Она вроде в ванной утонула.

Нас это не напугало. Если бы приведения на нас кидались, мы бы, может, и обделались от страха, а то были всего лишь дети.

Мы себя очень аккуратно там вели, по поводу шума и всякого такого. Пару раз мы упились дешевым вином и получили надлежащую выволочку, и нам нельзя было приводить девушек. Ни за что: женщин в дом? Вы не можете этого сделать! Мне было двадцать, а Нилу было около двадцати четырех в то время. Предметом гордости Нила было то обстоятельство, что он поиграл с Peter & Gordon. Нил руководил коллективом намного более зрелым, чем The Rest. У Mythology был свой стиль. Мы играли более гитарный материал, чем мне доводилось раньше, блюз с большим количеством соло. Он предоставил мне возможность начать играть по-настоящему, я на самом деле научился играть соло. И по мере того, как росла наша популярность, росла и моя популярность; людям нравилось, как я играю.

У Mythology был отличный агент, Моника Линтон (Monica Lynton), которая находила нам достаточно много работы. Конечно, она часто нас уговаривала: “Вы могли бы разучить чуть более ходовой материал, знаете ли.”

Мы репетировали в гостиной, тихо, только чтобы склеить песню. Но в основном мы играли кавера. Мы их удлиняли, немного изменяли местами, так чтоб можно было соло вставить. Мы опробовали всё дома, а обкатывали уже во время выступления следующим вечером.

У нас было несколько блюзовых и роковых альбомов. Одной из записей, которые мы часто крутили, была “Day of Future Passed” группы Moody Blues, хотя мы и не играли ничего из этого сами. И был еще у нас альбом “Supernatural Fairy Tales” команды под названием Art. Их вокалист, Майк Харрисон (Mike Harrison), позже стал известен со Spooky Tooth. Мы определенно играли из этого парочку номеров в нашей программе, потому что они были тогда на волне, и люди хотели это слушать.

Играли мы в местах вроде Таун Холл (Town Hall) в Карлайле, одном из наиболее отстойно звучащих помещений; в Космо (Cosmo), крупнейшем клубе, типа актовом зале; в Глобал Хотел (Global Hotel) на Главной улице (Main Street), в месте, где потом мы выступали и с Sabbath тоже. У нас было по два или три концерта в неделю, не только в Карлайле, мы заезжали в Глазго, в Эдинбург, в Ньюкасл и во все закоулки и залы по дороге к ним. У нас там была серьезная аудитория. Они умели бухать, как шотландцы, и также, как они, орать: “Что-нибудь из Rolling Stones знаете? Сыграйте что-то из Rolling Stones!”

Они постоянно дрались; это был их выходной. Бутылки разлетались, но если вы прекратите выступление, то будет вот как: они разнесут всё ваше добро. Так что вам приходилось играть, все равно что. Было как в фильме “Братья Блюз” (“The Blues Brothers”, 1980): ты увертываешься от пролетающих бутылок. Аудитория к тому времени уже вся передралась, и это было поистине покурачки. Через неделю они приходили снова как ни в чем ни бывало, разговаривали друг с другом, а потом всё начиналось опять. Было странно наблюдать картину, когда все дерутся, женщины орут, и тоже дерутся!

Живя вдали от дома, мы были свободны делать, что хотим, и выглядеть, как хотим. Я начал отращивать волосы, и началась дурка. Люди нас реально побаивались, так как никто тогда еще не носил таких длинных волос. У меня еще был замшевый пиджак, из которого я не вылезал. Я им гордился и носил на все случаи жизни. Билл Уорд продвинулся еще на шаг дальше: он носил одну и ту же футболку, я даже не знаю, как долго, в ней же и спал. Он был немытым говнюком, и не сильно изменился с тех пор. Мы вообще много лет называли его Вонючкой. Мы даже как-то купили противогазы и надели в его присутствии. А Билл нам: “Ну, потерпите немножко.”

Шутка вышла боком, когда нас остановила полиция в Хартпуле. Они наткнулись на эти противогазы в багажнике нашего вэна и решили, что мы собираемся устроить ограбление. Нас арестовали и забрали в полицейский участок. Представьте, что творилось на Парк Лейн: они там вечность потом об этом судачили.

В Карлайле я впервые покурил гашиш. Это превратило меня в чудака, чуть ли не до паранойи. Я подумал, о, Боже, не думаю, что мне это понравилось. И мне точно не понравилось, к чему это привело. Тот дилер приходил к нам раза три, потому что Нил покупал у него гашиш. Однажды этот чувак, который не был городским, пришел к нам с чемоданом и спросил: “Можно я его тут у вас оставлю, а то мне еще бегать туда-сюда?”

Мы согласились и больше никогда его не видели.

На следующее утро, около семи, ба-бам! Полиция выносит дверь и вламывается в нашу комнату.

Они нашли этот чемодан, полный дури.

Мы были в ступоре: “Это не наше!”

Нас схватили, теперь неприятностей не оберёшься. Я оцепенел. О, нет, что подумают отец с матерью!

Я тогда в первый раз обкурился в хлам, и это наверное был где-то третий раз, когда я вообще курил.

Мы пытались объяснить, что чемодан был не наш. Им это было известно, так как они следили за этим парнем. Это и привело их в наш дом. Они его арестовали, но все еще пытались повесить его и на нас: “Если вы не расколетсяь, что это такое... все это, что мы тут у вас нашли, то... сечёте?”

Они круто накинулись на нас и перепугали до смерти. Нас разделили, и пошли допросы.

Естественно, каждый гадал, что наплели другие. Очень неловкая ситуация.

Всё вылилось в печать, так как тогда это было большим происшествием: “Группа арестована с наркотиками.” Всё перешло в разряд национальных новостей и достигло Бирмингема, так что мои предки всё узнали. Прикиньте, как соседи отреагировали: “У Айомми парень-то наркоша!”

Я позвонил матушке, она безумствоала, плакала, визжала и орала: “Ты опозорил наш дом!”

Одним из тех, кто нас повязал, был сержант Карлтон (Carlton). Вскоре он достаточно разобрался, чтобы понять, что мы не были теми отпетыми преступниками, которых они искали. Он и помог нам выпутаться.

Скандал с наркотиками стал основной причиной развала Mythology. С концертами стало тяжело, и мы с Биллом просто вернулись в Бирмингем. Я снова стал жить дома. Было очень стыдно, но больше мне идти было некуда.

Мы с Биллом держались вместе. Мы хотели собрать новую команду, так что мы начали подыскивать вокалиста. В музыкальном магазине мы и увидели объявление, гласящее: “Оззи Зиг конерт дать рад, у него есть аппарат” (“Ozzy Zig requires a gig, owns his own PA”).

Я сказал Биллу: “Знаю я одного Оззи, но это не может быть он.”

Мы проехали по указанному адресу, постучали в дверь, ответила его матушка, и мы поинтересовались: “Оззи дома?”

Она нам: “Да, минутку.”

Она повернулась и прокричала: “Джон, это тебя.”

И когда он появился в проеме двери, я сказал Биллу: “О, нет, забудь. Я этого чувака знаю.”

12. К Земле

“Что ты имеешь в виду?” - спросил Билл.

А я ему: “Я его со школы знаю. И насколько я в курсе, певец из него никакой.”

Полагаю, Оззи тоже был в шоке. Я его со школы не видел, так что единственное, что он мог помнить обо мне, это как я слонялся вокруг и всех мутузил. Оззи на год младше меня, так что он учился на класс ниже, чем я. Он постоянно тусовался со своим дружкой Джимми Филлипсом (Jimmy Phillips).

Мы с Альбертом никогда не корешились с ними в школе.

Мы с Биллом поговорили немного с Оззи и сказали: “Ну тогда пока.”

После чего мы фактически забыли об этом случае. Несколькими днями позже Билл пришёл к нам домой, мама сделала ему сандвич. И тут неожиданно появляются Оззи и Гизер и сообщают, что

подыскивают барабанщика. Я ответил: “Билл - барабанщик, и мы собираемся держаться в месте. Но если у него есть желание, то всё в порядке.”

А Билл говорит: “Не, не. Я играю с Тони.”

На что я сказал: “Почему бы нам не попробовать вместе? Давайте сколотим группу и посмотрим, как оно пойдет.”

Мы собрались на первую репетицию. Там был еще дружок Оззи, Джимми Филлипс, игравший на слайд-гитаре, и какой-то чел ещё выдувал на саксофоне. Гизер был гитаристом, но решил пересесть на бас. Проблема была в том, что у него не было баса, и денег, чтобы купить какой-нибудь, у него тоже не было. Он опустил строй на своем Фендере Стратокастере, попытавшись таким образом выйти из ситуации на той репетиции. Я подумал: черт меня раздери! На мое счастье, он потом пошёл и одолжил бас Hofner в своей бывшей команде. На нем было всего три струны, но тогда он все равно играл только на одной.

Мы разучили кое-какой блюзовый материал, сделали несколько песен и назвались The Polka Tulk Blues Band. Джимми Филлипс и я принялись подыскивать возможности для выступлений. Мы засели у нас в гостиной с телефоном на ящиках, и я сказал: “Давай Джимми, звони этим, “Развлечения Спотлайта” (“Spotlight Entertainment”) звучит интригующе.”

Он набрал номер и произнес: “Извините, могу я поговорить с мистером Спотлайтом (Прожектором)?”

Тут мы начали ржать, на этом все и закончилось. Тогда я позвонил агенту Mythology Монике Линтон в Карлайл и сказал: “У нас тут группа, дай нам шанс.”

Она ответила: “Ладно, но вам придется играть что-то из Топ-20, и тогда уже может пройти и немного блюза.”

“Хорошо, хорошо.”

И мы подались в Карлайл. В округе, в местечке под названием Эгремонт (Egremont), мы играли в “Тое Бар”. Ко мне подошел крупный шотландский парнишка и говорит: “Вокалист у вас дерьмовый.” “А, да. Спасибо.”

Мы наверное выглядели, как чёртова гоп-компания: я в своей замшевой куртке, Билл в смердящих шмотках, плюс еще был Оззи, побривший голову под ноль. Гизер носил длинное индейское хиппарское платье. “Мир”, “чувак”, и все такое. Я думал: странно это, парень в платье. И во что только я дал себя впутать?

Гизер встречался с девчонкой, жившей неподалеку от нашей лавки, так что я часто видел, как он проходил мимо. Ещё чаще я встречался с ним, когда играл с командой в ночном клубе, где также выступала и группа Гизера Rare Breed. Тогда можно было встретить его, пробирающегося мимо по стенам, он тогда кислоту принимал. Я считал его чокнутым. Когда мы отыграли в “Глоб Хотел” в Карлайле, вбежал какой-то идиот, который пнул парочку полицейских и убил одну из их собак. Мы как раз выносили оборудование, а Гизер спускался по лестнице в своей хиппарской одежде с парочкой гитар, и тут на него налетает этот парень: “Тыыыыаааа!”

Гизер воскликнул: “Ой!”

Он опустил гитары и принялся кричать: “Не бей меня, чувак, я мирный!”

А потом побежал. Это было невероятно, абсолютно невременный здоровяк, гонящийся за Гизером, и Гизер в своем кафтане, отчаянно пытающийся сбежать от него. Понадобилась целая свора

полицейских, чтобы унять чувака и увезти его в тюрьму. Чёрт побери: какое замечательное начало для новой группы!

Джимми Филлипс и саксофонист долго у нас не задержались. Если было соло, то все играли его одновременно. Эти двое похоже делали это на потеху, и меня это расстраивало. Я созвал Билла, Гизера и Оззи на небольшое совещание и сказал: “Саксофонист у нас не в тему, да и Джимми Филлипс тоже.”

Они спросили: “И как ты хочешь поступить?”

Мне не хотелось задевать чьи-то чувства, выгоняя их, так что мы сказали им, что распадаемся. После этого мы пару дней не встречались, а потом вернулись к работе вчетвером.

Первые выступления получились отстойными. Эта группа даже рядом не стояла с Mythology, но я твердил: “Пройдет время, и все получится.”

Я чувствовал какой-то потенциал. Это была странная смесь: кто-то, кого я знал еще со школы, но с кем я тогда не общался; Гизер, человек с другой планеты; и мы с Биллом, наверное, еще с какой-то, другой, планеты. Но вместе всё казалось органичным. Мы репетировали и репетировали, дали несколько концертов, и всё начало срастаться.

Мы отказались от названия The Polka Tulk Blues Band, быстро превратившегося в Earth. Мы играли 12-тактовый блюз, типа того, что делали Ten Years After. Мне нравилось всё, только чтоб гитара была. У нас были блюзовые альбомы исполнителей, о которых я никогда не слышал, но если там было гитарное соло на каком-то треке, мы решали: “О, мы этот номер сыграем, он клёвый, еще один 12-тактовик!”

Гитарные партии стали более джазовыми, да и Биллу нравилась музыка биг-бэндов. Оззи и этим отлично справлялся. Я много стоял у него над душой, так как поначалу он не знал, что делать. Я говорил ему: “Давай, разговаривай с аудиторией, говори так и так.”

А Гизер очень быстро освоился на басу: еще до того как ты соображал, он уже играл это. Но так как мы играли блюз, то у нас было не очень много работы. В Бирмингеме тогда был популярен соул, поэтому оставалось всего парочка мест, где мы могли поиграть. Пожалуй, лучшей площадкой в Бирмингеме для нас был клуб “Mothers”. Там мы выступали, но помню я также и “Chicken Shack”, когда там были Colosseum Джона Хайзмана (Jon Hiseman) и Free. В “The Town Hall” звук был дурацкий, но там мы тоже несколько раз выступили. Вообще-то на внутренней части обложки альбома “Volume 4” изображено, как мы там играем. Большинство мест, в которых мы играли, было пабами, где имелся большой неиспользуемый зал, он сдавался тем, кто организует концерты. Кому-то вроде Джима Симпсона (Jim Simpson), который снял помещение над пабом в центре Бирмингема, назвав его “Henry’s Blues House”. Там что-то происходило от силы пару раз в неделю, но место стало очень популярным в Бирмингеме.

Из-за того, что сцены были крошечными, мы все сбивались вместе. Оззи торчал где-то передо мной, но позже, когда мы перебрались на более вместительные площадки, он стоял слева перед моим стеклом, а я сместился в центр сцены. Не спрашивайте меня, почему, я никогда этого не знал. Кажется странным, но мне такая расстановка понравилась: центр сцены - лучшее место для того, чтобы услышать, как всё звучит. Там я и оставался до тех пор, пока мы не расстались. Оззи перебрался в середину, только когда мы воссоединились много лет спустя, в девяностых.

Первым делом мы купили для нужд группы огромный взн марки “Commer” с затемнёнными окнами.

Это была развалина, бывший полицейский вэн с большущей дырой в полу в пассажирской секции. Однажды я заехал за одной девчонкой. Для того, чтоб хоть как-то прикрыть дыру, мы постелили над ней коврик. Так вот, выходит она вся разодетая, в чулках, вскарабкивается внутрь и наступает прямоком в дыру. Метал разодрал ей чулки, к тому же она ещё и порезалась. На этом роман закончился.

Матушка помогла нам найти покрытие. Мы его настелили на пол и поместили сзади диванчик. На этой невероятной катастрофе мы снова отправились в Карлайл. Вэн постоянно ломался. Это было дерьмово, но и дороги тогда были такие же дерьмовые. Дорога в Карлайл или в Лондон казалась бесконечной.

У меня одного были водительские права, а нанять водителя мы себе позволить не могли. Я заезжал за всеми перед репетициями и концертами, и так как всё это висело на мне, нервы у меня были полностью расшатаны, так что нам очень повезло, что мы остались живы, серьезно. Они все дрыхли сзади, а я хлестал себя по щекам, чтобы не отрубиться. Самая поганая вещь была, когда я открывал окно, чтобы отогнать сон, а они: “Блин, тут сзади дубак какой-то.”

Как-то ночью по дороге домой я нашёл улицу, в точности похожую на ту, где жил Оззи. Я решил, что будет круто подшутить над ним и высадить его там. Было четыре или пять утра, Оззи спал, и я сказал: “Ну что, Оз, ты дома!”

“Мммэээ...”

Он выбрался из вэна, и я прокричал: “До завтра, пока!”

Я тронулся, глянул в зеркало заднего вида и увидел, как Оззи пытается вломиться в чужой дом. Когда он всё понял, мы уже были далеко. И ему пришлось пилить до дома пешком милоу или около того. Следующим вечером, когда я его подобрал, он заметил: “Вчера ты меня выкинул не на той улице!”

Я говорю: “Да ну! Боже, а мне показалось, это твоя улица!”

Позже, ночью, по пути домой он снова уснул сзади, а я остановился на той же неправильной улице.

“Ну что, Оз, приехали!”

“Мммэээ...”

Он выходит, мы уезжаем, опять та же картина. И так много раз.

Матушкина помощь с вэном была одной стороной медали; другой стороной были её причитания:

“Ты чёртова заноза! Найди уже себе нормальную работу!”

Но она для нас много делала и за всеми присматривала. Она всегда всовывала сандвичи или ещё что-то из еды, так что ребята из группы её любили. Им обоим, и отцу, и матери, нравились все наши парни. Особое пристрастие они питали к Оззи. Папаша считал его забавным, так оно и было: Оззи был весьма прикольным челом.

Отец Оззи тоже очень помог. У Оззи был аппарат, но нам нужен был побольше, тогда его папаня подписал бумагу, которая называлась поручительством. Это означало, что он гарантировал выплату, и Оззи мог взять кредит под покупку. Он купил усилитель “Triumph” и два кабинета. К тому же у нас был аппарат “Vox”. В те дни у вас не было звукача, вертящего ручки в середине зала; весь звук шёл из вашего собственного оборудования со сцены, поэтому ты начинал с того, что поднимал громкость, и все принимались орать: “Сделай потише”!

Нам жаловались, что мы очень громкие. Постоянно. Если ты стоишь перед своим кабинетом, то не

можешь услышать кого-то ещё, поэтому приходилось перемещаться, чтобы понять, что вообще происходит. Ты мог совсем не слышать вокалиста, и это при том, что Оззи врубал свой усилочник так громко, что он аж свистел.

Мы часто играли в “Henry’s Blues House”, где быстро набирались мастерства. Джим Симпсон, человек, который там заправлял, заинтересовался нами. Он был джазменом, трубачом, а мы играли приджазованный блюз. Ему это нравилось, и он предложил нам услуги менеджера. У нас никого другого не было, а у него был “Henry’s Blues House”, где мы могли выступать, так что мы боялись, если мы не подпишем, то у нас не будет концертов.

Джим Симпсон начал работать с нами примерно в конце 1968-го или в начале 1969-го года. И вот к чему мы пришли: аппарат в арсенале, старая рухлядь в виде вэна марки “Commer”, сет-лист, состоящий из приджазованных 12-тактовых блюзов, и менеджер. Полный комплект и не было другого пути, как наверх.

Первое, что сделал Джим Симпсон, впихнул нас в “Big Bear Folly”, британское турне четырёх команд, в котором каждый вечер заканчивался джемом, когда на сцену выходили все сразу. В январе 1969-го мы играли в клубе “Marquee”, но не слишком сошлись с тамошним менеджером Джоном Джи (John Gee). Этот парень был повернут на биг-бэндах, и, когда Билл заявил, что тоже фанатеет от джаза, Джон Джи поставил ему кое что из этой музыки и начал спрашивать: “А это тогда кто? Кто это?”

Билл назвал совершенно не те имена, и Джона Джи прямо передёрнуло.

Оззи был одет в верх от пижамы и носил кран вокруг шеи. Это Джону также не понравилось. Думаю, мы казались ему замухрышками. Ну, такими мы и были. Не было у нас денег на то, чтобы хорошо выглядеть. Вообще-то, Оззи часто ходил босиком. Гизер был гуру от моды, следил за последними веяниями. У него были зелёные штаны цвета лайма. Это была его единственная пара, он постоянно их стирал и носил снова и снова. Однажды он решил высушить их на обогревателе, и одна штанина загорелась. Так как он души не чаял в этих брюках, его матушка пришила ему другую штанину, и с тех пор он рассекал с одной зелёной штаниной, а другой - чёрной. Чокнутый!

Биллу как-то присудили приз за самую дурно одетую рок-звезду, “Самая неряшливо одетая рок-звезда отсюда-то” (“The Scruffiest Rock Star Out There”) или что-то вроде этого. И он этим реально гордился. Ну и я там ещё был в замшевой куртке. В такой одежде и с копнами волос мы выглядели по настоящему брутально. Мы все отрастили себе усы подковой, а Билл - ещё и бороду в придачу. Это не было какой-то осмысленной идеей. Если ты в коллективе, то у вас вырабатывается единообразный имидж.

“О, у тебя волосы ещё немного отросли, смотрится отлично, оставь так.”

Недостатком этой ситуации было то, что женщины не ходили на наши концерты. Неряхи с длинными патлами, только парни сидели в зале...

Если приглядеться, то можно было найти несколько. Но и эти выглядели, как парни!

13. Флирт с Tull в Театре Рок-н-Ролла

Earth играли всего несколько недель, когда нам выпало открывать Jethro Tull, уже завоевавших широкую популярность. Мне казалось, что они по-настоящему хороши, то там точно что-то было неладно, так как прямо во время концерта их гитарист, Мик Абрахамс (Mick Abrahams), что-то заявил Йэну Андерсону (Ian Anderson). Фраза была вроде: “Я ухожу”, или: “Это мой последний

вечер”. После выступления они спросили, не хочу ли я к ним присоединиться.

Я ответил: “Вот чёрт побери! И не знаю.”

И я не ответил. Я был в шоке от всего этого.

По пути домой я сказал остальным: “Я должен вам что-то рассказать. Меня попросили войти в состав Jethro Tull. И я не знаю, что ответить.”

Они меня очень поддержали и сказали “Ты должен попытаться.”

Tull связались со мной, и я ответил: “Ну, хорошо. Я попробую.”

Но не всё было так просто. Мне сказали: ”Тебе надо пройти прослушивание.”

Я заартачился, но они настояли: “Приезжай в Лондон. С тобой всё будет в порядке.”

Я поехал туда и вошёл в помещение, а там было много гитаристов из известных коллективов, я запаниковал... и снова вышел. Я был знаком с Джоном, одним их членов их команды, ещё со времён, когда он был с Ten Years After. Он догнал меня и сказал. “Слушай, не волнуйся, просто пойдёшь, сядь в кафешке напротив, а я за тобой зайду, когда подойдёт очередь.”

“Ну, мне как-то не по себе.”

Но он не отставал: “Ты должен попытаться; они хотят сыграть с тобой.”

Так что он зашёл и забрал меня из кафе. Когда настал мой черёд, все уже разошлись. Мы начали с 12-тактового блюза, я дал соло. Мы ещё сыграли два или три джема, и мне сказали: “Эта работа твоя.”

Не успел я опомниться, как попал на репетиции Jethro Tull перед записью их нового альбома “Stand Up”. Песня “Living In The Past” из него потом попала на первое место в британском чарте. Я предложил пару риффов к “Nothing Is Easy”.

Из-за переезда в Лондон и из-за того, что пришлось покинуть Earth, я чувствовал себя не в своей тарелке, поэтому взял с собой Гизера в качестве моральной поддержки. Он сидел на репетициях где-то сзади в комнате, они не были против. Джон приютил нас в своей квартире и возил на репетиции. Начинались они утром ровно в девять часов. Я никогда не слышал о девяти утра в нашей группе, да и никто не слышал. В Earth нам бы плохо сделалось от чего-то подобного. А у Tull было: “Должен быть там, вовремя!”

В первый день мы добрались туда, может, минут на десять позже, и я услышал, как Андерсен орёт на Джона: ”В девять, я сказал!”

Я подумал, чёрт возьми, это чересчур серьёзно. Я ещё даже не включился, а напряжение уже ощущалось. Строго в двенадцать был ланч. Я присел за стол к Йэну. Остальные сидели за другим столом и шептались мне : “Нет!”

Я удивился, что это с ними?

А они: “Ты сидишь не с Йэном. Ты сидишь с нами.”

“Что вы имеете в виду?”

“Он любит сам сидеть. А мы сидим все вместе.”

Я задумался, чёрте-что творится, странный тут расклад. Я думал, тут группа!”

Тем вечером Йэн Андерсон взял меня посмотреть на Free в “Marquee”. Он представил меня всем как своего нового гитариста, и я решил, что всё идет превосходно. Я чувствовал себя поп-звездой. Из бирмингемской безызвестности превратиться в персону, к которой с интересом относятся люди в “Marquee” - звучало круто. Мы немного посмотрели на Free и ушли довольно рано. Следующим

утром опять репетиция. В девять часов. И не опаздывай!

Но всё было не так гладко. Последней каплей стала встреча с менеджером. Он сказал: “Ты будешь получать 25 фунтов в неделю, и тебе очень повезло, что эта работа досталась тебе.”

После такого я решил: я хочу быть частью группы, в которой всё делается сообща, а не быть приглашённым в состав, где всё уже решено, и где я “счастливчик только от того, что я здесь”. Я вернулся в репетиционное помещение и подошёл к Йэну: “Можно тебя на два слова?”

Мы вышли, и я сказал: “Я себя чувствую неуютно от всего, что происходит?”

Он мне: “Что не так?”

“Я не доволен положением вещей. Мне не по себе от “счастья” быть в команде и от подобных вещей.”

Йэн был молодец, и я не могу его винить за всё происходящее; он был достаточно дружелюбен. Он начал: “Послушай, если ты уверен, что хочешь уйти...”

“Так и есть.”

“У нас сейчас напряжёнка, нам нужно участвовать в этом фильме, “Rolling Stones Rock And Roll Circus”, и у нас нет гитариста. Отработай с нами хотя бы там.”

Я себя ощущал ужасно от того, что ухожу от них, так что я согласился: “Да, я сделаю это.”

Вот так оно и случилось. Как только я вышел с той репетиции, я предложил Гизеру: “Давай снова соберём группу.”

Он спросил: “Ты уверен насчет выхода из Tull? Повремени и подумай.” Он уговаривал меня, но потом сказал: “Я рад, что ты не сделал этого.”

Я предложил: “Давай сделаем всё более правильно. Будем делать, как они: репетировать по утрам, на самом деле, начнём с этого.”

Он согласился. Так что мы позвонили остальным из Лондона и составили план, как соберёмся снова вместе.

Мне ещё предстояло участие в “Rolling Stones Rock And Roll Circus”. Открытие состоялось в отеле “Dorchester”. Я там был в той же замшевой куртке. В ней я и в фильме появился. Вся аппаратура Стоунз была установлена в актовом зале. Там же были The Who, Taj Mahal и все занятые в фильме люди, но я не знал ни души и чувствовал себя лишним на банкете. Мариан Фейтфул (Marian Faithfull) должно быть поняла это; она подошла и сказала: “Всё будет в порядке. Я поболтаю тут с тобой.”

Так она и сделала. Она была классная.

Стоунз начали играть, но не прошло и минуты, как они остановились. Они принялись спорить и дошло до крупной ссоры. Весь зал притих. Брайан Джонс (Brian Jones) и Кит Ричардс (Keith Richards) кричали друг на друга: “У тебя, блядь, не строит, ты долбанный...”

Так как Мик Джаггер (Mick Jagger) встречался с Мариан Фейтфул, он подошёл к нам со словами: “Они, бля, даже не в состоянии настроить свои грёбанные гитары.”

Наверняка это был предвестник грядущих неприятностей.

На следующий день съёмки происходили на каком-то огромном складе. Они установили сцену и декорации, которые выглядели как арена амфитеатра. Они заставили всех надеть дурацкие шляпы и цирковые прибабасы, и мне это показалось смехотворным. Даже Эрик Клэптон (Eric Clapton) возмущался: “Я, бля, чувствую себя чертовски глупо в этих дебильных штуках.”

Мне вручили чёртов кларнет, и мы все вышли, претворяясь, что идем вокруг арены и играем. Клэптон, The Who, Джон Леннон (John Lennon), все должны были ходить вокруг этой арены. После того, как мы, я даже не знаю с какого дубля, сделали всё так, как надо, народ принялся общаться, и обстановка стала более комфортной.

Все с предвкушением ждали джем с участием Клэптона, Леннона, Митча Митчелла (Mitch Mitchell) и Кита Ричардса на басу. Я заметил Йэну Андерсону: “Не могу дождаться, как хочется посмотреть на игру Клэптона.”

Они начали играть какой-то инструментал, чёртова Йоко сидела в ногах у Джона, и всё было совсем не круто. И Йэн поинтересовался: “Ну и как? Что теперь думаешь о своём герое?”

Мы делили гримерку с The Who, и это был первый раз, когда я с ними встретился. Они оказались достаточно приятными парнями, и, когда начали играть, были очень хороши. Я был абсолютно потрясён, когда услышал, как Пит Тауншенд (Pete Townshend) выдаёт соло, так как обычно вы не так часто могли это услышать, а играл он превосходно.

Не всем было так забавно; мы исполняли “Song For Jeffrey”. Йэн взял шляпу и предложил: “Возьми, попробуй надеть.”

Я ответил: “Выглядит прилично”, но чувствовал себя довольно стесненно и держал голову опущенной во время игры, так что моего лица не было видно.

Целая вечность прошла, пока что-то выпустили. Раза три-четыре я сталкивался с Биллом Уайменом (Bill Wyman), и он обещал: “А, точно, я сделаю для тебя копию всей этой тусни.”

Но так и не сделал, поэтому я увидел всё лишь годы спустя, это был тихий ужас. Так не актуально.

Но теперь это классика; половина участников шоу уже мертвы. Джон Леннон, Кит Мун (Keith Moon) и Митч Митчелл... это Театр Рок-н-Ролла, так и есть.

14. Кто раньше встал, того и песня

После возвращения из Лондона я сказал остальным ребятам в группе: “Если мы собрались этим заниматься, то давайте относиться ко всему серьёзно и по-настоящему трудиться, начнём репетировать с девяти часов. Ровно!”

Мы арендовали помещение в “Newtown Community Centre” в Астоне, напротив кинотеатра, и начали жить в абсолютно новом режиме. Я заезжал за всеми, чтоб быть уверенным, что они будут вовремя.

Гизер жил не так далеко, поэтому он пешком приходил. Иногда он немного задерживался, но обычно мы начинали работать в приемлемое время. Именно тогда мы начали сочинять свои собственные песни. “Wicked World” и “Balck Sabbath” были первыми ласточками, написанными на репетициях.

Мы знали, что в нас что-то было; ты чувствуешь такое, когда волосы на руках дыбом встают, и это особые ощущения. Мы понятия не имели, что это было, но нам это понравилось. У меня родился рифф для “Balck Sabbath”. Я играл “дум-дум-дуууммм”. И это было оно! От этого и выстроилась песня. Как только я заиграл первый рифф, началось: “О, Боже! Это круто. А что это? Не знаю!”

Простенькая вещица, но у неё есть своё настроение. Только потом я узнал, что использовал то, что называют “интервалом Дьявола”, аккорд настолько мрачный, что в Средние Века его воспроизведение было запрещено Церковью. Не знаю; это было всего лишь то, что я чувствовал внутри. Почти так, будто оно вырвалось из меня, как-то так случаются подобные штуки. Затем каждый стал нанизывать по кусочку, и в конце концов получилось нечто потрясающее. Очень странное, но хорошее. Мы все в шоке были, но мы же знали, что что-то подобное в нас есть.

Гизер собирался стать бухгалтером. Вот почему он брал на себя роль учета денежной выручки после каждого выступления. Он был смышлёным, поэтому именно у него так хорошо стало получаться с лирикой. У меня определённо не выйдет сесть и написать что-нибудь подобное, а Биллу и двадцати лет не хватит, чтобы выдать из себя хоть строчку. Оззи придумывал вокальные мелодии. Он просто пел все, что взбредёт в голову. Поэтому хорошо, что к нему вовремя пришла идея спеть “Что это, что стоит предо мною?” (“What is this that stands before me?”) Гизер вскоре использовал это, чтобы доделать текст. Так что они оба занимались такими вещами.

Мы тогда много дури принимали. Как-то раз мы были в каком-то клубе в глуши, у чёрта в заднице. Оззи с Гизером увидели, что снаружи кто-то по-дурацки скачет. Им казалось, что это эльф или кто-то вроде. Я боюсь, это был наркотический бред, но, думаю, именно оттуда пошёл “The Wizzard”, ещё одна ранняя песня. Они просто взяли и воплотили в тексте то, что им привиделось. Наши первые вещи часто описывают, как пугающие. Мне нравились фильмы ужасов, и Гизеру нравились. Мы ходили в кинотеатр через дорогу от нашей репетиционной базы, чтобы смотреть их. Знаю, что есть фильм Бориса Карлоффа (Borris Karloff) под названием “Black Sabbath”, но в то время он нам не попадался. Гизер предложил назваться Black Sabbath, и это звучало слишком подходящим для нас, чтобы не воспользоваться.

Нам всегда казалось, что есть нечто, что направляло нас к музыке, которую мы играем. Я сыграл этот рифф к “Black Sabbath”, лишь “дум-дум-дум”, и вот оно. Просто пришло, так же как и многие другие мои риффы. Это вроде того, как будто кто-то говорит: “Играй так!”.

Что-то или кто-то привносит идеи и направление из других измерений. Словно невидимый пятый член команды...

15. Из Earth в Black Sabbath

Когда мы играли в “Тое Бар” недалеко от Карлайла, они всегда возили нас в прицепе. Зимой в нём было настолько холодно, что мы жгли мебель, чтоб хоть как-то согреться. Однажды мы завернули на концерт в Манчестере, в дверях стоял парень в костюме и при галстук-бабочке. Мы подумали, странновато для блюзового клуба. Он сказал: ”А, Eatrh, входите.”

И добавил: “Мне нравится ваш новый сингл.”

Мы тогда пропустили это мимо ушей и оставили без внимания, установили всё наше оборудование. Потом мы увидели, что все люди пришли в бабочках, костюмах и бальных нарядах, и поняли, что они заказали не ту команду. Вскоре мы выяснили, что есть ещё одни Earth, и это была поп-группа. Управляющий тоже врубился в ситуацию, но сказал: “Выходите и играйте.”

Мы отыграли одну песню, и буквально все, ожидавшие танцулек, сорвались: “Это что за дерьмо?” Нас выперли. И когда управляющий ничего нам не заплатил, мы присвоили себе кипяtilьник, стащили с задней стены гримерки коврик, покидали в него ножи и вилки, взяли все, что смогли. И сказали друг другу: “С нас хватит, больше мы на такое не пойдём. Нам необходимо придумать другое название, такое, какого ни у кого больше нет.”

Джим Симпсон предложил назваться ”Fred Carno’s Army”. Пипец всему, хуже не придумаешь. Фред Карно был импресарио времён мюзик-холлов, работавший с Чарли Чаплиным (Charlie Chaplin) и Стеном Лаурелом (Sten Laurel). У Оззи были идеи типа “Jimmy Underpass” и “Six Way Combo”. Гизер предложил “Black Sabbath”, и это звучало как отличная вывеска для нас.

Джим Симпсон организовал наше первое выступление в Европе. Это была наша первая поездка туда,

и когда мы заехали за Оззи, он появился с рубашкой на вешалке. Мы ему сказали: “Мы, знаешь ли, уезжать собираемся.”

“Знаю.”

“На несколько недель.”

“Знаю я.”

У него была всего одна рубашка да пара джинсов, вот и всё.

По дороге мы и приняли решение сменить название. Или, может, это было в одном из первых клубов, в которых мы играли, знаменитом гамбургском “Star Club”. Он вмещал 400 или 500 человек. Потом они ещё несколько раз приглашали нас, и мы в конце концов побили тамошний рекорд посещаемости, установленный ещё The Beatles.

Это было как раз после случая с Jethro Tull, и, вдохновившись подвигами Йэна Андерсона, я купил себе флейту и попытался сыграть на ней на сцене. Мы тогда курили много травы, я был довольно обдолбанным. Я держал флейту чересчур низко, так что только выдувал воздух в микрофон. Оззи ушёл за сцену, нарыл где-то огромное зеркало. вытащил его на сцену и поставил рядом со мной. Затем он постучал мне по плечу, я обернулся и воскликнул: “O,o!”

Ещё один прикол вышел, когда Оззи нашёл баночку пурпурной краски и выкрасил себе лицо. Там была большая стремянка за сценой, так он вскарабкался по ней, пока его голова не показалась над кулисами. Всё, что можно было увидеть, это пурпурная голова, появившаяся из-за задников. Такие сумасшедшие выходки помогали нам удерживать остатки рассудка, которые у нас ещё оставались.

В те ранние дни у нас было несколько туров по Европе. В первом турне мы проехали через Гамбург, Данию и Швецию, а в следующем заехали и в Швейцарию, где в течение шести недель выступали в Сант-Галлене (St Gallen). Мы там играли, может, человек для трёх, по четыре-пять выходов в день. Всё что нам доставалось, это стакан молока и колбаска. Без денег: мы жили в полной нищете. Гизер был вегетарианцем, но был вынужден есть колбаски, потому что нам не на что было купить для него другой еды. Обитали мы все в одной комнатёнке над кафе, через дорогу от места, где мы играли. Если ты не приходил вовремя, то оставался на улице, так как дверь запирали.

Однажды вечером мы с Оззи ушли с двумя девушками и остались у них. Гизер вышел куда-то и уже не смог зайти внутрь. Билл связал вместе простыни и попытался втянуть его наверх. В это время мимо проходил полицейский патруль. Пришлось долго объяснять на двух языках, что тут к чему. Затем мы двинули в Цюрих. Когда мы добрались до места, оно оказалось битком набито. Там играла группа, выглядели они вполне счастливо, и у них даже было шампанское. Мы подумали, чудесно, и у нас значит будет. Нам то было невдомёк, что они провели тут шесть недель, и это был их последний вечер. Все эти люди провожали их, и это была прощальная вечеринка. И вот мы вышли, минуточку, а что случилось то? Где весь народ? Приходил туда один чудик каждый день. Он становился на голову, все его деньги высыпались из карманов, он их собирал и сваливал. И в углу бара сидела ещё шлюшка одна, вот и всё.

Так как всё равно было пусто, мы начали играть что попало. Тут мы подумали, стоять, если Билл выдаст здесь соло на барабанах, а потом я задвину соло на гитаре, остальные ребята смогут передохнуть. Это хорошо прокатывало несколько дней, но затем нас, конечно же, подловили. Во время соло Билла пришла дочка хозяина и сказала: “А ну-ка прекратили этот шум! Вам платят за то, чтоб вы играли, а не за это!”

Это было по-настоящему ужасное место. Мы спали в одной комнате, вместе со стаей крыс. Владелец заведения отобрал у нас паспорта, так что сняться оттуда мы не могли. Это было чуть ли не рабство, мы играли пять 40-50-минутных сетов в день, в выходные и по семь, а платили нам гроши. Но у нас было много приколов, отчасти из-за того, что по случаю нам перепали косяки. А Билл курил кожуру от бананов. Бананы он съедал, соскребая все остатки с оболочки, заворачивал её в тонкую фольгу, ставил в духовку, готовил, а потом скуривал это. Он заявлял, что его эта штука вставляет, что это круто, и очень гордился своей находкой.

“Билл что делает?”

“Аа, банановую кожуру свою готовит.”

16. Black Sabbath записывают “Black Sabbath”

Когда мы выступали в “Henry’s Blues House”, туда заходили люди из музыкального бизнеса, чтобы взглянуть на нас. По этой же причине мы как-то ездили в Лондон поиграть в “Speakeasy”; Крисализ (Chrysalis) пришёл нас послушать, но зал был пуст, и выступление получилось унылым. Всё это делалось, чтобы заключить контракт. Нас отвергали, но это был не конец вселенной. Вы должны стойко держаться того, во что верите, гните свою линию и не меняйтесь только потому, что считаете, что так хотят люди. Именно так получается что-то новое. Делать то, что все - путь в никуда; вы должны создать что-то своё.

В “Henry’s Blues House” пришёл Тони Холл (Tony Hall), ему понравилось то, что мы делали, и он захотел подписать нас. Это был достаточно известный диджей сам по себе, а тогда он открыл ещё “Tony Hall Enterprises”, что бы это не означало. Мы заключили контракт с этой компанией, а они передали его лейблу “Fontana”. Думаю, они неплохо нагрелись на этой сделке. После этого мы видели Тони всего несколько раз. Он появился на “Top Of The Pops” как-то, с тех пор я с ним не встречался. Ещё одним персонажем из тех дней был Дэвид Платц (David Platz), подписавший нас на “Essex Music”. Это была дерьмовая сделка, но тогда они были ещё на плаву. В любом случае, он использовал нас, как наживку. По очень редким случаям мы ходили встретиться с ним. Это было странно. У него была кнопка, которую он нажимал и открывал дверь в секретную комнату за его столом. Ему долго удавалось держаться. Возможно, благодаря этой комнате. После того, как мы добыли настоящий контракт, настало время записать альбом. Мы получили по 100 фунтов каждый, и это была куча денег для нас, но, естественно, мы бы сделали это и бесплатно. Выпущенный альбом означал, что люди смогут услышать нас. Осенью 1969-го года мы записали парочку демо, “The Rabel” и “The Song For Jim”. Песню “The Song For Jim” написал Норман Хайнс (Norman Haines) из группы Джима Симпсона, и Джим хотел, чтобы мы её записали. Я уже не помню, что там было в этой песне, но мы переименовали её в честь Джима шутки ради. Первоначальное прослушивание проводил Гас Даджен (Gus Dudgeon), к тому времени уже известный продюсер, в “Trident Studios” в Лондоне. Мы даже не виделись с ним с глазу на глаз, а он нас сразу завернул.

Пару дней спустя мы выступали в Уоркингтоне (Workington), именно там Оззи анонсировал перед аудиторией смену названия. Это не было каким-то знаменательным событием, мы не устраивали празднование по этому поводу или что-то такое; мы просто поменяли вывеску на Black Sabbath. И первый наш концерт как Black Sabbath состоялся 30 августа 1969-го года, но, по моему мнению, группа ведёт свою историю все же с 1968-го года. Я постоянно забываю о том факте, что поначалу мы назывались Earth; для меня важнее только то, когда мы собрались вместе.

К тому времени в нашем репертуаре уже были “The Wizard”, “Black Sabbath”, “N.I.B.” и “Warning”, композиции, вскоре составившие основу нашего первого альбома. Нам больше не хотелось играть чужие вещи. В любом случае, 12-тактовый блюз уже не звучал уместно посреди наших песен, так как наш собственный материал был кардинально другим. Тем не менее, мы записали “Evil Woman”, кавер на американский хит группы Crow. Джим Симпсон настоял на этом, так как считал: “Нам нужно что-то коммерческое.”

Мы с неохотой пошли на это, но всё уже изменилось, так как на той же сессии мы также записали свою композицию “The Wizard”. Симпсон использовал это демо, чтобы заинтересовать диск-жокея Джона Пила (John Peel). В ноябре мы появились в его шоу “Top Gear” и исполнили “Black Sabbath”, “N.I.B.”, “Behind The Wall Of Sleep” и “Sleeping Village”. Мы были на национальном радио.

Движение началось, это случилось!

Мы не выбирали продюсером Роджера Бейна (Roger Bain), за нас его выбрали. Мы встретились заблаговременно, и он нам понравился; он казался довольно приятным парнем. Он был также зелен, как и мы, и у него за плечами не было большого опыта. Ему было чуть больше двадцати, как и нам, может чуть больше. Будучи продюсером, он должен был за всем присматривать. Было полезно иметь его поблизости, но мы получали от него не так уж много советов. Может он и предложил парочку идей, но песни уже были достаточно структурированы и отобраны. Наш роуди, Люк, отвёз наше оборудование в студию “Regent Sound” на Тоттенхэм Коурт Роуд в Лондоне в октябре 1969-го и установил усилители. Студия была не больше крохотной жилой комнаты, и мы все там играли одновременно, с перегородкой между нами и Биллом. Оззи пел в маленькой ванной комнате в то же самое время, когда остальная команда играла. Все было исполнено как в живую. Это была самая важная вещь, какую мы когда-либо делали, так что мы все были в довольно хорошей форме.

Я никогда до тех пор не работал в студии и ничего не смыслил в процессе записи, в том, где должны быть микрофоны и во всяком таком. К слову, думаю, тяжело было Роджеру Бейну и инженеру Тому Аллому (Tom Allom) работать с нами вот так вот. Два чела, которые никогда не ездили с нами, не знали наших предпочтений, не знали, как мы должны звучать, но вышло так, что им неожиданно пришлось в это влезать. Самой острой проблемой всегда было объяснить записывавшим нас людям, как настраивалась наша звуковая аппаратура. Моя гитара и бас Гизера должны хорошо сочетаться друг с другом, чтобы составлять стену звука. Все они смотрели на бас, как на бас, дум-дум-дум, чистый и ясный. Но у Гизера звук более перегруженный, более грубый, у него есть ноты с сустейном и подтяжками, также, как на гитаре, чтобы звук был более жирным. Некоторые пытались заставить его прибрать дисторшн, и получалось вроде “там-там-там”.

“Оставь его, блядь, в покое! Это часть нашего звучания!”

Пришлось долго убеждать народ, чтобы до них дошло это. Они постоянно проигрывали дорожки по отдельности. Они слушали гитару саму по себе, и начиналось: “О-о, она так перегружена!”

“Я знаю, но поставь всё вместе, всю группу, и тогда увидишь, как она звучит!”

Они всё не могли вкumeкать, что мы были группой, которая вместе слушается отлично, независимо от того, как каждый звучит индивидуально. Роджер Бейн это в конце концов понял, вот почему ранние альбомы, записанные с ним, имеют такой “включи-и-играй” звук. В основном это было как “вижу то, что есть”: мы просто входили, включались, играли, спасибо и спокойной ночи. Так и было, никакого масштабного выкручивания ручек, со звуком, который у нас был. Так же и с барабанами,

они просто были обвешаны микрофонами, и у нас получился натуральный, честный звук, и именно этот звук мы и снимали для записи.

Всё было проделано очень быстро. Мы думали, чёрт возьми, у нас есть целый день на запись треков, класс, это просто охуительно! Потом я прознал, что Led Zeppelin записывали свой первый альбом целую неделю, а они были гораздо профессиональнее нас. У них был Джимми Пейдж (Jimmy Page), который записывался с The Yardbirds и бог знает кем ещё до этого. Он так и шнырял по этим студиям, а мы-то точно нет, мы понятия обо всём этом не имели.

Была там у нас песня, называлась “Warning”, с длиннющим гитарным соло. То ли из-за того, что такую длинную вещь приходилось делать в один присест, то ещё почему-то, но у нас закончилось время. После первого же дубля Роджер сказал: “Ладно, хватит.”

“Но я хотел попробовать немного по-другому...”

“Хватит!”

“Можно мы сделаем ещё один дубль? Думаю, у меня выйдет лучше.”

В конце концов Роджер сказал: “Ладно, давайте ещё раз.”

Получилось опять неудачно, и на этом всё: или так, или никак.

Весь тот альбом был сделан в точности также: играйте так, как на концерте. Играйте сразу, десяти подходов у вас не будет. Когда мы играли в студии, “Warning” была минут на пятнадцать или вроде этого, с ума сойти. Роджер с инженером сократили её до примерно десяти минут. Они вырезали большой кусок, повывёргивали парочку более мелких из мест, которые бы я не стал трогать. Я был расстроен, так как полагал, что в оригинале всё переходит из одного в другое более естественно, но у виниловой пластинки есть определённая длительность, и, возможно, 15-минутная вещь была бы перебором.

Прикол в том, что записав таким образом эту песню, в этой версии мы её потом и исполняли. Так она и прижилась. Так что спустя сорок лет мы всё воспроизводим на сцене то, что получилось в студии в тот день. Когда мы писали “Electric Funeral”, к примеру, Билл играл по-разному каждый чёртов раз. Он не знал, сколько раз нужно повторять те или иные куски, так что некоторые места он играл иногда три, а не четыре раза, и мы оставили три. И до сегодняшнего дня мы так играем.

Многие думают, что “N.I.B.” расшифровывается как “Nativity In Black” (“Рождение во мраке”), чтобы это там не означало. Это типично по-американски; они всегда так: “О, это должно быть что-то сатанинское!”

Мы прозвали Билла “Вонючкой”, но кроме того мы называли его “Остриём” (“Nib”), так как с бородой его лицо выглядело как наконечник пера. Звучало прикольно, и когда дошло до того, чтобы придумать название для песни, разговор был такой:

“Как же мы её назовём?”

“Эээ...Nib?”

Это была всего лишь шутка.

Я любил свой белый Fender Stratocaster, я ведь на нём пуд соли съел. Я его разобрал на кусочки, собрал заново, усадил звукосниматели, сточил порошки, в основном всё это было сделано, чтобы облегчить игру на нём. Но в один судьбоносный день я приобрёл Gibson SG в качестве запасной гитары. Две гитары: это получилось немного спонтанно, серьёзно! В студии, как раз после записи первого в тот день трека, “Wicked World”, чёртов звук на Fender’е вышел из строя. Я подумал, о,

Господи, придётся взять SG, на котором я никогда особо не играл! Я записал на нём альбом, и всё, я не нём и завис. На самом деле, я потом поменял Strat на саксофон. Сейчас я поверить не могу, что пошёл на такое. Это была классическая гитара, и она действительно отличалась по звуку от обычных Strat'ов из-за всех моих переделок. Годы спустя Гизер увидел её в витрине комиссионного магазина и вернулся купить её для меня. Но она уже была продана, больше я её не видел.

Это был праворукий Gibson SG, на котором я играл, перевернув его снизу вверх. Потом я встретил одного чувака, который сказал: “У меня есть друг, он правша и играет на перевернутой леворукой гитаре.”

Я ответил: “Смеёшься?”

Я встретился с тем парнем, мы обменялись гитарами, и оба были счастливы. На моём Gibson'е SG стояли сингловые звукосниматели, и, так как я использовал педаль “treble booster” (усиливает верхние частоты), они жутко шипели: “Шшшшшшшшшш!!!”

Я перебрал звукосниматели, уложил их в корпус и потом подключил их вместе по-разному. Я снова возился над гитарой, проделав всё то же самое, что и раньше со Strat'ом. Этот SG был мне очень дорог, но больше у меня его нет. Он выставлен в качестве экспоната в “Hard Rock Cafe”. Но дело в том, что если я захочу, то могу его вернуть.

У нас не было времени присутствовать при окончательном сведении альбома, так как мы отправлялись в турне в Европу. Там на самом деле много чего надо было сделать; записано всё было на четыре дорожки, не было там сотен барабанов или подкладок, так что была только основа. Роджер Бейн и Том Аллом добавили колокола и раскаты грома в “Black Sabbath”. Кто-то из них притащил плёнки с эффектами и предложил: “Может добавим это сюда?”

Мы отреагировали : “О, да, это круто!”

Потому что так и есть, это действительно задаёт настроение всему этому номеру.

Мы не знали, что делать с обложкой. Фотку сделали на водяной мельнице в деревеньке Mapledurham (Mapledurham Watermill). Мы там не присутствовали на съёмке, но встречались с девушкой с картинки. Она как-то пришла на наше выступление и сама представилась. Мне кажется, это превосходная обложка, очень своеобразная. Но на внутреннем развороте оказался перевёрнутый крест, с которого начались многие наши неприятности. Мы неожиданно стали сатанистами. Но воодушевление, которое мы тогда испытывали, не имело ничего общего с этим. Мы были счастливы от того, что у нас вышел альбом.

17. Теперь под присмотром нового менеджмента

Звукозаписывающая компания перекинула нас с “Fontana” на другой свой лейбл, “Vertigo Records”. В основном по причине того, что это был новый лейбл более прогрессивного толка. Но мы не часто контактировали с ними; они желали разговаривать только с менеджером. Так нам наконец объяснили. Иногда вы встречаете людей оттуда, но не представляете, кто это такие.

Маркетологи настояли, чтобы альбом вышел 13-го февраля 1970-го года. Мы давали интервью перед релизом, но всё это закончилось, когда Патрик Михан (Patrick Meehan) перенял управление у Джима Сипсона. Он прекратил наше общение с прессой, так как наша недоступность делала выход альбома более интригующим. Мы редко звучали по радио, так как единственным, кто ставил нас, был Джон Пил. Даже несмотря на это, в первую неделю после издания было продано более 5000 копий благодаря слухам в мире андеграунда, особенно в местах, где мы сделали задел на будущее живыми

выступлениями.

Пресса ненавидела нас, нас поносили налево, направо и по центру. Очевидно, что это задевает, но не было такого, чтоб мы подумали: о, придётся тогда изменить музыку. Пластинка продавалась, так что однозначно хоть что-то мы сделали правильно. Мы верили в то, что делали, любили это, так что не было ничего такого ещё, чем мы могли бы заниматься, кроме того, что уже делали.

Только когда популярность стал набирать гранж, и все эти музыканты говорили, что Black Sabbath оказали на них большое влияние, мы стали темой месяца, символом времени. И вот тут мы читали про себя хорошие вещи и шутили: “Постой-ка, что происходит? Они не могут писать о нас хорошо!” Потому что мы всегда говорили: “Когда о нас начнут писать что-то хорошее, пора будет завязывать.” Сингл “Evil Woman” погоды не сделал, но альбом поднялся на восьмое место. Джим Симпсон ещё до выхода пластинки подписал нас на множество выступлений, а вознаграждения были до сих пор порядка 20 фунтов, почти ничего. Мы заявили ему: “Погоди-ка, сколько ещё запланировано таких концертов?”

“О, на месяцы вперёд.”

Это уже становилось глупым. Даже люди, посещавшие клубы, в которых мы играли, говорили: “Вам бы нужно брать больше! Ради чего вы тут играете?”

Мы обдумали всё и решили: нахер, хватит с нас! Так что, когда позвонил менеджер-тяжеловес Дон Арден (Don Arden) и сказал, что заинтересован в том, чтобы поработать с нами, мы отправились в Лондон на встречу с ним. Уилф Пайн (Wilf Pine) встретил нас на роллс-ройсе. Уилф - достаточно приятный парень, если ты его знаешь, но с другой стороны это весьма зловещая личность. Чёрт возьми, блядь, слышал я дурно пахнущие истории о том, что он делал для Дона Ардена. Вокруг Дона всегда пахло жареным. Около него крутилась прорва гангстеро-подобных персонажей. Когда мы прибыли в его офис, то всё пошло с долей нажима, Дон начал: “Вы будете великими. Повсюду будут висеть ваши плакаты. Я вас выведу на вершину!”

И так далее. А потом: “Подпишите здесь!”

Мы так просто не могли этого сделать. Это была очень тяжёлая артиллерия. Поэтому мы свалили, думая, о Господи, что нам делать-то теперь? Он может нас и поубивать! Он продолжал контактировать с нами, приглашал нас на обед и всё такое. Он не отставал. потом в один день с нами связался Уилф. Он сказал: “У меня есть ещё один парень, который хочет с вами встретиться. Я привезу его прямо в Бирмингем.”

Это был Патрик Михан. Он казался гораздо более уравновешенным, чем Арден, и говорил вещи, которые мы и хотели услышать: “У вас вышел альбом, но его никто не продвигает. Вам пора давать более серьёзные концерты...”

Всё это было как бальзам на душу. Вместо того, чтобы быть на вершинах чартов, мы хотели играть. Он просто правильным образом всё изложил, так что закончилось это тем, что мы подписали контракт с Патриком Миханом.

Глядя в прошлое, кажется странным, что Уилф, работавший на Ардена, предложил нас Михану. Возможно Уилф решил так: Арден им не подходит, может срастётся с Патриком. Так и получилось. Но мы не имели представления, как близко сходятся друг с другом интересы Ардена и Михана на самом деле. В прошлом отец Патрика Михана работал на Дона Ардена, так что связь там определённо была.

Несколько лет назад Уилф написал книгу. Там есть фотография, где мы вместе, я и он, а на другой странице другая, где Уилф запечатлён с Джоном Готти (John Gotti), боссом нью-йоркской мафии. Я подумал, блядь, чёрт подери, как это я вляпался в такое?

Патрик Михан научился всем премудростям бизнеса у своего отца, у которого была компания по менеджменту. На первых порах всё казалось розочками. Михан толкал красивые речи и поначалу действительно продвигал процесс. Именно он вытащил нас в Америку. Для нас переменилось всё. Мы перемещались на частных самолётах. Когда бы мы что-нибудь не захотели, мы это получали, просто позвонив ему: “Я хочу купить новую тачку.”

Он: “А, ладно, какую?”

В моём случае это была Ламборджини или Роллс-Ройс, неважно.

“Где она?”

Я ему называл место.

“Сколько стоит?”

Я называл сумму.

“Пошлю им чек и договорюсь, чтоб доставили.”

И все дела. Если мне приспичило купить дом: “Где этот дом? Сколько стоит?”

И у меня был дом. Так вот мы жили. Но мы никогда не видели каких-то значительны сумм наличными, даже если они и были. Нам положили чуток денег на счета в банке, но не очень много. По нашим меркам, учитывая откуда мы вышли, иметь несколько сотен на счету было колоссально. Полагаю, мы никогда не знали, сколько денег зарабатывали на самом деле. У нас были бухгалтера, но мы не особенно задавались вопросом, в чём собственно их роль и от кого они получают инструкции.

“О, это крупная бухгалтерская фирма, всё должно быть пучком!”

Мы ничего не знали о финансовой стороне дела. Когда мы появлялись в офисе, то все приветствия оканчивались фразами: “Кстати, подпишите эти бумаги. В основном это то-то и то-то, я расскажу вам об этом, всю бухгалтерию.”

И ты думаешь, это уже чересчур для меня.

Но Михан мне нравился. Всем нам он поначалу нравился, и мы ему верили.

18. Становясь параноиками

После записи “Black Sabbath” мы сразу приступили к написанию песен для нашего второго альбома. Какие-то из них были написаны в дороге по Европе, как “War Pigs”. Когда мы играли в том жутком месте в Цюрихе, мы много джемовали, тогда и появилась основная идея. Позже, на репетициях, мы превратили её в песню. Мы тогда сочиняли в любом месте, в каком бы не репетировали, складывая куски вместе. Часть подготовительной работы к “Paranoid” мы проделали в Монмуте (Monmouth), в Уэлсе, так как захотели уехать куда-нибудь, чтобы отгородиться от всего. Мы были одной из первых команд там, после Дейва Эдмундса (Dave Edmunds). В других местах мы репетировали бы, а потом расходились по домам, а там мы могли быть вместе всё время.

Запись альбома “Paranoid” протекала достаточно споро. Мы вернулись на “Regent Sound”, где опять работали с Роджером Бейном. Это заняло не более трёх-четырёх дней, не намного больше, чем ушло на первую пластинку. Из-за того, что за несколько дней до этого мы попали в драку, я записывался с огромным бланшем под глазом. Это было время модов и рокеров, и мы играли на приморском

курорте. Мы закончили выступление, и Гизер вышел, чтобы сделать телефонный звонок. Вскоре он второпях вернулся с возгласами: "Чёрт, блядь, возьми, за мной увязалась куча скинхедов, и они ждут нас снаружи."

Мы вышли взглянуть, что там творилось, дело было серьёзное. Оззи схватил молоток и спросил: "Кто из них к тебе приставал, Гизер?"

Он указал на одного чувака: "Этот вот!"

Я подошёл и бац!, врезал этому парню, а потом они все посыпались как из ниоткуда. Полный пипец, я был прямо в гуще, посреди них, и дрался. Какой-то чел схватил меня за шею, и я проорал: "Оззи, тресни его молотком!"

Оззи вмазал ему в тот момент, когда тот выпрыгивал у меня из-за спины, зарядил ему с плеча чёртовым молотком прямо по морде. Это было brutally. Они носили окованные ботинки и били ими нас по головам. Нам удалось убратся оттуда, но мы были адски потрепаны.

Рон Вудворд, мой сосед, игравший на басу, подвозил нас на концерт, так как только что обзавёлся новой машиной. Мы впрыгнули, прокричав: "Скорее, трогайся, сваливаем на хуй!"

Но он двигался, как слизняк под валиумом, а мы орали так, что бошки разрывало, в синяках, повсюду кровища: "Ноги на педали давай, жми, жми!"

Все эти скинхеды ломились вниз с холма, пытаясь нас перехватить, в руках дубинки, а Рон трогается на тихом ходу. Он, оказывается, боится гонять на новой, с конвейера, машине. Мы таки смылись, но это длилось целую вечность, так как он ехал очень медленно. Наконец я добрался домой, зашёл внутрь, матушка была в спальне.

"Как прошёл концерт?"

Я приоткрыл дверь.

"А, замечательно!"

В плане текстов, "Paranoid" имел политическую окраску, ну, по крайней мере, "War Pigs" - точно.

Это не было из-за какой-то негативной реакции на оккультизм первого альбома, мы никогда не сожалели о том, что сделали. Просто так получилось. Но не весь же "Black Sabbath", был, так скажем за неимением более подходящего слова, оккультным, и не весь "Paranoid" - политическим. "War Pigs" вообще-то началась с длинной композиции под названием "Walpurgis". Так что, могло выйти и по-другому. Может это было лишь рабочее название, с ещё не написанной лирикой, не важно. Я не знаю, почему Гизер переделал её из "Walpurgis" в "War Pigs". Лирика было его епархией. Мне всегда нравилось, что у него получалось, так что я особенно расспросами его не донимал.

Роджер Бейн и Том Аллом ускорили финал "War Pigs". Когда мы впервые услышали этот вариант, нам показалось, это странно, к чему бы это они так сделали? Но мы ничего против не имели в те дни. Мы курили много дряни, поэтому кое-что из лирики может восприниматься немного необычно. Как в песне "Iron Man", которая получилась из хохмы об ожившем роботе. Предполагаю, что там были очень завёрнутые думки на эту тему, вроде как кто-то не может выбраться из этого тела, из этой штуки. И гляньте на "Fairies Wear Boots". Что за слова! Но никто не придирался, все восприняли это на ура.

После того, как мы записали все треки, Роджер сказал: "Этого недостаточно. Можете ещё песню придумать? Простой коротенький трек?"

"А? Ну да, наверное."

Остальные вышли на ланч, и я стал играть ДадаДадаДадаДада ДадаДадаДадаДада ДудуДудуДудуДуду ДудуДудуДудуДуду Дада Да: “Paranoid”. Когда все вернулись, я сыграл им рифф, и он им понравился. Гизер придумал текст, я не помню, при участии Оззи или нет. Когда мы начинали играть новую песню, Оззи импровизировал и пел, что взбредёт, “Вылетая из окна” или что попало, и, наверное, он даже не осознавал, что поёт. А Гизер вдруг останавливался: “Ага, вот это я использую!”

Гизер работал над текстами до того, как мы начинали записываться, в некоторых случаях даже в студии. А делом Оззи потом было точно воспроизвести это. Он придумывал мелодию, чаще всего следуя за риффом. Не знаю, каким образом Гизер выдумывал слова для “Paranoid”, но у него было достаточно богатое воображение. Он мог немного посидеть, слушая музыку, а иногда просил тишины. Он записывал строки, потом некоторые перечёркивал и заменял другими. Потом от отдавал писанину Оззи, и, естественно, Оззи вопрошал: “Это, как, блядь, вообще понять можно, Гиз?” “Paranoid”: сомневаюсь, что мы понимали в то время, что это за слово такое. Мы с Оззи ходили в одну и ту же паршивую школу, и там точно рядом нигде не было слышно слов вроде этого. Мы знали, что означает “блядь”, или “отъебись”, а что такое “paranoid”? Поэтому мы и оставляли это всё Гизеру, так как считали его более сообразительным.

Все треки у нас были на пять минут и более. Мы никогда не делали трёхминутного номера, так что “Paranoid” подразумевался одноразовой безделицей, просто, чтобы заткнуть дыру.

Мы никак не думали, что это будет хит. Из всего нашего материала её всегда отбирали для сборников, использовали в ТВ-программах и фильмах. Её написание заняло, наверное, минуты четыре. В её основе простая, цепляющая тема, и именно это, кажется, так притягивает людей. Благодаря “Paranoid” мы даже попали на передачу “Top of The Pops”. Мы очень нервничали тогда, потому что по меркам Британии это было весьма престижно - появиться в этом шоу. Наверное мы были самой громкой командой, которая у них была до той поры. Атмосфера там мне вообще не понравилась, со всеми этими людьми из BBC, говорящими тебе, что делать и всякую другую чепуху. “Мы не можем отключить это.”

И тогда раздавалось что-то типа: “Ну, тогда уберите это!”

И конечно, я играл там впотьмах. После этого мы там больше не появлялись. В любом случае, мы не были группой для “Top of The Pops”.

Если альбом “Black Sabbath” вызвал разногласия из-за перевёрнутого креста на внутренней обложке, то на “Paranoid” было сделано всё, чтобы избежать подобной ситуации. Поначалу мы собирались назвать пластинку “War Pigs”, и была разработана обложка с чуваком со щитом и мечом: “свинья войны”. Но потом они не пропустили такое название и изменили его на “Paranoid”. Мы спросили: ”И что вы собираетесь делать с обложкой?”

Уже было поздно менять её, но им оперативно нужно было что-то решить с названием.

“Нет, мы не можем использовать “War Pigs”. Как же мы назовём это?”

“Пусть будет “Paranoid”!”

На этом и остановились.

19. Sabbath, Zeppelin и Purple

Джон Бонэм и Роберт Планта (Robert Plant) родились в Бирмингеме. Мы с Биллом, когда являлись частью The Rest, часто выступали вместе с Бонэмом. Он был в одной команде, мы в другой, но

выступали мы в одних и тех же клубах. А Гизер знал Роберта Планта в те дни лучше, чем я. Как-то мы с Гизером натолкнулись в магазине на Джона и Роберта. Они сказали: “У нас новая группа, вместе с Джимми Пейджем.”

“О, круто!”

Лично с Джимми Пейджем мы не были знакомы, но знали его по The Yardbirds, так что мы были рады за них.

Когда я впервые услышал дебютный альбом Led Zeppelin, то подумал, что он очень хорош. Их тяжесть шла от мощной игры Бонэма на ударной установке. Пейдж выдавал классные риффы, но у него не было тяжёлого звука; его звучание было своеобразным. И в комбинации это звучало превосходно. У нас, однако, был другой подход; это был рифф, тяжело звучащая гитара. Там, где Zeppelin, опирались на громоподобные барабаны, у нас была стена звука из жирной гитары и баса. Билл Уорд как-то сказал, что в то время мы решили превзойти по тяжести Zeppelin. Я этого не помню, но могло быть и так. Так и вы бы сделали в те дни. Но в действительности не было никакого великого противостояния между Sabbath и Zeppelin. И мы, и они из Бирмингема, мы были из одной банды, если хотите. так что мы всегда желали им всего наилучшего, и, я уверен, они нам тоже. Сейчас все свободно общаются с людьми из других групп, но тогда так не было. Мы общались с ребятами из Led Zeppelin, потому что приятельствовали с Бонэмом и Плантом. Всегда был какой-то напруг между командами из Лондона и из Бирмингема, из Мидлэндса (Midlands). Лондонские музыканты всегда считали, что их группы лучше, чем наши. Они смотрели свысока на людей из Мидлэндса, а мы в свою очередь считали лондонцев снобами. По этой причине было много элементов соревновательности, и группы пытались уделывать друг друга. Были Zeppelin, Sabbath и Purple, но соперничество было только с Deep Purple, во всяком случае чуть позже точно, когда “Paranoid” попал в чарты, а у них вышел сингл “Black Night”. Это было тогда, когда оба коллектива взбирались по хит-парадам, тогда мы ощущали настоящее противостояние.

Мы настолько были дружны с Led Zeppelin, что они даже хотели перетащить нас на их лейбл “Swansong”. Не знаю, почему этого так и не произошло. Может, мы не смогли аннулировать сделки с “Warner” и “Phonogram”, так как они подписали нас на веки вечные. Мы с радостью согласились бы и на то, чтобы нашим менеджером стал Питер Грант (Peter Grant), но это было невозможно. Думаю, он занимался только Led Zeppelin, а позже, конечно, и Bad Company, подписанных “Swansong”. Раньше было немного менеджеров, работавших с большим количеством команд. Был один менеджер на группу. У нас был Патрик Михан, и он больше ни кем не занимался, по крайней мере вначале. Ребята из Led Zeppelin приходили к нам во время записи “Sabbath Bloody Sabbath”, и мы поджемовали вместе. Бонэм хотел сыграть одну из наших песен, думаю, это была “Sabra Cadabra”, но мы сказали: “Не, мы наши песни уже отыграли. Давайте просто устроим джем и поиграем что-то ещё.”

Не знаю, остались ли какие-то плёнки. Это было бы нечто особенное: Black Zeppelin. Только раз или два мы играли совместно. Джон был всегда готов поджемовать с нами в ранние годы, но Биллу всегда не нравилась идея, что Джон будет играть на его установке. Это была его любовь и гордость, а Бонэм всегда ломал ему что-нибудь.

“О, Билл, дай поиграть на них..”

“Не, сломает что-нибудь.”

“Ну дай попробовать, Билл.”

“Ни фига!”

Они были сумасшедшими, серьёзно.

Мы до сих пор дружим с Zeppelin, даже не смотря на то, что Бонэм сильно обидел Ронни, когда пришёл к нам на шоу в “Hammersmith Odeon” в мае 1980-го. Джон был за сценой, веселился, попивал Гиннесс, надираясь всё больше и больше, пока продолжалось шоу. Мы сошли со сцены, и он ляпнул: “У этого чувака потрясающий голос для грёбаного полурослика!”

Естественно, Ронни услышал. Бонэм на самом-то деле комплимент хотел сделать, но вышло наоборот. Ронни повернулся к Джону и выпалил: “Сранный ты пиздобол!”

Дело чуть не до драки дошло. Это была бы неравная схватка, так как Джон был довольно хулиганистым челом. Так что я попросил его: “Слушай, прекрати, пожалуйста.”

Он начал: “Да что с ним такое?!”

“Ну, ему не очень нравятся подобные эпитеты. Просто возвращайся в отель, позже увидимся. Сейчас не слишком подходящее время.”

Он шёл, но чёрт меня раздери, всё могло закончиться куда хуже.

Дружим и с Пейджи. Пару лет назад ему захотелось посмотреть на наше выступление в “Fields of Rock” в Голландии, и он полетел с нами. Мы потусовались, он посмотрел на концерт, мы вместе посмотрели на Rammstein и улетели обратно. С тех пор мы много раз виделись в различных ситуациях.

20. И это вот Америка?

Наш первый альбом определённое время подержался в американских чартах, на, даже несмотря на это, мы там не бывали. А после выхода “Paranoid”, наконец-то съездили. Одной из глупейших вещей, какие мы когда-либо делали, было то, что мы взяли с собой нашу аппаратуру. Мы взяли аппарат Laney, колонки Laney, но у нас не было дорожных кейсов для всего этого, так что усилители и кабинеты изрядно побились при погрузке и разгрузке. Мы прилетели в Нью-Йорк, и наши ожидания были заоблачными: “Это происходит на самом деле, ох, до чего круто, поверить не могу!”

Но первый наш концерт состоялся в крохотном задрипанном клубе под названием “Ungano’s” на 70-й Западной улице в Манхэттене. Предполагалось что это будет “Место-Где-Играют”, наподобие “Marquee”, если вы приехали в Лондон, но больше мы так не думали после того, как увидели, что это была за дыра жопенская. Подозреваю, что нас туда запрягли, так как надеялись, что придут агенты и люди из звукозаписывающих компаний.

Наш роуди, Люк, не даже представлял себе, что в Америке по другому электросети устроены, так что, когда он включил аппаратуру, всё повзрывалось.

“О, чёрт побери, что мы теперь делать будем?”

Это был хаос, но вскоре удалось заставить всё заново заработать. У нас было два вечера в этом клубе, и я подумал, ну, приехали! И это вот Америка? Какое разочарование. Но в третий вечер мы играли в “Fillmore East”, и это была фантастика. Адский ад! мониторы... какая разница! В первый раз мы реально слышали друг друга на сцене, в первый раз я мог расслышать, что там на самом деле поёт Оззи. Это было потрясающе, и после этого мы не оглядываемся назад.

В “Fillmore’e” мы выступали вместе с Родом Стюартом (Rod Stewart) и The Faces. Мы отыграли отлично, а Род Стюарт вышел и был практически согнан со сцены гулом неодобрения. Мы дали два

концерта с ним, и то же самое случилось на второй день. Парень был весьма недоволен. Но именно тогда мы поняли, что уделываем их...

Американцы, мы действительно пришли к ним по душе!

Мы, которые ещё не были там известны, некоторые вообще думали, что Black Sabbath - это чёрная группа. Но это продолжалось недолго, вскоре они поняли, что мы не совсем соул-группа. Тур шёл по восходящей, мы смогли потусоваться и посмотреть на другие команды, например, на James Gang. Мы выступили в "Fillmore West" в Сан-Франциско с ними, и Джо Уолш (Joe Walsh) курил там эту чёртову ангельскую пыль. Прямо перед концертом Гизер сказал: "Сделаю-ка я одну затяжку этой штуки."

И Оззи за компанию. Они решили, что косячок раскуривают. Гизер рассказывал, что у него галлюцинации прямо на сцене начались, и это его напугало до смерти. В большинстве своем половину чёртова времени мы были не в себе. Но я в этом слишком деятельного участия не принимал. Я, конечно, не святой, но я считал, что более благоразумно стараться сохранять свою голову ясной. До определённой степени.

21. Наилучших ведьм тебе в день рожденья

В любой стране, какую ни возьми, в то время были люди, которые даже не понимали нашей лирики, так как не знали английского. Но по каким-то музыкальным вибрациям они решали, что она сатанинская. На самом деле, нас приглашали вступить в сатанинские секты. Алекс Сандерс (Alex Sanders), главный ведьмак в Англии, "Король Ведьм и Ведьмаков", ходил на наши шоу, пытаясь завлечь нас к себе. И, когда мы впервые играли в Сан-Франциско, Антон Ла-Вей (Anton LaVey), основатель Церкви Сатаны, устроил парад в нашу честь. У меня до сих пор сохранилась фотография. Ла-Вей в Роллс-Ройсе и большой баннер, гласящий: "Добро пожаловать, Black Sabbath". Я подумал, это что такое? Очень мило с их стороны!"

Когда мы отклонили предложение сыграть "Walpurgis" в Стоунхендже, одна секта наложила на нас проклятие. Мы очень серьёзно восприняли это. Именно тогда мы начали носить кресты. Поначалу Оззи носил на шее кран от кухонной мойки. Теперь это был настоящий крест. В то время мы часто обсуждали сны, и нередко получалось, что нам снятся одни и те же ситуации, что было странно. Может, это были проделки Варпулги, но в одну ночь нам всем приснилось, что ношение крестов защитит нас от зла. И мы стали их носить.

Отец Оззи дал нам алюминиевые кресты, выглядевшие так, будто они сделаны из серебра. После того, как он сделал первые четыре, производство переросло в массовое, так как мы начали продавать их на наших выступлениях. Позже Патрик Михан принес нам золотые. Он увидел нас с алюминиевыми крестами на кусках струн и, я так предполагаю, подумал: надо им достать что-то, смотрящееся более прилично.

Я никогда не выхожу на сцену, не надев своего креста. Когда я собираюсь в турне, у меня есть две вещи, за которыми я слежу с особой тщательностью: крест и напальчники. Крест большущий, я, по факту, несколько раз заряжал им себе по лицу. Ты наклоняешься, чтобы сесть в машину, и раз!

Довольно больно. Гизер потерял свой золотой экземпляр в Астон-Вилле на футбольном матче. Билл свой припрятал где-то, а носит, вообще-то, алюминиевый оригинал. Я свой оригинал потерял.

Возможно, как я обычно это делаю: положил куда-то, а куда именно - забыл. Так и представляю себе, как новый владелец моего дома вдруг натывается на него и: что это за крест такой... и грамм кокса?

Конечно же, ни мы не были сатанистами, ни наша музыка - сатанинской. Гизер и его семья были очень религиозны, ирландские католики - он до сих пор им остается - но в то же время он интересовался оккультизмом. Он прочитал множество книг английского оккультиста, мистика и писателя Алистера Кроули (Aleister Crowley). У нас у обоих был интерес к потустороннему, и мы занимались этим довольно много. Там он и черпал свои идеи. Они определённо сыграли решающую роль в написании нашего первого альбома. Повсюду вокруг в ходу были власть цветов, красота и счастье, люди не писали о реальной жизни; войны, феминизм и все остальные вещи, никто не хотел связываться с этим. Мы видели это, и решили, что мы должны сделать это. И обвинения в оккультизме, или, что еще хуже, в сатанизме, просто смешны.

Шумихи насчет нас много и поныне. Особенно в Америке, так как там Церковь играет весьма существенную роль. Мы приезжаем на концерт, а там священники и их прихожане размахивают плакатами: “Не приходите слушать эту группу. Они сатанисты.”

Потом был случай с медсестрой, совершившей самоубийство в своей квартире, и что там нашли? “Paranoid” в проигрывателе! Так что это мы виноваты. Проводилось расследование, в котором был упомянут “Paranoid”, но, как выяснилось, его нельзя было назвать причиной случившегося. Слышать подобное было шокирующе, потому что это не имеет ничего общего с тем, чем мы являемся. Мы не пытаемся убивать людей! Кроме того, если люди впадают в депрессию и ставят наш альбом, они определенно не накладывают на себя руки из-за музыки.

Были и люди с тёмной стороны. В один вечер на наше выступление пришли три ведьмы. Ну, предположительно ведьмы. Они увидели, что на нас настоящие кресты и убрались восвояси. Чуть позже, как-то ночью мы вернулись в отель, поднялись на свой этаж, а там полно народу в чёрных покрывалах со свечами, они сидели в холле перед нашими комнатами. Мы подумали, что за фигня тут творится? Они воспринимают нас чересчур серьезно. Чёрт подери! Мы пробрались в номера, а они все держали свои свечи и что-то бормотали. Мы созвонились и договорились: “Полминуты, и выходим.”

Так и сделали. Мы вышли в холл, задули свечи и спели им “Happy Birthday”. Они пришли в недовольство, поднялись и свалили. Но всё-то могло пойти и иначе. Они нас там и зарезать могли! Позже, где-то во время “Volume 4”, мы играли в “Hollywood Bowl”. После саунд-чека мы вернулись в гримёрку Она была заперта, а на двери красовался большой красный крест.

“Грёбанный ад!”

Наконец мы вскрыли дверь и больше об этом не думали. Когда мы вышли на сцену, мой усилик вскоре начал потрескивать. Это был один из таких дней. Я был взбешён, повернулся и заехал ногой по своему стеку. А за ним был Люк, роуди, я пихал эту штуку, стараясь опрокинуть её, а потом ушёл. Таким вот я был тогда, никакого терпения. Я стремительно выбежал и даже не заметил, что за сценой был парень с кинжалом. Он чуть не пырнул меня. В конце концов его скрутили на полу и увели. Оказалось, он порезал себе руку и кровью начертил крест на двери раздевалки. Это был один из этих религиозных чудиков, не от мира сего. Мне показали кинжал, я поверить не мог: он был огромный. Приходилось много сталкиваться с людьми такого рода, но в этом чувстве было слегка чересчур экстрема.

Там же в Америке к нам приходил глава “Ангелов Ада” (“Hell’s Angels”), чтобы благословить нас. Он сказал: “Если у вас проблемы какие будут, любые, звоните мне и всё разрулится, что бы это ни

было.”

Что можно ответить подобному человеку, делающему вам подобное предложение? “Отъебись?” Ну его на фиг! Так что мы ответили: “Круто! Спасибо!”

Может надо было принять его предложение и натравить на чела с кинжалом...

22. Шокирующие выходы Оззи

У Оззи был слабенький мочевого пузыря. Как-то вечером мы пошли в клуб и набрались по самое не могу. Оззи уснул на диванчике, и, так как они уже закрывались, привратник сказал: “Вы его заберите лучше.”

Я ответил: “Не буду я его забирать. Хочешь, что бы он убрался, попробуй его сдвинуть для начала.”

Он произнёс: “Я, блядь, сейчас его сдвину.”

Он поднял его, закинул через плечо, и тут Оззи описался, прямо на костюм этого чувака.

Со временем мы смогли себе позволить снимать два номера. Гизер с Биллом делили одну комнату, а я с Оззи - другую. Это было уже лучше, но когда я был в постели и крепко спал, Оззи вставал в самые неподходящие часы. Он включал телек на полную громкость и шёл принимать душ. Я вскакивал, не понимая, что за хрень тут происходит, вырубал телевизор и возвращался в кровать. Он вылезал из душа и снова включал ящик на всю катушку. Я слушал, как он топает, ударяет чем-то о что-то, с чем-то возится, и думал, лучше я, наверное, тоже поднимусь.

Когда мы стали селиться в отдельные комнаты, я думал, это круто! Но ничего не изменилось: я мог быть в постели, Бог знает во сколько времени, и тут стук в дверь. Я отвечал, конечно, это был Оззи, и следовало что-то вроде: “У тебя огонька не найдётся случайно?”

“Ты вообще в курсе, который час? И ты меня будишь, к чёрту, ради огонька?”

Оззи и гостиницы...Мы были в турне, много часов ехали через пустынные края. Добрались до магазина посреди отсутствия цивилизации, так что все выбрались из автобуса развешаться. Там была большая надпись, гласящая: “Фейерверки”. Оззи зашёл и скупил все фейерверки, какие у них были. Я спросил: “Что бы со всем этим делать собираешься?”

“А, наверное, подпалю как-нибудь позже.”

Когда он сказал “позже”, я и не подозревал, что он намеревался сделать это так поздно, как он это сделал, и я не подозревал, где. Получилось, что мы оказались в отеле в четыре утра. Мы разбрелись по номерам, когда я слышал звуки со свистом взлетающих ракет. Я посмотрел в глазок своей двери и увидел, что холл заполнен дымом. Дым подступил к моей двери, и тогда я вышел. К этому времени чёртовы искры разбрызгивало по коридору по всем комнатам. Постояльцы выбегали в пижамах, орали, не понимали, какого чёрта тут творится. Был полный хаос.

Тем временем Оззи, абсолютно неприкаянно, продолжал поджигать фейерверки. Естественно, приехала полиция и забрала его. Нам они сказали: “Вы, давайте-ка лучше приезжайте, выкупайте его под залог.”

Мы ответили: “Вы его сегодня придержите. Мы завтра выкупим. Нам хоть немного хренова покоя бы, чтоб отдохнуть!”

Это был заново отремонтированный отель, а фейерверки Оззи пожгли ковры и попортили стены.

Они долгое время заставляли его делать выплаты, так что этот урок он усвоил.

Или не усвоил.

И сейчас он всё такой же, постоянно кому-нибудь задницу покажет. Даже когда нас вводили в Зал

Славы Британской Музыки (UK Music Hall of Fame), и мы играли “Paranoid”, Оззи заголил зад перед толпой. Ну как толпой - там не очень много народу было, но ему показалось, что они мало энтузиазма выказывают, так что он решил снять штаны в очередной раз. Вы играете перед людьми из вашего же бизнеса, и что вы от них ожидаете? Они не будут прыгать, орать и кричать; они просто будут пристойно сидеть там. И The Kinks тут же сидели в первых рядах. Вы же не ожидаете, что они скакать начнут.

Но это вовсе не разозлило меня, нас это совсем не напрягло. Видели мы уже подобное.

Я наблюдал жопу Оззи больше раз, чем мне случалось видеть свою собственную!

23. Загадка австралийского убийства

В январе 1971-го мы прилетели в Аделаиду в качестве хедлайнеров фестиваля “Myronga Open Air”.

Нас соблазнил на это промоутер, пообещавший: “Почему бы вам не приехать и не остаться на недельку? Все расходы будут оплачены!”

Нам это подходило. Мы приехали, он оказался очень гостеприимным хозяином. Он сказал нам: “Пока вы здесь: всё, что душа пожелает.”

У нас душа желала! Икра и шампанское, всего было выше крыши. В нашем распоряжении было четыре лимузина, сверх того, он дал нам по новенькой машине. Он сообщил: “Это вам на случай, если захочется самим съездить куда-нибудь, посмотреть окрестности.”

Неправильное решение. Мы решили отправиться на пляж и устроить гонки по кромке моря. Одна из машин застряла. Я попытался вытащить её на буксире и тоже застрял.

“Вот блядь!”

А потом начался прилив. По мере того, как приближалась вода, мы начали впадать в панику. Мы взяли вёсла от лодки одного чувака и подложили под колёса. “Кррахх!” Оба весла сломались. Чтобы мы ни делали, машина даже не сдвинулась. Мы беспомощно смотрели, как вода, в конце концов, покрыла обе машины. Я позвонил промоутеру и рассказал, что произошло. Он воспринял это спокойно и выслал грузовик, чтобы отбуксировать тачки. Автомобили, конечно же, были убиты. В преддверии фестиваля я дал несколько интервью на радио и в одном из них брякнул: “Ой, нам тут одиноко как-то, мы бы пообщались со здешними женщинами.”

В живую, в прямом эфире. И что произошло? Толпы девушек вертелись в отеле. Закончилось всё тем, что я и Патрик Михан оказались в номере с одной девушкой, а затем... она умерла.

Михан сказал: “Она мертва!”

Вот же грёбанный ад! Я подумал, Боже, она мертва. Мертва!

Я представил себе заголовки: ”Девушка найдена мёртвой в номере с двумя парнями.” Я только и мог думать, что все решат, будто это наших рук дело!

Михан начал: “Надо от неё избавиться! Надо от неё избавиться!”

К нему пришла идея выкинуть её через балкон и сказать, что она упала. Мы были сильно под кайфом. Сейчас, если подумать, сама мысль была дикой, но в приступе паники я согласился. Мы вытащили её на балкон, попытались поднять и тут... она пришла в себя.

“Чёрт возьми, да она жива!”

Она, скорее всего, отключилась от принятой наркоты, но мы могли реально выбросить её оттуда, и стал бы я тогда двадцатидвухлетним убийцей.

“Но Ваша Честь, она уже была мертва!”

Подозреваю, что та девушка даже не поняла, что произошло. И меня бы сейчас, наверное, арестовали. Прочла бы она эту книжку, вылезла из ящика: “Да это был он!”

“Это был Михан! Это был Михан!”

Такой стыд, честно. Это был крупный фестиваль, всё шло замечательно, а промоутер после наших выходов выглядел так, что вы мне не поверите.

Позже мы слышали, что он обанкротился.

Мне интересно вот, почему...

24. Летающая рыба

В декабре 1971-го стартовало наше второе американское турне. Оно было отпадным, и спасибо за это нашим друзьям из Mountain. Они были клёвой командой, хорошо к нам отнеслись, и у них была куча дури. Мне по-настоящему понравился их гитарист, Лесли Уэст (Leslie West). И до сих пор нравится. Я как-то сказал ему однажды: “Мне очень нравится звук, который у тебя получается, и гитара твоя нравится.”

Он поискал и нашёл мне Gibson, такой же, как у него. Он приехал в Англию и дал его мне. Но его украли. Когда у вас выдаётся перерыв, ваши гитары отправляются куда-нибудь на хранение.

Однажды у меня четыре гитары отправились в хранилище, и эта была в их числе. И гитара Лесли пропала: это происшествие разбило мне сердце.

В этом туре мы сначала остановились в лос-анджелесском “Hyatt”, больше известном как “Riot”, где впервые встретили своих группиз. Мы по существу ничего о таком не знали. В Европе женщины были не так прямолинейны, как в Америке. Как только мы добрались до рецепции в “Hyatt”, к нам подошли девушки со словами: “Привет. Вы из Англии?”

Прежде, чем мы опомнились, у каждого было по девушке. Мы поверить не могли. “Чёрт меня раздери! Так вот на что похожа Америка?”

А потом, позже, вы могли встретить их с кем-то ещё. Мы просекли: “Ага, так вот что они называют “группи”!”

В Сиэтле мы останавливались в знаменитейшем отеле “Edgewater”, где прямо из окна можно половить рыбу. Гостиница была построена на сваях и склонялась к воде. Леску можно было получить на рецепции, так что вы могли порыбачить из окна номера. Чем мы и занимались. Не знаю, зачем, собственно. Оззи выловил из окна акулу, которую поместил в ванну, пока мы выступали. Конечно, она умерла, так как долго находилась в ванне, а акулам надо двигаться, чтоб дышать. Оззи принялся её разделывать. Кровь и потроха были повсюду. Он пытался... Не знаю, что он там пытался сделать.

Номер Билла был прямо за моим, и его окно было открыто. Я выудил акулу, раскачал на леске и забросил её в комнату Билла. Он был сильно удивлён. Не приятным образом, но поражён! Увидеть, как в твою комнату влетает чёртова акула: “Оооооо!”

Он выбросил её из окна обратно в море, но комната уже воняла рыбой. На самом деле, все номера воняли рыбой. Вы не могли там полы вымыть или ещё что-то, они были покрыты коврами. Не знаю, что они ожидали от гостей, что те должны были делать с пойманной рыбой?

В другой раз мы приделали леску к одному из тамошних типовых светильников. Мы ушли, а когда вернулись позднее, светильник пропал. Пропал через окно. Так что пришлось за него счёт оплачивать.

Во время последнего тура Sabbath, когда были в Сиэтле, мы с Биллом наведались в “Edgewater”, просто, чтобы вспомнить старые времена. Они сводили нас осмотреть, как там у них: там был номер Zeppelin, кроме того, они также делали и номер Sabbath.

Раньше только определённые гостиницы пускали к себе группы, все из-за репутации, которую те заслужили. А сейчас мы постоянно останавливаемся в “Ritz-Carltons” и “Four Seasons”, топовых отелях. И шестидесяти-с-лишним-летние мы больше не выбрасываем из окон номеров телевизоры. Мы их поднять уже не можем.

25. Номер 3, “Master of Reality”

В Англии “Paranoid” добрался в чартах до первого места, в Америке он даже ещё не был издан, а на нас уже оказывали давление на предмет следующего альбома, “Master of Reality”. Ведь, если у вас однажды уже вышел альбом “номер 1”, куда вам дальше двигаться? Если снова не будет “номера 1”, значит вы не так хорошо работаете, так что вам нужно написать песни, которые сделают следующую пластинку как минимум также популярной.

Менеджеры постоянно отправляли нас в дорогу, по странному расписанию. Иногда мы выступали дважды в день в разных городах. Передышки нам выпадали с большим трудом. Поэтому, а также из-за того, что после предыдущих студийных сессий песен у нас не осталось, мы пришли в репетиционный зал и начали сочинять материал. Я придумывал риффы, и, как только мы начали, песни у нас пошли достаточно легко. Иногда довольно трудно собрать достаточно материала на альбом, так как вам требуется время, чтобы обдумывать песни, жить ими. А времени у нас и не было. Особенно после “Paranoid’a”. Если у нас не находилось достаточно песен, приходилось писать дополнительные песни прямо в студии. Или мы добавляли немного гитарных кусков в песни, слегка удлиняя их. Кроме того, мне ещё нравилось придумывать инструментальные гитарные треки, как “Embryo”, которая послужила вступлением к “Children Of The Grave” на альбоме “Master of Reality”. Это небольшая классическая вещица, чтобы придать немного пространства, создать некоторый перелив света и тени. Если вы слушаете пластинку или хотя бы композицию от начала до конца, она прогремит, а вы не почувствуете тяжести, так как где-то в середине не было лёгкости. Вот почему, иногда прямо посреди песни, я вставляю лёгкую часть, чтобы сделать рифф тяжелее, когда к нему возвращаешься. Ту же цель преследует “Orchid”, предваряющая композицию “Lord Of This World”. Там только я и акустическая гитара, красивый островок умиротворённости перед бурей, чтобы создать динамический всплеск. Поначалу многие подумают, хммм, как-то это странно немного. Но мы любили поэкспериментировать. Мы не забивали себе голову мыслями, мол, вам такое делать нельзя, вы не должны играть акустические вещи, вы не можете использовать оркестр, так что мы делали намного больше, чем просто тяжёлый материал.

Когда мы записывали “Master of Reality”, в феврале-марте 1971-го, я достаточно проникся процессом и у меня начали возникать идеи. Мы делали кое-что такое, чего никогда раньше не пробовали. В “Children Of The Grave”, “Lord Of This World” и “Into The Void” мы понизили строй на три полутона. Это была часть эксперимента: всем понизить строй, чтобы звук был больше, тяжелее. У большинства команд в те времена были ритм-гитарист и клавишник, а у нас только гитара, бас и ударные, так что мы попытались сделать их настолько жирными, насколько это возможно. Понижение строя, казалось, придаёт звучанию глубины. Думаю, я первым такое сделал.

Мы просто не боялись сделать что-то неожиданное. Вроде “Solitude”, возможно первой нашей песни

о любви, которую мы записали. Оззи пользовался дилеем для своего вокала, и пел он довольно мило. У него был действительно подходящий для баллад голос. Я ещё и на флейте играю в этой вещи. Я перепробовал множество всяких штук по ходу записи альбома, даже, если я не умел на них играть, а после короткого альянса с Jethro Tull мне подумалось, что я мог бы попробовать флейту. Это было весьма любительской попыткой, должен отметить. Но у меня до сих пор есть та флейта.

Когда записывалась “Sweet Leaf”, мы все были обкурены, так как в то время принимали много допинга. Я записывал акустическую гитару к одной из песен, а Оззи принёс чертовски большой косяк. Он сказал: “Пыхни этого вот.”

Я ответил: “Не, на надо.”

Но пыхнул, и меня адски торкнуло. Я чуть весь мозг не выкашлял, этот момент записывали, и мы использовали его в начале “Sweet Leaf”. Как в тему: перед песней зашёлся кашлем из-за марихуаны... и выдал своё лучшее вокальное исполнение за всю карьеру!

“Into The Void” - одна из моих любимейших песен того состава; “Sabbath Bloody Sabbath” - другая. Структура этих треков поистине хороша, потому что в них есть множество оттенков, очень много всякого в них происходит. В “Into The Void” открывающий рифф меняет темп композиции. Мне такое нравится. Я люблю, когда в чём-то есть интересные места.

Для Оззи восприятие лирики Гизера всегда протекало непросто. И у него определённо были сложности с “Into The Void”. Начало в ней в медленном темпе, но там, где вступает Оззи, рифф становится весьма скоростным. Оззи должен был петь очень быстро: “Rocket engines burning fuel so fast, up into the night sky they blast” (“Ракетные двигатели сжигают топливо так быстро, они взмывают в ночное небо”), скорострельные слова вроде этих. Гизер выписал все слова для него.

“Ракетные утипутипу, что за мать твою, не могу я это петь!”

Смотреть на его потуги было весело.

Так же, как и в наших предыдущих альбомах, в “Master of Reality” содержалось несколько спорных моментов. “Sweet Leaf” расстроила многих, так как затрагивала тему наркотиков, также расстроила и “After Forever” благодаря ироничной строке Гизера “would you like to see Pope on the end of a gore” (“хотели бы увидеть Папу на конце верёвки?”). И обложка снова получилась необычной: на этот раз там были только пурпурно-чёрные слова на чёрном фоне. Кроме того, теперь нам дали на запись альбома две недели, снова с продюсером Роджером Бейном и инженером Томом Алломом, так что музыкально “Master of Reality” стал продолжением “Paranoid”. Тогда мне казалось, что звук мог быть и немного получше. Это одна из проблем, когда ты музыкант: тебе нравится, чтобы всё делалось определённым образом, чтобы определённым было звучание, поэтому тяжело доверять это другим людям. Когда этот процесс переходит под ведомство кого-то ещё, у тебя уже нет контроля над этим, и когда ты слышишь результат, он не таков, какого ты ожидал. Вот почему я всё больше вникал в технологию записи после первых альбомов.

26. Нет, серьёзно, это уже слишком...

Когда мы записали “Paranoid”, я всё ещё жил дома. Мои предки купили другой дом в Кингстэндинге (Kingstanding), под Бирмингемом. Они планировали перебраться туда, как только избавятся от лавки. Мама хотела отделаться от неё. Это была пустая трата времени и сил. Ты встаёшь утром и открываешь магазинчик, после того, как закрываешь его, ложишься в постель. Они никуда не могли уехать. Мы никогда не ездили в отпуск семьёй, они никогда не бывали за границей.

Я был горд новым местом. До того, как они въехали туда, ключи были у меня, и, если я встречался с девушкой, я брал её туда: “Это наш новый дом!”

Ко всему этому, я не мог водить кого-то в наше старое жилище: “Вот, сюда, заходи, садись на ящик с бобами, а я тебе клёвую выпивку сделаю.”

Даже думать об этом нельзя было.

И вот пришло время искать своё собственное жильё. Поначалу у меня не было на это денег, а когда деньги появились, я всё время проводил в турах. В любом случае первый крупный чек ушёл на скоростную машину. Не многим позже того, как в моих руках оказалась серьёзная сумма наличных, я купил себе Ламборджини. Так и стоял этот Ламборджини на улице у дома на Эндхилл Роуд (Endhill Road), в Кингстэндинге. Дом стоил 5000 фунтов, когда они приобрели его; а эта штука стоила в пять раз больше. Та тачка снаружи, мы были сумасшедшими в те дни.

Мы все были чокнутыми. Гизер всегда повторял: “Как сдам на права, куплю себе Роллс-Ройс.”

Однажды я пришёл домой, а снаружи дома на Эндхилл Роуд был припаркован этот Роллс. Я подумал, вот чёрт, он сделал это! Гизер сдал на права! Билл тоже купил Роллс-Ройс. В книжке владельца значились Фрэнк Митчелл (Frank Mitchell), знаменитый Безумный Топороносец (The Mad Exeman), убивший множество людей, сэр Ральф Ричардсон (Ralph Richardson), известный актёр, а затем Билл Уорд! В багажнике он держал ящики с сидром, прямо бар на колёсах. У Оззи водительских прав не было, но он всё равно купил Роллс, у меня. Водила его жена, и они приезжали ко мне домой со всем своим выводком собак на заднем сиденье. Это была безукоризненно чистая машинка, когда я ему её продал, и в каком она была состоянии, когда он приехал на ней. Засрана собаками и всё такое.

Гизер тоже не умел поддерживать свою тачку в надлежащем виде. Это было время обуви на высокой платформе, а у Гизера платформы были очень большими. И как только он умудрялся ездить на них, я просто не представляю. Он как-то ехал по Девону, где холмы достаточно крутые, и остановился у магазина на вершине одного из таких. Он припарковал машину, зашёл внутрь на своих платформах, и кто-то в магазине вдруг воскликнул: “Смотрите! Там тачка с холма скатывается. И это Роллс-Ройс!”

Гизер в ответ: “О, Господи Боже мой!”

Он выбежал, прихрамывая из-за своих туфель, так быстро, как только мог, пытаясь нагнать свою машину, так чтобы можно было открыть двери и остановить её. Естественно, Гизеру это не удалось, и тачка слетела с холма и проломила ограду, врезавшись прямо в дерево. По пути домой, он проезжал меня, и я слышал, как из машины раздавалось “кххх, кххх, кххх”, этот звук скрежета вентилятора о радиатор. Перед был совершенно смят, и Гизер сообщил мне: “Теперь видишь, почему они называли это Роллами (вальцы, перекаты)...”

Первый свой дом я купил в 1972-м году в Стаффорде, на севере от Бирмингема. Это был участок в три акра с бассейном. Вскоре я заметил, что за ним строится современный дом. Я подумал, блядь, это же прямо за моим бассейном. Вместо того, чтобы позволить им донимать меня, я купил этот дом для родителей. Они переехали туда из Кингстэндинга. Это было милое здание, абсолютно новое, всё в коврах, современные ваннные комнаты, полный набор. Отец отгородил кусок участка, где он мог разводить своих кур, так что ему там очень нравилось. Но матушка чувствовала себя, как будто посередине глухомани, далеко от города. Было превосходно подарить тот первый дом, но он им не

понравился, поэтому я сильно расстроился. И я сказал: “Хорошо, найдите себе дом, который вам нравится, и я не буду в это вмешиваться. Вы мне сообщите о выборе, а я его возьму.

Они так и сделали. Нашли дом, понравившийся им, на аукционе. В тот момент я был в Америке, поэтому послал одного парня делать ставки за дом. И кто торговался с ним? Моя тётя, тоже пытавшаяся заполучить этот дом. Я не мог поверить! Я понятия не имел, после выяснилось. Там только они делали ставки. Но в конце концов мы его получили, и предки были абсолютно счастливы поселиться там. Папа разводил там лошадей и кур, так что был в своей стихии. Для него это случилось уже поздно, так как его начали слишком мучить болезни, чтобы он мог получать от всего этого наслаждение, но несколько хороших лет у него там все же было.

Я старался присматривать за ним, но это было нелегко. Раньше, ещё когда мы жили в Кингстэндинге, я увидел, как на улице отец пытался завести старой ручной крутилкой свою машину, и подумал, о, Боже, каждое утро он занимается этим во дворе, с сигаретой в зубах, ужас просто, это было невыносимо. Так что я ему купил Роллс-Ройс. Матушка сказала: “Не понравится он ему!” “Ещё как понравится!”

Я отправился в авто-магазин и купил ему на день рождения Роллс-Ройс. Его доставили к дому с ящиком шампанского позади. Отец начал: “Это что такое? Не надо мне этого! Можешь представить себе, чтоб я в этом на работу ездил? Что все скажут? И соседи, что они подумают? Я на Роллс-Ройсе!”

Чёрт побери. Пришлось позвонить людям из Роллс-Ройса и сообщить: “Ему он не нужен!”

“Как это он ему не нужен? Это же Роллс-Ройс!”

Так что они приехали и забрали его. Я спросил папашу: “А что ты тогда хочешь?”

“Ничего я не хочу.”

“Ну может ты бы смог выбираться в другой машине? Как насчёт Ягуара?”

“Ну, это лучше, чем эта штука.”

И я ему купил Ягуар 3.4 классической модели с красивой отделкой под дерево, переключателями и всякой всячиной. Он все ещё ничего не хотел, но я сказал: “Папа, тебе придётся её принять. Я уже не могу вернуть деньги. Я купил машину; они не хотят просто взять и плюнуть на это, я должен взять у них что-то другое.”

Он ею пользовался, но это было сплошь через не могу. Чёрт меня раздери, я пытаюсь ему помочь, а в ответ: “Не нужна мне эта хренова штука.”

Мой отец умер в 1982-м, ему было всего шестьдесят пять. Мать пережила его почти на пятнадцать лет. Он был упрямым человеком, очень гордым, никогда не жаловался. Просто тянул свою лямку. Он тяжело работал всю свою жизнь. Это всё, во что он верил, работа, и ничего, кроме работы. И он никогда не прекращал курить. Он закурил себя до смерти. Он умер из-за отказа лёгкого и эмфиземы. Однажды я заметил, что он выглядит очень больным. Так как Sabbath принимали участие в благотворительных акциях для бирмингемского госпиталя, я встретился с тамошними специалистами, поговорил с ними об отце, и они сказали: “Ну, пусть он к нам приедет.”

Отец ненавидел докторов, так что я сказал: “Он ни за что не придёт в госпиталь. Можете навестить его и осмотреть?”

Они навестили, и он пришел в бешенство. Он ударил по крыше (машины?) и заявил: “Никогда больше не привози их сюда.”

Они его всё-таки осмотрели и сказали: “Он в плохом состоянии.”

Но не было ничего такого, что вы бы для него сделали, и он на это согласился.

Нельзя было купить ему дом, нельзя было купить ему автомобиль ... нельзя было купить ему здоровье.

27. Белые дорожки и белые костюмы

В Англии было полно гашиша, дури и колёс, но, когда мы были хедлайнерами в лос-анджелесском “Fogum’e” осенью 1971-го года, я познакомился с кокаином. Я сказал одному из роуди: “Как-то я себя очень устало чувствую.”

Он ответил: “Отчего бы тебе не занюхать дорожку кокса?”

“Не, не хочу я ничего такого делать.”

Он был американцем, так что был в курсе всего этого. И сказал: “Ты будешь в порядке. Просто сделай понюшку перед выходом.”

Я нюхнул, и подумал, как здорово! А теперь пройдем на сцену и сыграем! Так оно и было. Адский ад! На сцене я ощущал себя офигительно, и, конечно, в следующий раз у меня уже было немного порошка перед выходом на сцену. А потом я делал это всё чаще и чаще. Как это обычно получается. Чтобы предпринять нечто особенное во время выступления в “Whisky a Go Go” на бульваре Сансет Стрип (Sunset Strip), Патрик Михан предложил: “Почему бы не надеть что-то другое? Белые костюмы, цилиндры и трости!”

Мы арендовали белые костюмы, и буквально мгновения спустя они были покрыты грязью.

Большинство людей возвращают такие вещи полностью чистыми, на вешалках, так что народ в прокате, верно, подумал о нас, а эти кто такие?

В тот вечер на нас взглянуть приходили Beach Boys, но я даже не знал, как они выглядят. Я вышел из гримёрки, кто-то подошёл ко мне и спросил: “Можно мне зайти, увидеть остальных ребят?”

“Нет, посторонним в гримёрку нельзя.”

Потом я был слегка сконфужен, когда выяснил, что он был из Beach Boys.

Эл.Эй., кинозвёзды, солнечная погода - всё это произвело на нас впечатление. Закончилось всё презентабельными вечеринками, где мы нагляделись на кучу звёзд кино, вроде Тони Кёртиса (Tony Curtis) и Оливии Ньютон-Джон (Olivia Newton-John). Мы в любом случае под коксом были, впрочем, как и многие из них. Проплывавших мимо...

Думаю, это был самый конец третьего американского турне, когда мы впервые выступали в “Hollywood Bowl”. У меня не осталось кристально чистых воспоминаний по поводу этого шоу, так как в его завершении я свалился в изнеможении. Я упал в обморок из-за упадка сил. Помню только последнюю песню, и ууух, трах-бабах, всё. Доктор, осмотревший меня, сказал: “Садись на первый же самолёт до Англии, и прямиком домой, просто отдохни.”

Я был на грани нервного срыва, поэтому мне прописали валиум в больших дозах. Я целыми днями был словно грёбанный зомби. Мне действительно было необходимо просто отдохнуть. Всё это из-за нашего образа жизни, постоянно в турах, без сна. И из-за наркотиков, я так полагаю. Биллу диагностировали гепатит, и его положили в больницу. Он все время таскал с собой ржавый нож, и, когда как-то вскрывал им моллюсков, то порезал руку. Он говорит, что порезался или ножом, или о раковину. Будучи вегетарианцем, Гизер не мог достать и половины еды, которая ему была нужна, а комбинация этого обстоятельства с наркотой сделала его ужасно тощим. У него образовались камни

в почках, и он тоже оказался в больнице. Мы все разваливались на части. Оззи, наверное, вёл самый нездоровый образ жизни из нас, но он единственный оставался на ногах.

Все мы очутились в нокдауне, а Оззи? Он был здоров, как бык.

28. Воздушные силы Элвиса

1972 год мы начали с 19-дневного британского турне с командой Гленна Корника (Glenn Cornick) Wild Turkey. Они были у нас на разогреве, так как Патрик Михан объединился с Брайаном Лейном (Brian Lane), и они вместе управляли делами группы. Лейн был менеджером Yes, вот почему в следующем туре они оказались с нами в одной обойме; тридцать два шоу по Штатам и Канаде, начиная с марта, тур под названием “Iron Man”. Мы и Yes: это была очень странная комбинация. Они нас ненавидели, потому что, я уверен, по их мнению они были искусными музыкантами, а мы рабочим классом. Иногда они с нами разговаривали, а в другой раз могли пройти мимо, не замечая. Очень странные. Годы спустя мы наладили отношения, но лишь по прошествии долгого времени. А на сцене они были забавными. Если кто-то ошибался, то в ход шли шашки наголо. Мы думали, что это с ними? Музыка, кто-то слажал, и что? Хорошо, что они были не в нашей группе. Мы ошибались каждые две минуты. Но ситуация была такова, что это они были у нас в поддержке, выходили со всем своим виртуозным материалом, а потом мы начинали свои “буууу”, “кланк”, “ззззз”. Они небось задавались вопросом: “Блядь, и что мы тут забыли?”

Их клавишник, Рик Уэйкмен (Rick Wakeman), не особенно дружил с ними, так что он тусил с нами столько, сколько мог. Рик нам нравился, думаю, ему было бы интересно поиграть с нами, но он был не совсем тем, кто нам нужен, он был слишком хорош для того, чего мы хотели. Нам нужно было что-то примитивное, простое “ду-ду-ду”. Это совсем не было похоже на музыку Yes.

Во время предыдущего тура, как-то на одну ночь Элвис остановился в том же отеле, что и мы. Мы смогли увидеть, как он входит со всей своей охраной и поднимается на верхний этаж. Нас пригласили на выступление Элвиса. У меня была одна птичка в тот вечер, и я сказал: “Я не иду”.

Потом я сожалел, так как тогда не пошёл на его шоу, больше уже никогда и не довелось.

В этом турне мы летели из Лос-Анджелеса в Вегас и обратно на самолете, принадлежавшем Элвису. По-настоящему чудной: все сиденья были покрыты шкурами леопарда, очень шикарно. Стюардессы вышли с тарелками разноцветных сэндвичей. Я воскликнул: “Чёрт меня подери. А это что?”

“Ну, это разноцветный хлеб.”

“Ааа!”

Должно быть это было что-то из того, что нравилось Элвису. Но самолёт был отличный. Мы им попользовались, но вели себя хорошо, оставили всё в целостности и сохранности, конечно, были очень вежливыми. То есть я хочу сказать, он же был Элвиса!

29. Ослеплённые снегом

Достаточно много времени ушло у нас на написание и отработку материала для альбома “Volume 4”. Не то, чтобы стало сложно придумывать песни, просто паб был всего в миле, поэтому мы начинали предлагать идеи, а в ответ было: “Ааа, ооо...”

А затем все уходили в паб пропустить по стаканчику.

Я говорил себе: я не пойду, я останусь, посижу и попробую придумать что-нибудь. Я играл немного, час, два часа, они возвращались, подмазываясь: “Ну как, у тебя получилось что-то?”

Круто, да? Я ощущал настоящее давление.

Когда нам предложили поехать и записаться в Штатах, идея пришлась всем по душе. Это был способ избежать английских налогов, да и расценки в студиях были лучше, дешевле, к тому же. Но что ещё более важно, мы думали, что это было бы классно, уехать куда-нибудь и попытаться найти другие вибрации. Мы отправились в Лос-Анджелес в мае 1972-го. Патрик Михан был знаком с Джоном Дюпоном (John Dupont) из “Dupont Company”, осветители, краски и всё такое. Большая - огромная - компания. Мы арендовали у него дом в Бел-Эйре (Bel-Air). Это было отличное местечко с чуть ли не бальным залом, выходящим на бассейн. С волшебным видом на Эл.Эй, с произведениями искусства. Жили мы все вместе, группа, Михан и две девушки-француженки, помогавшие по хозяйству и доставшиеся нам вместе с домом.

Вибрации в Америке были на славу. “Record Plant”, где мы записывались - это была не студия, а целая страна искусства, намного лучше того, к чему мы привыкли. Мы решили, что сами будем продюсировать “Volume 4”. Не потому, что мы были сыты Роджером Бейном или что-то такое, думаю, он был хорош. Но к тому времени мы столько проработали в студии, что чувствовали, что знаем, как самим всё делать. Я слышал, что Роджер исчез и с тех пор больше ни с кем не разговаривает. Я этого не пойму. Я бы хотел знать, из-за чего так вышло.

Патрик Михан тоже решил сделаться продюсером. Не знаю, с чего это. Но он там был, в контрольной комнате, полагаю, он думал, о, добавим-ка туда и моё имя. Раз или два, может, он произносил: “Что, если мы попробуем...?” и это было всё, весь его вклад в производство.

Самостоятельное продюсирование сводилось к тому, что каждый начинал: “Хочу, чтобы мой бас сделали громче”, или “Хочу это”, “Хочу то”, но это сработало хорошо. Только позже, начиная с “Sabbath Bloody Sabbath”, я начал совать свой нос глубже.

Запись заняла шесть недель, может даже два месяца. Во время этого процесса мы установили кое-какую аппаратуру в доме в Бел-Эйре, где и написали последние вещи. Там была другая атмосфера, у всех было яснее внимание, и стояла задача: “Мы должны это доделать.”

Мы всё ещё маялись дурью и по-дурацки прикалывались, но идеи и песни появлялись быстро.

Может, этому способствовали также и горы кокаина. А этого добра у нас было вдоволь. Его привезли в запечатанной коробке размером со спикер-кабинет, набитой пакетами, покрытыми воском. Вы сдираете воск, а внутри чистый, фантастический порошок, целые горы его. Это было как у Тони Монтаны (Tony Montana) в фильме “Человек со шрамом” (“Scarface”). Вываливаешь кучу на стол, разрезаешь её, и нюхаешь немного, ну, вообще-то довольно много. Уорд брал дозу, потом и все остальные музыканты, много женщин и новых “друзей” появлялись в доме, и все делали по нырку.

Одним солнечным днём мы сидели в комнате с телевизором вокруг стола с вываленным на него кокаином, а также травкой. В доме повсюду были установлены кнопки. Билл решил, что они служат для вызова прислуги и нажал на одну, но это была тревожная кнопка для вызова грёбанной полиции Бел-Эйра. Всего несколько минут спустя я встал и увидел в окно около семи или восьми полицейских машин на подъезде к нам. Я заорал: “Быстро, полиция!”

Все зашлись: “Ха-ха-ха!”

“Я серьёзно, это полиция!”

Снова: “Ха-ха-ха!”

Я буквально взял в охапку одного из них и сказал: “Взгляни!”

И наконец: “Оой, это полиция!”

Мы живо стресли весь кокс и дурь со стола. У каждого в комнате были свои собственные заначки, так что мы ломанулись туда занюхать как можно больше перед тем, как смыть остатки в унитаз. После чего мы сказали одной из домработниц: “Быстрее, открывай им дверь!”

Она так и сделала, и, конечно, полиция зашла внутрь. Мы сидели в зале, притихшие, с широко раскрытыми глазами. Они спросили: “Что тут происходит?”

“Ммм, да ничего... А что?”

Можно смело говорить, что мы были не в своей тарелке. Они захотели узнать, что мы тут делаем, и мы рассказали, что сняли дом и т.д. и т.п. Это был сущий ад. Если бы нас обыскали, то закончилось бы всё очень печально. Но они ушли после того, как мы объяснили, как ошибся Билл.

Мы были сильно взбудоражены. Естественно, после этого пошло: “Вот блядь! Ничего не осталось, чувак! Скорее, звоните этому парнишке снова. Зовите его опять!”

Будучи на “Record Plant”, мы были более серьёзны. Держа под контролем происходящее в студии, мы могли больше экспериментировать. Первые три альбома были все под одну гребёнку, на самом деле, а на “Volume 4” мы начали внедрять что-то другое. Дома в зале я нашёл пианино и поигрывал на нём после миллионов дорожек кокса. Я никогда раньше не играл на пианино и начал учиться этому делу именно там и именно тогда, в те несколько недель. Представьте себе, я не ложился всю чёртову ночь, вынюхивал дорожку кокса, играл немного, другую дорожку кокса, играл, и так, наверное, продолжалось шесть недель. И во время этого занятия я придумал “Changes”. Оззи подошёл и сказал: “О, мне это нравится”, и начал петь. У нас был мелотрон, и Гизер начал на нём играть, в качестве аккомпанемента, что-то вроде оркестровки. Вот так оно с получилось, мы решили записать песню. Вообще-то я был сильно смущён, потому что когда мы записывали её на “Record Plant”, пришёл Рик Уэйкман и спросил: “Кто это на пианино тут играет?”

Я подумал, о нет, сейчас он скажет: ”Это хрень какая-то.”

Но ему понравилось.

Полагаю, мы могли попросить кого-то вроде него сыграть на клавишных, но и Гизер, и я хотели сделать это сами. Мы оба только обучались этому, так что для нас это был вызов.

Если композиция “Changes” была необычной, то “FX” была определённо запредельной. Мы были почти голышом, когда писали её. Когда вы находитесь в студии четыре часа и курите дурь, у вас едет крыша. Мы принялись играть, пританцовывая, наполовину раздевшись, занимались глупостями. Я ударил о гитару своим крестом, вышло “бумм!”, и мы такие: “Ооо!”

“Бумм!”

“Ааа!”

Все протанцевали мимо гитары, ударяя по ней. Мы просто дурачились. Мы и не помышляли использовать этот трек, но когда на него наложили дилей, мы подумали, о, да, ммм, и включили его в пластинку. Я всегда столько труда вкладываю в каждую вещь, вношу различные изменения во все места, а тут у нас был трек, получившийся случайно из-за того, что парочка обдолбанных людей била по моей гитаре, и попавший в альбом. Настоящий прикол! Если бы у нас было видео этого безобразия, было бы потрясающе.

Или нет.

“Laguna Sunrise” в действительности была вдохновлена восходом солнца над Laguna Beach. Я был там со Споком, одним из ребят из нашей команды, который к тому же был отличным гитаристом.

Мы провели там всю чёртову ночь, когда ко мне пришла эта идея на акустической гитаре. Мы также пытались добавить в неё немного оркестра. Я такого раньше никогда не делал, мы никогда ещё до этого не использовали оркестр. Я не умел записывать музыку на бумагу, а Спок умел, так что мы попытались переложить всё в ноты, чтобы оркестр мог это сыграть: “Это что тут за точка? Хорошо, оставь её.”

Мы пришли в студию, и, конечно, оркестр не принял нашу писанину. Им нужно было, чтобы все партии были правильно прописаны, и, когда мы нашли того, кто смог это сделать, они были великолепны. В концовке “Snowblind” мы также использовали оркестровки, а потом и в “Spiral Architect” на “Sabbath Bloody Sabbath”. И в “Supertzar” на “Sabotage”, были где я, игравший партию тяжелой гитары, хор и арфист. Я делал подобное, чтобы привнести другое звучание в нашу музыку. Билл был близок к тому, чтобы не дожить до завершения процесса записи. Мы рыскали вокруг дома как-то вечером и в гараже нашли краски Дюпона. Мы прихватили с собой тюбики-распылители золотой краски и лака. Вернулись в дом, а там Билл, как дурак, мочился прямо на пол. Мы спросили: “Можно мы на тебя побрызгаем?”

Конечно он ответил: “Да.”

Мы сорвали с него всю одежду, обрызгали его, и он полностью покрылся позолотой. Мы взялись за лак, и покрыли Билла и им также. Было чертовски смешно. Билл лежал, весь сияющий, а потом он начал издавать странные тихие звуки. А затем его начало рвать и он зашёлся в жестоком припадке. О, грёбанный ад!

Мы позвонили в скорую, сообщая, как, к чёрту, объяснить, что тут происходит.

“Что с парнем?”

“Ну... он типа лежит тут и он... позолочен.”

И потом, чтобы звучать серьёзно: “И он ужасно болен.”

“Извините, так что у него не так всё-таки?”

“Хм... его обрызгали золотой краской, и он на полу, голый.”

Они приехали и устроили нам справедливую отповедь: “Идиоты. Вы хоть понимаете, что могли убить человека?”

У него всё было в золоте: задница, борода, полный набор. Очевидно, что все поры были забиты, и он мог умереть от этого. Они заставили нас показать флаконы от краски, которой мы его обрызгали, и от лака тоже. Они прочли надписи, в серьёзном беспокойстве, а потом вкололи ему что-то. А мы тем временем стояли, как нашкодившие мальчишки, спрашивая: “С ним всё будет в порядке?”

Мы бросились обратно в гараж, нашли какой-то растворитель и попытались снять с него позолоту так быстро, как только смогли. Пришлось потрудиться, чтобы вычистить его. Идея-то была повеселиться, но обернулось всё с точностью до наоборот.

Запись “Volume 4” прошла замечательно. У нас был дом Дюпона, светило солнце, там был бассейн, женщины, всё что угодно. И кокс, горы кокса. Время выдалось таким увлекательным, что нам не хотелось, чтобы оно заканчивалось.

Ближе к концу нашего пребывания там мы как-то раз излишне перестарались с вечеринкой. Мы были дома и слонялись туда-сюда. Началось всё со швыряния нескольких вещей, а закончилось шлангом от оросительной системы, из которого мы брызгали друг в друга. Оззи покрасился в разные цвета, в полном беспорядке. А потом зазвенел дверной звонок. Это был владелец дома, Джон Дюпон. Оззи

открыл, весь мокрый, с лицом в краске. Дюпон начал: “Что тут, чёрт возьми, происходит?”

Он вошёл, внутри был полный бардак. Я стоял со шлангом и выдал: “А. Здравствуйте. Приятно познакомиться.”

Он наехал на Патрика Михана, и мы должны были заплатить ему. Ситуация была разрешена с помощью денег. Будто он не получил достаточно, этот Джон Дюпон.

Но все эти безумства происходили от того, что мы там были счастливы. Мы репетировали, придумывали идеи, сочиняли песни день и ночь напролёт, ходили в бар “Rainbow” или неважно куда ещё, закатывали вечеринки.

Этим периодом мы наслаждались так, как больше никогда в жизни, и песни вроде “Snowblind” наглядно свидетельствуют, что так получилось в том числе и благодаря определённому наркотику.

Вот почему на обложке альбома мы написали: “Хотели бы поблагодарить великую компанию “COKE-Cola””.

Просто небольшой благодарный кивок тем, кто нас обеспечивал поддержкой.

Я снимал дом в Бел-Эйре пару лет назад, когда мы работали над альбомом Heaven And Hell, “The Davil You Know”. Дом Дюпона находится на Страделла Роуд (Stradella Road), и так как я много ходил пешком, я проходил мимо него каждое утро. Очевидно, сейчас им владеет Жаклин Смит (Jaclyn Smith) из “Ангелом Чарли” (“Charlie’s Angels”), и я всматривался внутрь, пытаюсь увидеть её хоть мельком.

Но так и не увидел.

30. Капитан у вас чокнутый...

Во время выступлений по Америке летом 1972-го года мы путешествовали на частном самолёте. Мы летели куда-нибудь, останавливались там на пару дней ради концертов по округе, а затем летели куда-то ещё и делали ровно то же самое. Если это было возможно, то мы останавливались во Флориде, чтобы поваляться денёк на пляже. Полёты на частных самолётах были идеей Михана. Мы уже пользовались ими в 1971-м году во время тура в поддержку “Paranoid”. В марте того года мы проводили турне по Штатам с Fleetwood Mac, и они летели с нами. Оззи сидел спереди, а мы все болтали сзади салона. Неожиданно самолёт нырнул вниз со резким звуком: “Вруууум!”

Оззи взялся за управление. Не знаю, с какого перепугу пилот позволил ему сделать это! Я чуть не обкакался. Адский ад! А Оззи, конечно же, посчитал это уморительным. Все кричали и орали, а он взял и снова проделал этот фокус: “Ууу-хуу!”

А Биллу много и не надо с его боязнью полётов. Они приводили его в ужас, и он принимал валиум, чтобы решиться на полёт. Вскоре вместо перелётов он предпочёл перемещаться автотранспортом. У него был дом на колёсах марки “GMC”, и его брат, Джим, возил его с одного концерта на другой. Время от времени им приходилось останавливаться в одном из этих мест, где можно опорожнить содержимое туалета. В один день Джим нажал на кнопку, которая, как предполагалось, должна была запустить сброс всего дерьма, но ничего не произошло, поэтому Билл решил забраться под днище и взглянуть, что там не так. У него было коротковолновое радио, как у водителей фур, он и на сцену с ним выходил, со всем этим бредом вроде: “Нарушитель один-девять, въезжай, Бульдог, десять-четыре”. Так что Билл был под фургоном, выдавая: “По поводу дерьма - отрицательно, Джим, отрицательно насчёт дерьма. Ничего не происходит, безрезультатно.”

Он там усердно занимался этим делом, а потом его брат снова нажал кнопку и всё дерьмо и

нечистоты вывалились прямо на него.

Чваарк!

От Билла раздавалось: “У меня тут порядок по поводу дерьма, Джим, порядок с дерьмом.”

Джим отогнал автобус вперёд, а позади очертания Била на земле и кучи дерьма вокруг. Вся морда покрыта этим делом, и выглядел он, как порождение Чёрного Отстойника. Это был один из классических случаев.

Билл в своём репертуаре.

31. Почти безукоризненная свадьба

Моей первой женой была Сюзан Сноудон (Susan Snowdon). Я встретил её в лондонском офисе Патрика Михана. Сам Михан был из весьма зажиточной семьи. Он вращался в высших кругах, носил костюм и ездил на Роллсе во все эти дворцы. Предполагаю, что там он и познакомился с Сюзан. Она хотела чем-то заняться, и я пообещал: “Я напишу тебе песню.”

Конечно, я этого не сделал. Однажды она пришла ко мне домой и вышло немного неловко. Я обнаружил, что она совсем не умеет петь, а она узнала, что я не написал для неё песню. Но мы вышли пообедать, так всё и началось.

Мы были полными противоположностями. Родители Сюзан и её семья были ещё ничего, но её друзья, сущий ад: “Ну и чем Вы занимаетесь? Играете, а?, как это называется, звон и грохот, а?, этим Вы занимаетесь?”

Очень высокомерно. Мне совершенно не хотелось связываться с такими людьми. Сюзан почти таким же образом реагировала на моих друзей, как я - на её, так что она ходила общаться со своими друзьями, а я ходил к своим. Это звучит, как не очень прочная база для отношений, но они длились восемь лет, довольно долго. Конечно, большую часть времени я провёл в турах. У нас были достаточно необычные отношения. Она всегда была чересчур шикарна для меня.

Мы запланировали свадьбу на 3-е ноября 1973-го года. Перед тем, как жениться на Сюзан, мне нужно было познакомиться с её родителями в их огромном поместье и попросить у её отца руки дочери. Я очень нервничал, когда мы отправились туда. Они вынесли пирожные, чай в заварнике, и маленькие чашечки, я думал, о, Господи, надеюсь я ничего не побью. Но её отец и мать оказались довольно практичными, достойными людьми. Я отлично с ними поладил. Естественно, свадебный прием должен был пройти в их доме. Я прикинул, чёрт побери, что же будет, когда они увидят моих друзей?

Но для начала мне нужно было пережить холостяцкую вечеринку. Были только Джон Бонэм, я и водитель. Мы шлялись по бирмингемским клубам, и последним, куда мы попали, чтобы завершить вечер, был “Sloopy’s” на Корпорейшн Стрит (Corporation Street). Джон сказал: “Давай зайдем, и дёрнем в последний раз.”

Ага, последний... по его заказу чёртова барная стойка была заставлена двенадцатью бутылками шампанского и двенадцатью бокалами, и он попросил бармена: “Разливай всё!”

Я посчитал, что он собирается угощать всех, кто был в баре, но он произнёс: “Это тебе.”

“Отъебись, Джон, я утром женюсь. Если выпью всё это, то ты меня там не дождёшься!”

“Ну, тогда я выпью.”

Что он и проделал самым надлежащим образом. Очевидно, что через полтора часа он был абсолютно парализован, и мог произнести только: “Бе-ме...”

Хуже того, клуб закрывался, и нам нужно было убираться оттуда. К “Sloopy’s” поднималась лестница, и ступеньки были довольно крытыми. По пути вниз Джон схватил за шею хозяина клуба, и парень, конечно, упал и скатился по лестнице. Он ушибся и сильно счастлив от этого явно не был. Нам с водителем наконец-то удалось вытащить Бонэма из клуба и впихнуть в машину, после чего мы сначала поехали к нему домой. Когда мы добрались до дома Джона, у него не оказалось ключей. Было четыре утра. Я нажал на дверной звонок: ничего. Снова: и ничего. Потом свет наверху зажегся. Его жена, Пат, открыла окно и заорала: “Он не зайдёт!”

Я взмолился: “Пат, пожалуйста, позволь ему войти. У меня утром свадьба, и он должен там появиться.”

“Он не войдёт!”

“Пожалуйста!”

В конце концов она сказала: “Ладно, но наверх он не поднимется тогда! Если он заходит, то спит внизу!”

“Хорошо.”

Она спустилась, открыла дверь и вбежала опять наверх. Мы внесли Джона в гостиную, усадили его напротив радиатора, и я спросил его: “Ты же не сделаешь этого утром, так?”

Он поднял руку и промычал: “Да, я буду там.”

Водитель отвёз меня домой и я подумал, чёрт побери, Джон ни за что не очухается к утру, и я останусь без шафера.”

Я должен был быть там в до глупого ранний час, и я поверить не мог: ровно в восемь утра я увидел Джона на подходе, в своём цилиндре и во фраке, приодетого. Он жил в добрых сорока пяти минутах езды от моего дома, а я ещё даже не успел побриться или что-то ещё. Я открыл дверь, он был бодр и энергичен, выдав: “Я готов. А ты как?”

Я на самом деле чувствовал себя хуже, чем он. Мы забрались в машину и, как водится, пару раз посигналили. Я подумал, о, Боже, вот так и будет весь день. Мы приехали в чёртову церковь, и, перед тем, как мы вошли, все из нашей компании по очереди скрывались за зданием нюхнуть по дорожке. Возвращались, кряхтели и произносили: “Хорошо!”

После чего кто-то еще уходил: ”Вернусь через минутку.”

Приглашённые со стороны моей жены удивлялись, куда это они пропадают, а я думал, Господи, мне нельзя! Уже внутри, все мои друзья сопели и фыркали, все эти звуки наполняли церковь, это был ужас. А на её стороне всё было чинно и благообразно.

Я написал инструментальную вещь под названием “Fluff”. Плёнка играла, пока Сюзан шла по проходу, когда всё пошло не так. Мелодия началась, потом прервалась, затем снова зазвучала, все начали хихикать. Полнейшая катастрофа.

Потом этот чувак спросил: “Есть ли тут кто-то, у кого есть что сказать, почему эти двое не могут соединиться в браке?” Я был уверен, что найдётся кто-то, кто выкрикнет. Но никто этого не сделал. Они только колкости выдавали. Я был чертовски рад выбраться из той церкви.

Когда мы вернулись в дом не приём, они все опять исчезали, ещё по дорожке. Моя тёща заметила: “Забавно, никто из твоих друзей не ест.”

Конечно, я сделал круглые глаза: “Серьёзно? Интересно, почему?”

Джон Бонэм, Оззи и ещё несколько человек были известными бузотёрами, которые начинали

безобразничать после нескольких залпов. Вот почему мы решили, что лучше всего произнести один тост с шампанским и после этого больше не разливать алкоголь. Но всё пошло не совсем гладко. Мы выпили по поводу тоста, после чего всем начали наливать яблочный сок, Джон Бонэм выплюнул его и начал: “Грёбанный яблочный сок!”

Приглашённые Сюзан никогда не ругались матом, так что я подумал, о, нет, сейчас начнётся. Но моя матушка спасла положение. Она сказала Бонэму: “Не волнуйся, Джон. Мы поедем к нам домой. У меня там куча выпивки.”

Они отправились к маме в дом, и там принялись выпивать. Если бы она этого не сделала, то, пожалуй, весь антиквариат был бы разнесён о стены, как расплата за яблочный сок.

32. Переезд в большой дом

Сюзан не хотела жить в моём доме в Стаффорде, и мы решили перебраться куда-нибудь между Лондоном и Бирмингемом. Мы подыскивали дом, чтоб купить, но не могли найти такой, который нам бы нас устраивал. Однажды её отец предложил: “Почему бы вам переехать к нам? Этот дом слишком велик для нас.”

Сью ответила: “А это идея.”

И мы переехали. Мы заняли основную часть огромного здания на 200 комнат. Мой тесть отделил их жилую часть от нашей, и так мы прожили несколько лет. Так же, как и в Карлайле, мы там были не одни. Я видел призрака на лестнице как-то ночью. Он не был похож на трёхмерного человека, это было больше, чем просто фигура. И ещё множество странностей там со мной происходило. У нас были большие старомодные ключи в замках всех спален. Однажды вечером я находился в холле и копался в своём портфеле. Я закрыл его и начал подниматься по лестнице в спальню. Я услышал громкий хлопок и сбежал снова вниз. Одна из картин упала со стены. Я вернулся в холл, а мой портфель был опять открыт. Я подошёл к двери, но ключа в ней не было. Все ключи исчезли. И мы их больше не нашли. Я поговорил об этом с предками жены, и они сказали: “Да, там есть приведение. Но оно доброе.”

Происшествия вроде этого заставляют крепко задуматься. Проявления олтергейста, для начала, могут испугать, но...они умеют двигать предметы! У меня всегда были способности видеть вещи, которые большинство людей не могут заметить. Сложно говорить об этом, потому что люди думают, ага, слишком много он наркоты принимал. Я действительно вижу такие вещи, вроде приведения в Карлайле. Видел его также ясно как день.

Мне всегда было интересно, что происходит, когда ты умираешь, когда ты покидаешь пределы этого мира, и я пытался найти в книгах информацию об этом. Живя в большом доме, я прочитал много книг Лобсанга Рампы (Lobsang Rampa). Это писатель, который заявляет, что был тибетским монахом до того, как ему пришлось провести свои последние годы в теле англичанина, по крайней мере, он так пишет. Я стал вникать в вещи вроде выхода из тела, астрального путешествия. Я на самом деле верю в это и пробовал несколько раз, но ничего не происходило. Когда мне наконец удалось это в первый раз, я покинул своё тело и рывком впрыгнул в него опять. Вы чувствуете, как разрываетесь сзади, пока ваш астрал покидает ваше тело; вы чувствуете, как разрывается ваша спина. Я, должно быть, перепугался и тут же вошёл обратно.

Проделав это однажды, я твёрдо вознамерился научиться делать это правильно. Я продолжил тренировки. Вы должны быть одни в комнате, и вам нужно по-настоящему, по-настоящему

расслабиться, но не до такой степени, чтоб уснуть, так как вы должны оставаться в сознании. И тогда у вас получится выбраться из себя. Поначалу это забавно, так как у вас такое чувство, будто вы падаете. Многие люди ощущали такое, находясь в постели. Вы выходите, ууух, вы ощущаете толчок. Это происходит, когда ваш астрал возвращается в тело, когда вы смотрите сон. Вы спите, и вы на грани того, чтобы покинуть своё тело, и если вы двинетесь, уууф, астрал возвращается с таким вот толчком.

Вскоре всё получилось. Я вышел из своего тела. Это было необычно. Я парил по комнате и смотрел вниз на себя из-под потолка. Я мог покинуть комнату, пройти через стены или выйти сквозь крышу. Звучит безумно, но однажды я даже прошёлся вдоль пляжа.

Вы возвращаетесь обратно. Вы подсоединены к серебряной нити, которая тянет вас назад. Если она оборвётся, можете не вернуться, так что это может быть рискованно. Когда во сне ваш астрал оставляет ваше тело, вся ваша сущность находится в астрале низкого уровня, который дергает за серебряную нить и раздражает вас, отсюда все эти кошмары. Такое может случиться из-за наркотиков или выпивки, да просто из-за всего. Я понимаю, звучит странно, но у меня был такой опыт, и он открыл для меня другой мир.

Не знаю, почему я больше этим не занимаюсь. Я не стал продолжать. Я попробовал ещё пару раз на самом деле: и ничего. Я больше не смог покинуть своё тело. Но тогда мне удавалось это достаточно легко. Я дошёл до того предела, когда мог сделать это без того, чтоб провалиться в сон.

Я всё ещё верю, что можно забраться в нематериальную плоскость бытия. Когда вы умираете, вы можете отправиться туда, или вы можете оглянуться на вашу жизнь по так называемым Хроникам Акаши. Я реально верю, что так и происходит: вы можете проверить, чего вы достигли из того, чего хотели достичь, а если не смогли, то вы можете родиться в другом теле и попробовать снова...

Но вернёмся в реальность, к жизни в большом доме, я пытался его перестроить и переоформить. Я позвонил в одну из компаний и увидел, как вэн с малярами и оформителями появился на длинной подъездной дорожке. Они подъехали к дому, посмотрели на него, развернулись и уехали. Я просто не мог найти людей, которые бы взялись за здание таких размеров, так что я подвизал подрядчиков, занимавшихся школами. Сейчас вы не в состоянии приобрести такую огромную недвижимость, но в те дни она была более доступна. А сейчас это замечательный отель, Килворт Хаус (Kilworth House). Старая комната для снукера стала теперь столовой, а вот оранжерея осталась нетронутой, так как есть только три такие в стране, и существует охранительный закон по ним. Всё что я там делал в то время - выращивал помидоры и некоторые экзотические растения. Но, вполне возможно, что самым экзотическим явлением в том месте тогда был патлатый парень из Аштона, который всего за несколько лет до того делил свою тесную спальню со съёмщиком, явившимся из ниоткуда, где были миллионы ящиков с бобами и телефон, который постоянно исчезал.

33. Один против природы

Второго января 1973-го года мы вылетели в Новую Зеландию на Нгаруавахийский Музыкальный Фестиваль Мира (Ngaruawahia Music Festival Of Peace) около Гамильтон-Сити (Hamilton City), за которым следовали несколько шоу в Австралии. По пути туда самолёт останавливался в Нью-Дели, в чёртовом Сингапуре и везде по дороге и за её пределами, мы должны были сходиться с самолёта, ждать час, садиться опять. Это заняло вечность. Мы напивались в хлам, трезвели, напивались, трезвели...

На этом Нгаруавахийском Фестивале кто-то соорудил гигантский крест и поджог его. Не знаю, зачем это было сделано, но смотрелось хорошо. Что-то ещё вспомнить я не в силах. Дорога запечатлелась в моей памяти, а воспоминания о концерте, должно быть, сгорели вместе с тем крестом.

После Новой Зеландии у нас образовалось окно до первого шоу в Австралии. Патрик Михан предложил: “Давайте воспользуемся перерывом и съездим на Фиджи!”

И мы поехали. Опять же, добираться туда было довольно напряжно, и после того, как мы приземлились, поездка в грязном грузовичке до отеля посреди захолустья стала дьявольской жестью. Это было милое местечко, вблизи такого же милого пляжа, но ночью там была совсем другая жизнь. В этом отеле был бар снаружи. На Фиджи абсолютно не было наркотиков, но напитки лились рекой. Посреди ночи я отправился в свой номер, и там было настолько много всяческих жучков и тараканов, сновавших через тропинку, что проходя по ней ты только и слышал: “хруст, хруст”. Я добрался до комнаты и лёг в постель. Я погасил свет и почувствовал что-то у себя на груди. Я пощупал рукой, а там оказался таракан в три дюйма длиной. Я заорал, включил свет и слышал “кхр, кхр” - все они побежали по каменному полу к стоку из комнаты. Это было омерзительно. В панике я позвонил на рецепцию с криком: “А ну давайте сюда!”

Парень шагнул внутрь, с обычным выражением, и с баллончиком спрея. Он дал мне баллончик и свалил, просто свалил, типа, ну и чего причитать-то?

Я спросил: “И это всё?”

И убить их было невозможно. Они были будто из камня сделаны. Я лупил по ним своей туфлём, и это было вроде... да ничего не было. Все те же “кхр-кхр!” Чёртова армия там их была.

Ужас!

Там же на Фиджи мы в первый и последний раз все вместе играли в гольф. Мы оживленно топали к первой лужайке, когда я увидел прыгающую жабу и подхватил её. Ко мне побежал парень, крича: “Нет, нет, нет!”

Выяснилось, что это была смертельно ядовитая жаба. Вся эта хрень из неё оказалась на моих руках, я в панике рванул в отель и в спешке вымыл руки.

Тем временем Билл наступил на муравейник, и через мгновение все эти муравьи маршировали вверх по его ноге. Они кусали его, так что он пританцовывал над этим местом, восклицая: “Ай, уу, оо, оох!”

Спокойная игра гольф, а я чуть не был насмерть отравлен, то же и с Биллом. После этого мы убрались с поля. Не думаю, что кто-то из нас когда-то добрался до второй лунки.

А вообще, помимо всего этого, на Фиджи было хорошо. Мы плавали на лодке, сидели на пляже, а вечером - в бар, просто делали только то, что обычно делают на отдыхе.

Но нормального сна у меня там так и не было.

34. Колодец пересох

Мы так замечательно провели время, работая над “Volume 4” в Лос-Анджелесе, что решили воссоздать эту атмосферу для того, чтобы приняться за то, что должно было стать нашим следующим альбомом, “Sabbath Bloody Sabbath”. Мы снова отправились в Эл.Эй. и арендовали тот же дом. После того, что мы устроили в первый раз, Джон Дюпон, скорее всего, затребовал целую пачку денег, чтобы пусть нас туда опять. Кроме того, мы вернулись и на Record Plant, но студия изменилась.

“Что стряслось? Она теперь такая маленькая!”

“О, мы тут установили синтезатор Муга для Стиви Уандера (Stevie Wonder).”

“О, нет!”

А дома я пытался выдавить из себя хоть какие-то идеи, но ничего не мог придумать. Не знаю, что это было. Просто ничего не получалось. И тогда я начал паниковать: “О, нет, и что мне теперь делать!” Вплоть до того времени, когда мы должны были податься куда-то для того, чтоб сочинять и репетировать, я чувствовал, что большую часть дня всем до смерти хотелось двинуть в паб вместо того, чтобы работать над песнями. Но дело нужно было делать. Это достаточно просто - сидеть где-нибудь, отпускать шуточки и бухать, но деньги деньги вылетали в трубу просто так, за просиживание в студии, по две штуки в день или сколько там было. Так что меня это реально напрягало.

Сложности начались ещё тогда, когда мы работали над “Volume 4”, потому что к тому времени мы добились определённой репутации. Раньше я мог сказать: “Давайте, нам нужно над этим серьёзно поработать!”

И ребята ко мне прислушивались, так как на меня всегда смотрели, как на лидера команды. Но в лучшем случае я был лидером по необходимости. Это была роль, которая свалилась на меня, потому как если что-то шло не так, мне приходилось быть тем столпом, на которого все опирались, чтоб услышать: “Всё хорошо, всё будет отлично.”

Если бы я сломался, всё разлетелось бы на кусочки. Моя вера в то, что мы делали, и усердие, с которым я не позволял ничему мешать нам, думаю, остальные ребята смотрели на это, как на источник силы. Может это имело отношение к тому, что я был крепче других физически. Если кто-то из нас дрался, то звали меня. Несколько раз так было, как минимум. Однажды вечером когда я вернулся в гостиницу, ко мне подбежал Билл с криками: “О, Боже, ты вернулся! Оззи и Гизер дерутся там наверху, быстрее поднимайся!”

“Вот блядь!”

Я помчался туда, они были пьяны и действительно дрались. Оззи сидел на Гизере, на нем было длинное норковое пальто. Я схватил Оззи за воротник и дёрнул. Следующее, что я помню, как стою с воротником в поднятой руке, в то время как Оззи продолжает колотить Гизера. Нужно было вмешаться и разрулить этот бардак. Я схватил Оззи, он попытался меня ударить, так что я приложился разок ему по челюсти, и он упал. Ощущал я себя жутко, потому что не хотел этого делать. Но меня вынудили занять такую позицию: кто-то должен был всё контролировать, иначе порядка бы не было.

Оззи впоследствии говорил, что чувствовал, будто вокруг меня всегда был какой-то барьер.

Возможно, это из-за того, что я старался не так увлекаться вечеринками. Мы останавливались в паршивых отелях, где сквозь стены было слышно всё. Я частенько слышал, как люди кричат, курят дурь и весело проводят время, но я знал, что если я пойду и присоединюсь к ним, мы будем в одной лодке, поэтому я не делал этого. Кто-то должен был оставаться в своём уме, если что-то пойдёт не так. Если бы я был таким же, как все, никто не стал бы меня слушаться. Мне кажется, что нужно сохранять определённую отчуждённость. Это немного похоже на управляющего офисом: когда у людей проблемы, они идут к нему в кабинет. С Black Sabbath было примерно то же, на самом деле. Я этого не желал, то так всё и было. Не могу сказать, что я сохранял ответственность постоянно на

должном уровне, я определённо принимал участие в глупостях, и в своём маленьком мирке я был таким же оборотом, как и Оззи, но я не мог выпустить эту свою сущность на волю полностью. Я думаю, много лет Оззи побаивался меня, и если я говорил: “Мы должны сделать то-то и то-то”, он слушался. Опять же, я становился надсмотрщиком, чего я не хотел. Но кто-то должен был быть им. Конечной целью было функционировать, поставить группу на ноги и работать, с как можно меньшими отступлениями от курса. Если кто-нибудь начинал: “Я сегодня не буду играть, я устал”, кто-то должен был говорить: “Насрать, ты должен играть!”

Быть в группе не всегда весело, это чертовски тяжело. Думаю, необходимо принимать то, что всё в жизни имеет свою ценность для тебя, неважно, насколько плохо может приходиться. У меня есть склонность с боем продираться через множество вещей, так что мне трудно понять, почему другие не могут того же. Я не жду, что мои проблемы решатся способом: “Приму-ка я одну из этих таблеток, и всё будет зашибись.”

Это как с сеансами реабилитации. Никогда не ходил ни на один из них. Я просто считаю, что это всё отговорки, сходить на сеанс, выйти и сказать: “А, я излечился.”

Оззи ходил в клинику Бетти Форд (Betty Ford Clinic), и они заставляли его драить полы. Как это может излечить его? Этим вы можете заняться и дома! Я уверен что большая часть этого идёт от тебя; ты можешь контролировать это до определённой степени. Как у меня было, на определённом этапе я принимал много кокаина. Я мог сказать: “Пойду, пройду реабилитацию”, но я этого не сделал. Я остановился самостоятельно.

Для такого необходима определённая решительность, и это то, что у меня действительно есть. Так я воспитан. Мать и отец всегда выговаривали мне: “О, ты никогда не сделаешь что-нибудь стоящее.” И другие родственники поддакивали: “Почему бы тебе не найти подходящую работу, как у твоего кузена!”

Из-за этого всего я был твёрдо настроен добиться чего-то, неважно что стоит у меня на пути, только бы доказать им, что я на что-то способен. Это придавало мне решительности для того, чтоб бороться. Вроде того, что случилось, когда я обрезал себе пальцы и мне говорили, что я никогда больше не смогу играть. Я не мог этого принять.

Уверен, это на самом деле помогло Black Sabbath. Я был движущей силой коллектива, я организовывал репетиции и заставлял их подниматься со своих задниц, чтобы делать всё, что необходимо для достижения всего, чего они хотели достичь. Я видел, что кто-то должен держать всё в руках. Нельзя взяться делать что-то в стиле шалтай-болтай и ожидать, что всё придёт просто так. Но по мере того, как росла наша популярность, я всё реже и реже занимал такую позицию, о которой можно было бы говорить, будто я брал вожжи в свои руки. И так как больше не кому было, то всё просто вышло из под контроля. Если мы работали в студии, а они решали сходить в паб, то они шли в паб. Если был какой-нибудь кусок композиции, над которым я пытался поразмыслить хотя бы, скажем, пятнадцать минут, они теряли терпение и говорили друг другу: “О... может сходим тяпнем?” Остаток дня был убит, а на следующий день повторялось то же самое, и так пока у меня не появлялся материал, над которым можно было работать. Становилось всё тяжелее и тяжелее. Если у вас нет кого-то, из кого сыпятся идеи, ситуация становится почти невыносимой, а у меня больше ничего не выходило. На раннем этапе, когда мы джемовали, у меня шли риффы, и тогда всех переполнял энтузиазм, все вносили свою лепту. Теперь мы достигли той точки, когда “О, надо делать новый

альбом”, но никто не был достаточно мотивирован, чтобы сделать это.

Моя роль была в том, чтобы придумывать музыку, риффы. Это, возможно, сдерживало других в написании собственной музыки. А если из нас ничего не выходило, мы ничего не делали. Я ощущал давление, но у меня всегда был способен справиться с ним. Однако, оно прижало меня, когда нам было необходимо делать “Sabbath Bloody Sabbath”. Мы все возвращались в Бел-Эйр, садились в холле в доме Джона Дюпона. Все смотрели на меня, а я абсолютно не мог настроиться на волну. Всё стало по-другому. Я перестал функционировать. У меня был творческий кризис, и я ни о чём не мог думать.

Мы положили этому конец и собрали вещички. Мы вернулись в Англию в полной депрессии.

Остальные трое думали, что теперь всему конец. Я помню, как Гизер и Оззи говорили в таком ключе, будто всё закончилось. Я был в панике. Я думал, чёрт меня раздери, больше ничего уже не будет.

Боже мой, я всё потерял!

Через пару недель мы сняли замок Clearwell в Глостершире в надежде вновь найти нужные вибрации и снова писать. Мы просто искали чего-то другого. Всё в этом месте казалось зловещим, особенно подполья. Внизу вас охватывала дрожь. Там было просторное помещение с вооружением, другая комната - с чем то еще, и холл. Мы установили там свою аппаратуру в попытке ощутить вибрации. И мы определённо их нащупали: я шёл по длинному коридору с Гизером, и тут мы увидели, как некто двигается в нашу сторону.

“Кто это?”

“Не знаю.”

Мы понятия не имели, кто бы это мог быть, потому что арендовали весь замок. Мы видели, как этот парень приближается, просто чёрная фигура, и он зашёл в оружейную. Мы посмотрели друг на друга, проследовали за ним в оружейную и... ничего! Комната была пуста, только большой стол с вооружением, мечи и щиты развешаны по стенам. И всё. Других дверей не было. Это поставило нас в тупик: “Что с ним случилось? Куда он исчез? Адское пекло, это по-настоящему странно!”

Мы всё обсмотрели, но не было ни люка, ни чего-нибудь ещё. И под столом он не мог спрятаться, мы бы заметили. Мы связались с женщиной, владевшей замком, и она спросила: “О, это был парень в шляпе?”

Я ответил: “Ну, мы видели только приближающуюся фигуру.”

“А, так-то и так-то, это было замковое приведение. Вы можете время от времени встретить эту персону.”

Будто речь шла о самой обычной вещи в мире. Чёрт побери. Но больше мы его не видели.

Примерно в то же самое время, когда мы видели приведение, Оззи заснул в холле, где имелся огромный очаг. Он закинул угля и развел довольно большое пламя, но один кусочек угля выпал на коврик, отчего тот загорелся. Мы вошли, искры шли уже по дивану, Оззи мог сгореть заживо. Есть у него привычка такая, устроить большой огонь чуть не до потолка. Такое же случалось и в его доме. Он разводил огонь в камине, и приходилось вызывать пожарную бригаду, так как дом начинал уже гореть. На этот раз, если бы мы немного задержались, Оззи сам мог стать приведением.

После того, как остальным было поведано о приведении, мы начали пугать друг друга. Наш роуди Люк поселился в одной из комнат. Там была большая кровать и красивые шторы, и ещё там была модель большого корабля над очагом. Я взял леску, пропустил под коврами и прикрепил к леске

шторы и корабль. Затем я закрепил лесы снаружи и прикрыл ковром. Я подождал, пока Люк не уляжется в постель, и начал потихоньку дёргать корабль. Потом шторы. И услышал, как он зашёлся: “Что! Кто там? Кто это?”

Он был абсолютно поражён и вылетел из комнаты. А там был я, держался за леску.

“О!”

Женщина, владелица замка, сказала Биллу: “Вы можете чувствовать что-то странное иногда, так как в этой комнате есть что-то забавное.”

Билл поинтересовался: “Ааа, ооо, а что?”

Она ответила: “Ну, много лет назад...”

И рассказала историю об одной служанке, которая там жила и имела ребёнка от хозяина. Она взяла ребёнка и выскочила из окна, разбившись насмерть. Это произошло в комнате Билла, и иногда можно увидеть, как эта женщина разбегается по комнате и прыгает в окно. Билл настолько перепугался, что припрятал большой кинжал на своей стороне кровати.

Я спросил: “И что ты намереваешься делать этой штукой?”

“Если это приведение...”

“Билл, это призрак. Каким образом ты собираешься зарезать призрака? Господи помилуй!”

Гизеру поначалу это понравилось. Он поселился в комнате, в которую, как предполагалось, посещают приведения, в надежде что-то обнаружить. Но к концу дня никто уже не знал, есть ли там что-то или это кто-то прикалывается, и больше никто из нас не желал там оставаться. Я думал, грёбанный ад: мы сняли это место в глуши, чтобы начать писать, но все настолько запугали друг друга, что среди ночи уехали домой!

Но тамошняя атмосфера позволила мне выбраться из творческого кризиса. Как только мы принялись работать, первой у меня появилась песня “Sabbath Bloody Sabbath”. В первый же день, бац. И я воскликнул: “Чёрт побери!”

35. Суббота, чёртова суббота

Мы записали “Sabbath Bloody Sabbath” в Уиллесдене (Willesden) на севере Лондона и сами же его продюсировали. Надпись “под руководством Патрика Михана” снова появилась на обложке. Это “руководство” мы чувствовали меньше, чем когда-либо, так как Михан всё больше и больше расширял свой бизнес, и мы, наверное, не получали того внимания, которое было необходимо. Это начиналось постепенно, но первые трещины в наших отношениях уже образовались. Я на самом деле упорно трудился над этим альбомом. Я перепробовал множество всего. Я буквально не вылезал студии, работая над звуками. Опять же, всё приходилось делать самостоятельно, что отнимало достаточно много времени. Сейчас, с компьютерами, это как “бац, хорошо, следующее”.

Рифф из “Sabbath Bloody Sabbath” - квинтэссенция всего альбома. Это тяжёлый рифф, после которого песня переходит в лёгкую часть в середине, а затем возвращается опять к риффу: свет и тень. Я всегда любил подобное сочетание. Оззи там пел хорошо, как и во всех песнях альбома вообще-то. Очень высоко!

Гизер написал слова к песне со строчками вроде: “гонка завершена, книга прочитана, конец уже виден, суббота, чёртова суббота, заняться больше нечем.” Не знаю, что его вдохновило так написать, но, возможно, это о том, как он думал, что всё кончено во время нашего творческого кризиса. И после этой песни остальные последовали без особых проблем. Остальные ребята тоже приносили

идеи. Оззи купил синтезатор Муга. Они считались непревзойдёнными, но Оззи не очень-то понимал, как такая штука работает на самом деле. Не знаю, кто вообще мог в ней разобраться, это слишком сложно для меня. Но он нашёл там один звук и придумал “Who Are You?”. Получилось весьма неплохо. Я добавил в середину немного пианино. А рифф, открывающий “A National Acrobat”, написан Гизером, и я добавил ещё свой кусок. Гизер может писать отличный материал. Он прямо прёт из него. Просто это был, наверное, первый раз, когда он попал на альбом.

Рик Уэйкман играл в композиции “Sabra Cadabra”. Он отказывался брать что-то за работу в ней, так что мы ему отплатили пивом. С ним всегда было над чем посмеяться. В финале пени Оззи говорит что-то вроде “надавай ей по жопе” и тому подобное, просто шутки ради. Никто не собирался оставлять такое на альбоме, так как планировалось завершить трек задолго до того, как Оззи принялся разглагольствовать и нести всякий бред, но, из-за того, что Рик продолжал играть, мы не останавливали запись. Потом мы подумали, что нас распнут за альбом со всем этим, так что мы наложили фазер, и стало нельзя разобрать, что он там плетёт. Но там осталась вся эта ненормативная лексика, просто немного закамуфлированная.

Если не брать во внимание сингл “Paranoid”, мы мы не часто могли пробиться в радио-эфир. Один из немногих шансов дал нам Алан Фриман (Alan Freeman), диджей BBC, у которого было прозвище “Пушок” (Fluff). Мы ему нравились, и он использовал мелодию из “Laguna Sunrise” в качестве заставки для своей программы, “The Saturday Rock Show”. Поэтому, когда я придумал очередной спокойный инструментал, я решил, ну, назову эту вещь “Fluff”, в честь него.

В “Spiral Architect” мы снова использовали струнные в аранжировке Уилла Малоуна (Will Malone). У Уила было интересное, но странное мышление. Опять была целая куча серьёзных людей, пришедших играть на этих струнных. Я так и не сыграл на волынке в этой песня, хотя пытался. Просто мне на минутку показалось, что у меня получится, я выслал одного из членов нашей команд приобрести таковую в шотландском магазинчике. Я взялся дуть, безрезультатно. Это повторялось снова и снова; вышло настоящее разбазаривание студийного времени. Я расстроился: “Отнесите её обратно в магазин, скажите, что она ни черта не работает!”

Он снёс её назад, парень в магазине поиграл на ней и сказал: “Да ничего такого с ней.”

Я подумал, о, нет. Затем я подсоединил трубки к пылесосу, чтобы посмотреть, можно ли наполнить мешок воздухом, а я только играть буду. Но, естественно, единственным звуком, который удалось получить, был “Вииниууууу”, из пылесоса. Я целую вечность истратил на попытки, но всё, что я смог извлечь, это что-то, напоминающее стон умирающей кошки: “Вииниуувииниууу”. В общем я это занятие прекратил и сдался. Конечно же, мы могли пригласить какого-нибудь шотландца, но мы всегда старались делать такие вещи сами. Вначале, когда мы с Гизером хотели струнные, мы подумали, что сыграем на них сами, наложим инструменты и соорудим оркестр. Мы взяли скрипку и виолончель, звучало всё стрёмно: “Вуууухууу, йеееееее.” В голове я слышал, что должно получиться, но в наших руках такое не выходило.” Мы пытались до тех пор, пока не сказали: “А, блядь, придётся оркестр сюда приглашать всё-же!”

То же было и с ситаром. На нём я тоже не смог заиграть. У меня были такие клёвые идеи, но они никогда не воплотились в реальность. Ситар тот у меня до сих пор где-то валяется. А вот от волынки я избавился.

Завершается альбом звуком аплодисментов. Наш инженер врубил их на этом месте, и мы подумали,

о, прикольно, так они там и остались. Временами такие небольшие детали срабатывали, а временами нет. На одном из ранних альбомов, когда мы работали с Томом Алломом в качестве инженера, мы полтора часа потеряли, маршируя вверх и вниз по лестнице, напевая: “Пам-пом, пам-пом, на работу мы идём” (“Hi ho, hi ho, it’s off to work we go”). Мы проделывали путь в полных три пролета лестницы, внизу находился микрофон, так что звук, исходящий от нас, становился всё громче и громче. А Том продолжал: “Нет, нет, возвращайтесь, давайте ещё раз.”

К концу мы уже до смерти устали, но продолжали “Пам-пом, пам-пом.”

Идея была спуститься вниз, поколотить по двери и, “дум-дум-дум-дум”, перейти к треку. Идея казалась неплохой, пока мы не попробовали, звучало отстойно. Так что мы на эту идею забили.

На обложку поместили отличные работы Дрю Струзана (Drew Struzan), добрую на одну сторону и зловещую - на другую. На развороте - фотография группы в антураже, который должен был выглядеть, как древняя комната, это если не принимать во внимание трёхфазную розетку на стене. Она как-то портит всё немного.

Даже сегодня, я нахожу, что музыка, в сравнении с предыдущими записями, была более классной, лучше аранжированной, более яркой, если хотите, и более смелой. Это был прыжок вперёд. Мы использовали струнные и бог знает что ещё; мы по-настоящему раздвинули горизонты. Вот почему для меня альбом “Sabbath Bloody Sabbath” стал кульминационной точкой. А следующей стал “Heaven And Hell”, где нам удалось создать такую же атмосферу, по моим ощущениям.

36. Джем в Калифорнии

1973 год мы завершили парой концертов в декабре. После рождественского перерыва мы несколько раз выступили в Европе и вылетели в Америку, где на февраль было запланировано множество шоу. Когда мы отправлялись в Штаты, то часто оказывались в обойме с теми же командами. Кажется, что у нас в поддержке постоянно были Эдгар Уинтер (Edgar Winter), Джонни Уинтер (Johnny Winter), Brownsville Station или Black Oak Arkansas. Было примерно так: “Что? Black Oak Arkansas? О, нет! Опять?”

После Америки мы вернулись домой передохнуть. На очереди был фестиваль “California Jam” 6 апреля 1974-го года на автодроме Ontario Motor Speedway, под Лос-Анджелесом. Мы собирались порепетировать перед выступлением, поэтому сначала послали туда Спока (Spock) и остальную команду. Но потом начался этот грандиозный раздрай между Deep Purple и ELP по поводу того, кто будет закрывать представление. Они пытались и нас втянуть в свои разборки. Мы решили, что лучше в стороне останемся, там до взрыва было недалеко. Purple хотели быть хедлайнерами, ELP тоже, поэтому Патрик Михан на каком-то этапе сказал: “Мы не поедem, всё отменяется.”

Мы согласились: “Не хотим быть втянутыми в такое, снимаем свою кандидатуру.”

Затем позвонил Спок где-то так около четырёх утра: “Вы должны приехать! Все хотят вас увидеть! Поднимется невероятный лай, если вы не появитесь!”

Я обзвонил ребят: “Придётся ехать, на вылет!”

Они решили, я шучу: “О, ха-ха-ха!”

“Серьёзно. Мы должны ехать. Я слышал от Спока, что...”

Мы успели на рейс в последнюю минуту. Мы прилетели туда и сказали себе: “Да плевать. Мы просто выйдем, и всё, будь что будет.”

Так мы и поступили. Мы вышли, а ELP закрывали шоу. Было странно: в какой-то момент ты дома, в

постели, а в следующий - уже летишь на концерт. Мы не играли пять или шесть недель, не репетировали: все же отменилось, так что всё делалось немного неуклюже.

В определённых ситуациях у всех у нас бывает страх сцены. Зависит от обстоятельств. Первое выступление в туре - это всегда: “Уууух!” На втором ты уже более расслаблен. А вот это было из тех, когда всё идёт наперекосяк. Бывают также выступления, куда приходят все, кого ты знаешь, как в лондонском “Hammersmith Odeon”, лос-анджелесском “Forum” или нью-йоркском “Madison Square Garden”. Там все твои друзья и пресса, и ты волнуешься: “Вот блядь, все сегодня тут. Если что пойдет не так... Буду счастлив, когда всё закончится!”

Это как когда вы концерт пишете. Девять раз из десяти, когда вы думаете о том, что идёт запись, вы ошибаетесь. Вы ощущаете нервозность. На обычных концертах вас такое не заботит, вы просто выходите и играете, это становится вашей второй сущностью. Но “California Jam”, то, с какими странностями мы там оказались, и сотни тысяч зрителей, это была та ещё нервотрёпка. И всё это к тому же транслировалось по телевидению, отчего воспринималось ещё более устрашающе. Но боязнь сцены длится недолго. Мы вышли на сцену, отыграли, и всё было в порядке.

А сам концерт удался. Просто был шок от всего этого поначалу. Но, я думаю, всё получилось. После “California Jam” мы отправились в турне по Британии в мае и июне, и устроили перерыв в разъездах до ноября, когда с примерно восьми австралийских шоу начался тур в поддержку “Sabbath Bloody Sabbath”. Сопровождали нас AC/DC. Тогда я с ними так толком и не познакомился, но мы определенно узнали друг друга ближе пару лет спустя, когда они открывали нас во время турне по Европе весной 1977-го года. Мы хорошо сошлись с Боном Скоттом (Bon Scott), но, кажется, там были некоторые трения между группами в разгаре тура. Что-то серьёзное произошло у Гизера и Малькольма Янга (Malcolm Young). Они были в баре, вусмерть пьяные, началась перепалка, и кто-то выхватил нож. Думаю, это был Малькольм, он вытащил нож. Сомневаюсь, что это был Гизер, хотя могло быть и так.

Тур мы начинали в Сиднее, и промоутер пригласил нас в невероятно роскошный ресторан. Они закрыли его специально для нас, так что мы были там одни. Мы ели всю эту изысканную еду, используя красивые серебряные приборы и всё такое, а потом кто-то в кого-то щелчком запустил горошиной.

А тот запустил в ответ.

Потом в ход пошло что-то ещё, картошка...

И закончилось всё просто смехотворно. Весь ужин состоял из летающей всячины. Каждый выкрикивал заказ: “Можно мне ещё салата? И побольше масла и уксуса.”

Бабах, по чьей-то голове.

Конечно, Билл, которому всегда доставалось больше других в этом плане, был весь покрыт всякой снедью: тортом, оливковым маслом, соусом и шоколадом по всему лицу и одежде. Он был в полном беспорядке. Мы все неважно выглядели. На Оззи были жёлтые брюки, мы уцепились за них, и хряц, штанины порвались, так как он как раз находился в прыжке. Хозяин ресторана был в ауте. Один из ребят подошёл к нему и сказал: “Они обо всём позаботятся.”

Он вручил ему пачку денег. И хозяин вдруг пришёл в себя: “А, ну продолжайте, продолжайте!” Тогда официантов стали привлекать ещё чаще: “Давай, подай мне большой кремный торт под стол!”

А потом: “Агааа, бабах!”

После этого мы вернулись в отель. Выглядели мы ужасно. Картина маслом. С выпивкой и со всей фигнёй, я уж подумал, нас не впустят в гостиницу. Мы подошли к рецепции, дверь открылась, зазвенел звоночек. Мы попали в толпу людей в костюмах и бабочках, одетых как на бал, так у них челюсти поотвисали. Естественно, прибежала охрана, и мы такие: “Всё в порядке, мы постояльцы!” Спорю, что тот промоутер с тех пор не так много ещё людей пригласил. Нас, по крайней мере, точно не приглашал.

37. Куда подевались все деньги?

Мы спрашивали друг друга: “Кто-то понимает, что происходит? Кто-нибудь просматривал счета?” Никто из нас не знал, как много у нас денег, так как в случае, когда вам чего-то хотелось, у вас это появлялось. Мы звонили Михану, и, сколько бы денег не потребовалось, мы слышали: “Хорошо, я организую.”

Иногда Михан присылал чек, и парень в банке говорил: “Чек не принят.”

“Как это?”

И я звонил ему.

“О, я выпишу другой. Сходи туда ещё раз, всё будет в порядке.”

Он был очень осторожен. В его карманах всегда были пачки наличных, он никогда не пользовался кредиткой, думаю, чтобы не оставлять записей о тратах. Так вот он работал. Мы задались вопросом, почему нельзя положить все деньги на наши банковские счета, так, чтоб мы знали, сколько у нас денег, и исходили из этого? Однажды мы отправились на встречу в офис, и Михан сказал: “Вот ваши бухгалтера. Они будут присматривать за всеми вашими делами. С ними и разговаривайте. Со мной не надо, говорите с ними.”

И все наши деньги перешли в распоряжение бухгалтеров, так что они никогда не появлялись у нас напрямую. Мы встречались с ними, и нам говорилось: “Вы не можете взять всё, что зарабатываете, и положить в банк. Кое-что из этого мы хотим разместить на счетах в Джерси, из-за налогов...”

Мы ответили: “А, ну...” Мы ничего не знали об этой стороне дела, всё это казалось за гранью понимания. Когда кто-нибудь из крупной бухгалтерской фирмы рассказывает, что он собирается сделать с твоими деньгами, ты соглашаешься с этим. Позже мы обнаружили, что они также работали и на Михана.

А потом, когда мы узнали, что наши контракты по поводу управления Миханом не подписаны, только нами, стало ещё хуже. Этим он и поймал нас в эту ловушку, провернув трюк в первые же дни. Мы были настолько легковёрны по поводу всего. Всё, чего мы хотели - это играть, ездить с концертами, добраться до Америки и всё такое. Вот почему, поначалу мы не спрашивали Михана, каким образом ведутся дела. И, конечно же, большую часть времени мы проводили в дороге, так что для нас это не было делом первой необходимости. Лишь когда мы получали очередную передышку, начиналось: “Хочу новый дом купить”, или что бы то ни было. Или он нам: “Я послал ещё десять штук”, и всё устраивалось.

Перемены мы стали замечать уже в офисе. Когда мы только привлекли Патрика Михана, был только он сам. А потом у него появилось больше денег, и он стал покупать компании вроде “NEMS”, принадлежавшей когда-то Beatles, лейбла Брайана Эпстайна (Brian Epstein). Кроме того он занялся Дэвидом Хэммингсом (David Hemmings), актёром, известным по фильму “Фотоувеличение” (“Blow-

Up”), и компанией, названной “Hemdale”. Так что Михан ещё и кино делал. Однажды он сообщил мне: “У меня сегодня прослушивание. Там будет уйма женщин.”

Я спустился по лестнице и увидел целую очередь роскошных женщин перед офисом.

Кроме того, он вложился в строительную компанию, жилищное хозяйство и всё такое. Естественно, когда мы покупали дома, мы делали это через эту компанию. Михан принимал участие в таком количестве делишек, что я вам даже рассказать не смогу. Он даже купил скаковую лошадь по кличке Black Sabbath и гоночный болид. Мы видели, как он летает на частных самолетах, и у него всегда был Роллс-Ройс последней модели. То же могло быть и у нас, возникни такое желание, так что мы не возражали.

Нам сказали, что “все деньги хранились в “London & County Bank”, который к концу одного дня прогорел.

И деньги наши по всей видимости пропали.

Мы начали всерьёз призадумываться, когда увидели, что в дела Михана и NEMS была вовлечена целая куча довольно отталкивающих по нашему мнению личностей. С нами эти люди вели себя достаточно прилично, но это начало раздражать. Полагаю, что Дэвид Фрост (David Frost), хорошо известный телевизионный персонаж, был его клиентом, и Дэйв Хэммингс тоже.

В конце концов, когда мы отправились в турне по Европе, один из них поехал с нами. Звали его Уилли (Willy). Может он должен был смотреть, чтоб с нами ничего не случилось, или узнать, вдруг мы что-то задумаем, шпионить за толпой, чтобы они там не собирались делать. Это было немного стрёмно, особенно когда один из фанов попытался приблизиться к нам, а Уилли вытащил свою пушку. Очень грустно вышло.

Мы понятия не имели, в чём дело.

Тот факт, что Михан пускался в такие рискованные авантюры, как будто нет завтрашнего дня, тоже не обнадеживал. Когда с нами в Америку поехали Yes, мы играли в Лас-Вегасе. Ситуация была запутана до предела. Мы думали, грёбанный ад, что происходит вообще? Как мы будем с этим бороться?

Мы были недовольны положением дел, так что нужно было что-нибудь предпринимать. В конце концов мы решили отказаться от услуг Михана. Что удивительно, поначалу казалось, что он отнёсся к этому нормально. Я думал, он выжал из нас всё, что мог, и был рад отпустить нас. Так много вещей произошло, о которых мы даже не подозревали, именно поэтому, я полагаю, мы почувствовали, что нас поимели. Мы подали в суд на Михана, но когда дело дошло до разбирательства, то, я никогда так и не смог понять, по какой причине, даже ноги нашей в суде не было. Вместо этого он подал встречный иск и выиграл. У меня такое ощущение, что с тех пор, как мы добились успеха, мы всё время таскались по судам. Джим Симпсон подал на нас в суд, когда мы ушли от него, и это дело растянулось на целую вечность. Дело Симпсона только-только было улажено к тому времени, как мы порвали с Миханом, и Симпсону было присуждено около 35 000 фунтов, которые мы должны были выплатить ему. Он также подал иск на Михана, который должен был отдать ему такую же сумму. Чересчур много для старого менеджмента, а как же с новым? Стало сложно доверять кому-то. У нас были предложения по менеджменту, но как можно было быть уверенным, что они честные. В те времена не было адвокатов по музыкальному бизнесу, к которым можно было бы обратиться за советом, людей, которые знали бы эту сферу и которые могли бы просмотреть контракты.

Множество бумаг, которые мы тогда подписывали, изобиловали всяческими лазейками. Мы решили, что единственный способ - это заниматься всем самим, к тому же у нас был Марк Фостер (Mark Foster), уже работавший с нами, занимавшийся повседневной рутинной. Мы просто наняли другого бухгалтера, обзавелись всякой такой хренью и начали заново. Мы ходили на встречи всей группой, но вскоре это уже было слишком для нас. Мы говорили друг другу: “Слушай, мы же не люди бизнеса, как мы будем заниматься этим? Мы представления не имеем, как тут всё устроено и как оно работает. Мы - музыканты, и чем мы сейчас пытаемся заниматься?”

Мы встречались с адвокатами и бухгалтерами. Было скучнее некуда, так как мы были совершенно не в теме. Через пять минут Оззи уже засыпал или вставал и начинал ходить кругами, потом выходил, заходил снова и выдавал: “Мы есть собираемся или как?”

“Нам завершить встречу, что ли?”

“Ааа, эээ...”

“Усядься.”

“Ладно.”

Он ненадолго усаживался, а потом опять начинал ёрзать и задавать вопросы: “Ну что, как? Мы закончили уже?”

Мистер Непоседа. Было тяжело. Но вариантов у нас не было. Это было единственное, что мы могли поделать.

38. Всё саботируется!

В начале 1975-го года мы собрались вместе, чтобы написать и отрепетировать материал для будущего альбома “Sabotage”. Работа над этим альбомом заняла много времени, так как мы день находились в студии, а следующий проводили в суде или на совещании с адвокатами. Судебное предписание обязывало появляться в суде, а повестки нам вручали даже, когда мы были в студии. Это отвлекало. У меня было такое чувство, что нас саботировали на протяжении всей работы, мы получали пинки со всех сторон. У нас постоянно была какая-нибудь проблема, то с менеджментом, то ещё с кем-то. Это сплотило команду в одно целое, потому что ситуация была, когда мы против них. Мы пытались делать музыку, было тяжело создавать что-то в таких условиях, вплоть до того, что мы написали об этом песню, которая в какой-то степени отражает ту ситуацию. Вот почему один из треков на альбоме, озаглавленном “Sabotage”, называется “Writ” (“Повестка”).

Помимо судебных преследований у нас были ещё и технические проблемы в студии. Мы с трудом записывали “Thrill Of It All”, завершив в конце концов мучения после бесконечного количества дублей. Вскоре после этого мы направились в бар через дорогу поиграть в дартс, когда пришёл Дэйв Харрис (Dave Harris), один из парней, занимавшихся плёнками, и сказал: “У нас проблема.”

Я спросил: “Какая?”

Он ответил: “Один из техников делал измерительные фонограммы, и записал их на мастер-запись.”

“Ты шутишь!”

“Нет, это правда!”

Их работа заключалась в том, чтобы наложить серию эталонных звуков, в основном набор сигналов от самого высокого к самому низкому, на мастер-плёнку, чтобы она была размечена и готова к нашему использованию. Так работали в те дни: отстраивали головки и всё такое, для уверенности, что всё будет как надо. Он заряжал такую пленку в аппарат и давал отмашку: “Всё отлично, можете

работать.”

Но по ошибке он наложил эти сигналы на мастер-плёнку с “Thrill It All”. Мы слушаем запись песни, и тут вдруг: “Ду-ду-ду-ду.”

Запортил он достаточно, так что нужно было переписывать композицию заново. Это было суровое испытание. Дэйва мы не убили, конечно, но сделали намёк на его проёб на обложке альбома:

“Инженер записи и саботажник - Дэйв Харрис” (David Harris – tape operator and saboteur).

Продюсировали “Sabotage” мы своими силами. Группа большую часть времени пропадала где-то, так что в основном эта ноша досталась мне и звукоинженеру. Я всё больше и больше влезал в производственную сторону, но всё не выглядело так, будто я сидел и указывал остальным парням, что делать, так как они знали, что играть, они просто накладывали на запись свои партии. Но я провёл в студии намного больше времени, так как когда дело доходило до записи гитарных кусков или сведения, это занимало больше времени, и я там находился дольше, чем они. Я сильно не жаловался. Я мог там просидеть до смерти.

На “Sabotage” была парочка необычных треков, вроде “Symptom Of The Universe”. Её описывали как первую песню в стиле progressive metal, и я не буду спорить с этим. Она начинается с акустической части, а затем переходит в высокий темп, чтобы набрать динамики, в ней много переходов, включая джем в финале. Последний был придуман прямо в студии. Мы отыграли трек, и после этого принялись просто джемовать. Я начал играть тот рифф, остальные подхватили, мы не переставали играть, пока не отключили запись. Потом я наложил туда акустическую гитару. Несколько вещей, которые мы записали, родились из джемов вроде этого. Мы продолжали играть, и финал песни иногда получался длиннее самой песни. Но многие наши треки получались продолжительными и без этого. Например, “Megalomania”: она тянется и тянется, пока постепенно не стихает звук. Временами вещи были в два раза длиннее, чем то, что вы слышите на альбоме, мы просто вынуждены были выкручивать громкость вниз.

Композицию “Supertzar” я написал дома на меллотроне, со звуками хора. Я добавил тяжёлую гитару и хорошенько всё замешал. Я подумал, хорошо бы попробовать это в студии, но будет круто, если можно будет использовать настоящий хор. И я заказал хор Лондонской Филармонии. Они пришли и готовы были приступить к делу что-то около девяти утра. Оззи об этом ничего не знал. Он зашёл, увидел весь этот народ и вышел.

“Блядь, ошибся студией!”

А потом пришёл опять и начал: “Чего происходит-то, что это за люди?”

“Мы просто пытаемся номер сделать.”

“Ааа... о как.”

Подошла женщина с арфой, у меня была дома арфа, но всё, что я мог на ней сыграть, это “динг, донг”. Она спросила: “Что вы хотите услышать?”

“Ну, что-то типа “динг, донг”. Ну вот то, что я играю.”

Она ответили: “А, что-то вроде этого...”

И её пальца пробежались по струнам.

“Да! Точно!”

Я чувствовал себя идиотом. Что я делаю, прошу её сыграть “динг, донг”? Но в моём багаже такого ещё никогда не было: тяжёлая гитара с хором и арфой. Для меня это был вызов. Я размышлял: хор в

пятьдесят голосов и арфа, хорошо бы, чтоб сработало. Но мы это сделали, и звучало всё очень своеобразно и круто.

Обложка “Sabotage” была, пожалуй, одним из самых стыдобных моментов. Мы там позируем у зеркала, которое отражает другую сторону. Мы собирались на фото-сессию и Билл сказал: “Не знаю, что надеть.”

Повернулся к жене и: “Можно одолжить у тебя эти колготки?”

И он напялил на себя её колготки, а под низом оставил клетчатое бельё, которое просвечивалось наружу. Всё в духе Билла. Оззи ненамного отстал, одевшись во что-то вроде японского траурного женского платья. Я даже слышал, когда это описывалось, как “мужик в кимоно”. Такая безвкусица, мы там все настолько по-разному одеты. Грёбанный ад, огребли неприятностей на годы вперёд, оставив всё как есть.

Звук на “Sabotage” немного тяжелее, чем на “Sabbath Bloody Sabbath”, и гитара моя тоже звучит жёстче. Всё это идет от раздражителей в виде положения дел, менеджмента, адвокатов, судебных предписаний. Сделан “Sabotage” был хорошо, но продавался не так споро, как наши предыдущие альбомы. Такое случается с каждым: вы не можете карабкаться и карабкаться вверх, случаются взлёты, случаются падения. Приходят новые люди и другая музыка совершает переворот. Вкусы людей непостоянны, они меняются. А мы всё ещё барахтаемся, занимаемся тем, чем занимались. Несмотря на всё, нам очень повезло с фанами, так как они остаются весьма лояльными. Был у нас период, определённо во времена “Paranoid”, когда мы привлекали внимание толпы тинейджеров, а это совсем не наш тип аудитории. Но они падки на всё, что проходит в Топ-10. Мы в такое не желали втягиваться, потому что это не для нас. Мы рядом не стояли с образом смазливых мальчиков, для нас музыка там была чересчур прилизанна. Вот одна из причин, почему наши альбомы продолжают продаваться все эти годы. Я не могу поверить, что это так, это феноменально. Должно быть, появляются новые детишки и покупают их.

39. Здравяк в пивнушке

Мой старинный кореш Альберт Чапмен работал менеджером, вышибалой и кем только ни было ещё в одном бирмингемском клубе. Я спросил: “Как ты относишься к тому, чтобы съездить с нами в Австралию и немного поработать?”

Он ответил: “О, да с удовольствием!”

Было это в ноябре 1974-го. После поездки на другой край мира он остался с нами на тур в поддержку “Sabotage” 1975-го года, и летом мы оказались в Америке. На парочке вечеров на разогреве у нас были Kiss. На их шоу было реально интересно посмотреть. Я поверить не мог в то, что творится, все эти наряды, макияж, выдыхание огня, фейерверки, струящиеся с головок на грифах гитар и Бог знает что ещё. Никогда не видел ничего подобного.

Поначалу мы с Kiss не ладили. Мы даже заменили первую букву в их названии с “К” на “Р”. Мы собственно даже не знали, что за ребята играют в Kiss, так как никогда не видели их без грима. Они приехали в аэропорт одновременно с нами, в ожидании вылета, компания парней, длинноволосых, все в пятнах каких-то, наверное из-за макияжа, и кто-то начал: “Ага, спорю, это они и есть!”

Время шло, мы познакомились с ними и неплохо сошлись. Много лет назад в Америке я вместе с Джином Симмонсом (Gene Simmons) принял участие в передаче “Rock School” на телевидении. Они записывали её здесь, в Англии, и идея была в том, чтобы учить детишек играть. Он сделал целую

серию таких. Он ничего. Но каждый раз, когда я с ним встречаюсь, получаю еще и порцию соли. Он рассказывает мне, сколько денег он заработал, как заработать на этом и как сделать то. Но таков уж он есть. Такова его натура.

После этого продолжительного турне мы дали десять концертов в Британии, некоторые с бирмингемцами Bandy Legs в поддержке. С их гитаристом, Джеффом Николлсом (Geoff Nickolls), я познакомился через Альберта Чапмена, он был их менеджером. Позже они сменили название на Quartz. Альберт подписал их на лейбл Дона Ардена, Jet Records, и спросил у меня, не мог бы я их продюсировать. Некоторые их песни мне нравились, и закончилось тем, что я начал работать с ними. Когда ты занят своим собственным материалом, это превращается в рутинное повседневное занятие. Когда имеешь дело с кем-то ещё, то приходится влезать в чужую одежду. Как ни крути, это был ценный опыт для меня.

Джефф Николлс был у них основным автором. Он напоминал мне себя самого в том, что ему нравилось доводить всё до конца, и он для этого много трудился. Он был креативен, любил играть на гитаре и клавишных и пел ещё к тому же. После того, как Quartz распались, Джефф довольно долго сотрудничал с Black Sabbath, играл на клавишных и всё такое.

Факт в том, что в турне в поддержку “Sabotage” мы впервые взяли с собой клавишника. Мы всегда были квартетом, и остальные ребята предпочли оставить всё в таком формате, и в этом их можно понять. Оззи просто заявил: “Не нужен нам клавишник.”

Я же считал, что если есть кто-то, кто подыгрывает во время соло, то это может добавить песням изюминку. Кроме того, мы всё чаще использовали клавишные и оркестровки при записи, а с клавишником кое-что из этого можно было бы воспроизвести на сцене. И мы наняли Джералда “Джезза” Вудроффа (Gerald “Jezz” Woodroffe). Он был из Бирмингема, где его семья владела известным магазином под названием “Woodroffe’s Music Shop”. И, Боже, в какой оборот он у нас попал! Наша команда разыгрывала его нещадно. Никогда не знаешь, чем это могло закончиться: иногда он был на сцене, иногда совершенно пропадал из поля зрения. У него был здоровенный нос, так что видом он напоминал попугая. У нас были все эти генераторы дыма, так ребята из команды направили одну трубу на него. Они накрыли её, так чтоб он не заметил, и когда мы играли, увидели, как игрушечный попугай летит по проводу, хлопая крыльями. Он остановился прямо перед Джеффом, продолжая хлопать. Мы зашлись коликами. А потом началась “Black Sabbath”, “да-даа-да”, и дым повалил прямо ему в лицо. Бедный парень всё стерпел, но счастлив точно не был. Он отличный музыкант, но ему постоянно приходилось терпеть подобные издевки. Забавно, что до сего дня это происходит с каждым треклятым клавишником, который у нас появлялся.

После Британии была Европа. Мы высадились в Дюссельдорфе 2 ноября, в день рождения Альберта и в годовщину моей свадьбы, так что мы решили это дело отпраздновать. Мы забрались в клуб “Why Not”, к нам присоединились Гизер и Оззи, тоже самое сделали Дэйв Тангай (Dave Tangey) и Люк из нашей команды. В другой части клуба находились Роджер Чапмен (Roger Chapman), певший когда-то с Family и выступавший у нас на разогреве со своей группой Chapmen Whitney Streetwalkers, и Нико МакБрэйн (Nicko McBrain), тот, который сейчас в Iron Maiden, а тогда играл у Роджера на барабанах.

Наша компания сидела, выпивала, хорошо проводила время, занималась своими делами. А потом вокруг нашего стола начали ходить кругами несколько вышибал клуба.

“Весело, да?”

“Интересно, с чего такие вопросы?”

Оказалось, что они подошли проверить, чем мы занимаемся, так как возникли какие-то неприятности со Streetwalkers и их компанией, а для них мы все, наверное, выглядели на одно лицо: “Ага, они все из этой группы.”

Оззи был в туалете, а Дэйв Тангай составлял ему компанию. Кто-то кому-то что-то сказанул или зацепил, Дэйв влез, чтоб разнять, но всё переросло в полноценную драку. Мы с Альбертом бросились выяснять, что случилось. Мы сбежали по лестнице, и парень, стоявший внизу, выстрелил Альберту в лицо в районе рта. Чувах просто поднял пушку, и бум! У Альберта и так много зубов не хватало после занятий боксом, так что сильного ущерба это ему не причинило. Он был в порядке. Пуля прошла только сквозь щеку. Никогда не смогу забыть этого парня. На нём был костюм и черные перчатки. Альберт ударил его так сильно, что чувак оказался весь в крови. Это была страшная драка.

Я к тому времени бил другого чела, и между тычками я обратил внимание, что это повар из ресторана. Не знаю, каким образом он оказался здесь, но доступ на вечеринку был свободен для всех. Было как в старых вестернах, кто-то поворачивается, и бац! Грёбанные тела перелетали через перила и падали с балкона, поверить невозможно. Всё началось из ничего.

Побоище выплеснулось наружу, на улицу. Того парня, с которым дрался Альберт. мы прозвали “Неверный Ход”, на нём была рубашка в полоску. Он падал, потом вставал и снова падал, вставал, падал, Альберт вышиб из него всё дерьмо. Потом на его место заступил другой парень, и Альберт выбил дерьмо и из него. Это был кошмар.

Между тем, чувак, стрелявший в Альберта, вознамерился треснуть Оззи железной планкой по голове. Я выставил не её пути руку, и удар пришёлся по моим пальцам.

“Аaaa!”

Грёбанный ад, больно. И потом я принялся лупить его. Я слетел с катушек. Мелькнула мысль: надо выбираться отсюда. Подъехали какие-то машины, и я прокричал: “Быстро, забирайтесь в машину!”

Я схватил Альберта, прыгнул на заднее сиденье и проорал: “Гостиница “Хилтон”!”

Два чувака повернулись, в меня уткнулось дуло пистолета. Это были полицейские.

Вот же блядское пекло.

Они отвезли меня и Альберта в тюрьму. Нас выпустили непосредственно перед концертом, и аудитория, должно быть, гадала о том, что за вид у нас. Бланши под глазами и всё такое. Это была ужасная драка, а вину повесили на нас!

Такой вот выдалась годовщина моей свадьбы и день рождения Альберта.

Время провели фантастически!

После Европы Оззи покалечился в аварии на мотоцикле, пришлось отложить несколько выступлений в Британии. Когда он подлтался, мы снова отправились в Америку. Начали мы с “Madison Square Garden”, с Aerosmith в поддержке. Всё что может быть странного, случилось в тот вечер. Самое худшее, что было - кто-то прыгнул с балкона. Нам об этом сообщили после шоу. Очевидно, парень шею себе свернул.

За годы много подобного произошло. Были люди, взбиравшиеся со стороны звукового портала и срывавшиеся вниз, с повреждениями. В Америке, в первые дни, у нас были концерты, на которых

перед ограждениями образовывалась настоящая давка: люди могли упасть и оказаться затоптанными. Ты видишь, как их выталкивают на сцену, а потом уносят, мёртвыми. Мы слышали о ребятне, которая ехала домой после концерта и была перебита. И у всех была эта атрибутика Black Sabbath....

Это ужасно, но несколько раз такое было. На том же самом шоу в “Madison Square Garden” я получил удар по голове полной банкой пива, моё лицо было залито кровью. Я продолжал играть, мы завершили песню, я ушёл со сцены, и кто-то сказал: “Слушай, тут есть парень, который работает на Мохаммеда Али, занимается его повреждениями.”

Будучи большим фанатом бокса, я подумал: то, что достаточно хорошо для Мохаммеда Али, достаточно хорошо для меня. “Да, зовите.”

Он заштопал рану, наложил всю эту скрепляющую хрень, и у него это почти не заняло времени. Я вернулся на сцену и продолжил. Но голова болела адски.

Некоторые люди слегка сходят с ума: они бросают всякую дрянь. Они не собираются повредить тебе, просто делают глупости. После происшествия Оззи прокричал: “Долбанные идиоты!”, но ему было можно. У него в тот день был день рождения. Для того, чтоб это отметить, на сцену выкатили торт, из которого выпрыгнули девчата.

Шоу в “Madison Square Garden” продолжают, а торт определённо достался этому.

40. Я в “Экстазе”

Когда мы писали песни для будущего “Technical Ecstasy”, мне очень помог Джералд Вудрофф, так как теперь у меня был тот, с кем можно было опробовать идеи. Команда не вставала раньше двух часов пополудни, так что я частенько приходил в репетиционную пораньше поработать над идеями с Джералдом. Хорошо было иметь кого-нибудь рядом, кто мог поддерживать гармонию, пока я играл соло.

Опять же паб был расположен неподалёку, так что довольно часто все уходили туда, включая меня.

Тем не менее мы смогли уложиться в шесть недель, чтобы написать материал для “Technical Ecstasy”, отрепетировать его и быть наготове. Мы отправились в “Criteria Studios” в Майами. Нам сказали, что её использовали The Bee Gees, Fleetwood Mac и The Eagles. На самом деле The Eagles записывали “Hotel California” в то же время, когда мы были там. Иногда им приходилось останавливаться, потому что мы сильно шумели, и шум просачивался в их студию: “Prrrrr!”

Но место было замечательное. Я торчал в студии постоянно, принимая большое участие в производстве. Я находился там день и ночь, вплоть до того, что Оззи даже заявил: “Это альбом Тони.”

Мы остановились в West Palm Beach, так что остальные пропадали на пляже. Я понимаю, что звучит это, как перетягивание одеяла на свою сторону, но это то, что было. Они захотели сбросить это на меня, они доверяли мне в этом вопросе, поэтому мне и пришлось заниматься этим.

Было и несколько адских хохм, особенно когда мы разыгрывали Билла. Он не позволял прислуге убираться в своей комнате. Однажды нам привезли в немалом количестве этого нереально ужасающего, вонючего сыра Горгонзола, и пока кто-то заговаривал Биллу зубы, я проник в его комнату и подложил кусок ему под кровать. Несколько дней спустя я зашёл туда вновь, запах стоял зверский. Я начал: “Фу, Билл, что за запах?”

“Не знаю, откуда, должно быть от одежды.”

“И когда ты собираешься постирать её?”

“Да-да, постираю.”

Он так и не обнаружил сыр под кроватью. Воняло действительно мерзко. Да от него и самого начало нести, как от того сыра. Когда тётки из прислуги наконец-то добрались до его комнаты, они, наверное, упали замертво.

Однажды вечером в студии мы нарядили Билла Гитлером. Он уже был подшофе, так что это было просто. Мы достали скотч, ядрёный такой, который липнет ко всему, и наклеили ему на голову, уложив его причёску в стиле Гитлера. Также мы приделали ему жиденькие усики. Одели его в униформу и всё такое, и ему это всё доставляло удовольствие, до тех пор, пока мы не попытались снять с него всю хрень. Мы не могли отклеить скотч от его головы, так как любая попытка отцепить ленту означала - рвать волосы. Так что преимущественно мы ему их срезали. К тому времени он был уже достаточно бухой, чтобы отдавать себе отчёт в том, что мы сотворили. До следующего утра. Он был не слишком доволен. Вид у него был ещё замызганнее, чем обычно.

Энди Гибб (Andy Gibb) записывался в студии сразу после нас. С ним постоянно была кукла, вся такая правильная, со светлыми волосами и в красивой одежде. Мы решили купить такую же и переделать её в куклу Билла Уорда. Один из работавших у нас парней был настоящим художником, он перемешал волосы, наложил бороду и превратил одежду в тряпье. Выглядело в точности как Билл. Мы установили её на пульт. Однажды Энди зашёл послушать, чем мы занимаемся. Увидел куклу и спросил: “А это кто?”

Мы ответили: “Это Билл Уорд.”

Энди был ошеломлён: “Значит и у Билла есть кукла?”

Как-то раз мы выбрались в один клуб в Бирмингеме в какой-то совершенно неподходящий час. Там мы опрокинули по несколько рюмашек и вышли к озеру неподалёку. Билл был в жопу улит, мы поместили его в лодку и отпихнули от берега.

А потом ушли.

В другой раз мы отнесли изрядно накачанного Билла в парк, уложили на лавочку и прикрыли газетами так, что выглядел он, словно старый бомж.

И снова бросили его одного.

Однажды, когда он набрался в говно, мы отнесли его в постель и попытались снять брюки. Когда мы потянули за них, одна штанина оторвалась. На следующий день он спустился вниз, и на нём всё ещё были те брюки, одна штанина есть, а другой нет. Он даже внимания не обратил на это.

Был случай, когда в отеле “Sunset Marquis” в Лос-Анджелесе мы сварганили большой плакат, гласящий: “Я - гей, зайдите навестить.” Мы взобрались на его балкон и повесили плакат. Обычная глупость. Менеджер отеля увидел вывеску и пристал к Биллу, чтоб тот её снял, но он ничего не подозревал и не понимал, что происходит. Управляющий настаивал: “Там большой плакат висит, и я хочу, чтоб Вы его сняли.”

А Билл ему: “Плакат? Что за плакат?”

Конечно, он вышел на балкон и понял, в чём дело.

“Ааааа!”

Он часто вывешивал на балконе свою обувь, чтоб та проветрилась. Вставал он поздно, я к тому времени уже несколько часов бодрствовал, так что у меня было время влезть к нему на балкон,

наполнить его башмаки землёй и посадить туда каких-нибудь цветочков. И в такие истории Билл попадал постоянно.

Удивительно, как мы его с ума не свели. И доставалось всегда именно ему. А если мы ничего такого не делали, он спрашивал: “Я что-то не так сделал?”

“Да нет. Ты к чему это?”

“Ну, вы мне сегодня ничего не устроили.”

Теперь он уже другой. В последних турах он реально вставал к завтраку. Он изменил образ жизни на более здоровый. С тех пор, как у него был сердечный приступ, он бросил курить, ну, да он всё бросил.

“It’s Alright” была песней Билла. Хотя он пел всё время, будучи в The Rest, это была первая вещь, которую он спел на альбоме Black Sabbath. Мы подбадривали его, уговаривая вставить её в альбом, так как это была хорошая песня, и Оззи она нравилась.

“Dirty Woman” - песня о проститутках, когда мы были во Флориде, вокруг крутились такие, и Гизер написал об этом песню. Это не о том, как мы ходили к проституткам. Ну, мы ходили раз или два в начале карьеры. Когда-то давно однажды, когда мы были в Амстердаме на улице Красных Фонарей, я зашёл в одно из таких заведений. Я был пьян, и мне хотелось спать. Звучно захрапев, я перебрал со временем, и следующее, что помню - это парня, орущего мне: “Где деньги?”

И он выбросил меня вон. Всё что я там сделал - это отключился.

На всех треках есть клавишные, что было немного необычно для нас. Мне альбом нравился, но “Technical Ecstasy” продавался хуже предшественников. “Sabotage” тоже не бил никаких рекордов продаж, но с этим альбомом начался настоящий спад. Для меня это было особенным разочарованием, так как я принимал большое участие в его создании от начала и до конца. Но такое иногда случается. На дворе стоял 1976-й год, это было время панка, и появилось целое поколение новых ребяташек.

41. “Экстаз” в турне

Перед турне в поддержку “Technical Ecstasy” мы не делали грандиозных приготовлений, только музыкальное оборудование, генератор снега и сухой лёд. Ничего сногсшибательного, ничего возникающего на сцене или слетающего со стропил. Разве что у Билла возникла блестящая идея установить за своей установкой гигантскую морскую раковину. Её изготовили из стекловолокна, и она была громкой, так как проецировала звук. Ну и ежевечерне у Билла скапливались тонны цветов вокруг установки к тому же. Он становился всё более сдвинутым, но раковина всё же была лучше первоначальной идеи, по которой установку Билла должны были окружать трубы, через которые должна была течь вода, окрашенная в разные цвета. Такие вот у него были фантастические задумки. Они были замечательны, но лишь до тех пор, пока не попытаешься воплотить их в жизнь: это было невозможно.

В октябре мы начали гастролировать по Америке. На разогрев к нам попадали такие персонажи, как Boston, Ted Nugent, Bob Seeger и Silver Bullet Band. На концертах был аншлаг. На выступлении в Хэлоуин в Денвере нас открывали Heart. Когда мы играли, сбоку сцены стояли две девушки, наблюдая за нами, и Альберт прогнал их, так как решил, что это были группиз. Он сказал: “Я согнал эту парочку нахер. Они залезли на территорию сцены, танцевали тут.”

Я говорю: “Так они из другой группы!”

“Какой ещё группы?”

“Heart!”

“О, нет!”

На наш концерт в Нью-Хэвен в Коннектикуте пришла Линда Блэйр (Linda Blair), игравшая в “Экзорцисте” (“The Exorcist”). Оззи слегка втюрился в неё, возможно потому, что смотрел фильм. Или, может, он ассоциировал её с ролью, так как она и в фильме всем под кожу влезала.

Факт остаётся фактом, мы все однажды оказались под впечатлением от Линды. Мы Сходили и посмотрели “Экзорциста” за пару лет до этого в кинотеатре в Филадельфии, где пообдывались от страха. Вернувшись в отель, мы отправились в бар, чтобы выпить и успокоиться. По телевизору показывали программу, в которой священник рассказывал об экзорцизме. И нам стало ещё хуже. Мы перепугались до такой степени, что никто из нас не мог уснуть, поэтому мы провели всю ночь вместе в одной комнате. Обхохочешся.

В баре в Нью-Хэвене была стеклянная стена, через которую был виден бассейн. Альберт Чапмен и я пропустили по паре стаканчиков, и в наши в головы пришла классная идея. “Отчего бы нам не выйти и не прыгнуть в бассейн голышом?”

Что мы и проделали. Это была одна из этих выходов вроде показывания жопы через окно. Не знаю, что подумал о нас народ в баре. Абсолютная дурка.

Когда мы вылезли, нужно было по-быстрому ретироваться, поэтому мы угнали припаркованный рядом гольф-кар. Два взрослых оболтуса голышом в гольф-каре гоняют по полю около отеля! Мы добрались до номера, обтёрлись, оделись и вернулись в бар, будто ничего не случилось.

Большинство людей нас даже не узнало, так как они разглядели только задницы за стеклом.

Живописная картина.

За пару лет до этого на вечеринке в Нью-Йорке мы познакомились с Фрэнком Заппой (Frank Zappa).

Он отвёл нас в ресторан, где расписал, как ему нравится “Snowblind”. Это было очень мило с его стороны, мы с ним подружились. 6-го декабря мы играли в Madison Square Garden, и Фрэнк нас представлял. Он тоже хотел поиграть. Мы установили его аппаратуру на сцене, но вечер у нас не задался. Он был готов выйти, а я думал: ему нельзя, это катастрофа, всё идёт кувырком, моя гитара расстроена, шум, треск и Бог знает что ещё. Так что я сказал ему: “Лучше тебе не выходить, серьёзно.”

Мы хорошо поладили. На самом деле, позднее, мы с Ронни Джеймсом Дио звонили Фрэнку, когда Гизер ушёл. Я спросил: “Ты не знаешь какого-нибудь басиста, а?”

От ответил: “Да, можете использовать моего.”

“Да нет, нам нужен такой басист, который смог бы остаться с нами надолго.”

Мы с Ронни поехали к нему домой. Фрэнк открыл дверь, и у него на плече сидел попугай. Он спросил: “Хотите выпить? Соду, холодный чай?”

Мы больше подумывали о чем-то наподобие пива.

“Пива нет.”

Всё что у него было - так это ещё более хиппарские виды напитков. Мы спустились в его студию, и он спросил: “Можно я вам поставлю мой новый альбом?”

“Да, конечно.”

Кое-что из его материала мне нравилось, вроде “Hot Rats”, но когда он врубил свой последний

альбом, он оказался совершенно не в моём вкусе. Там было так много всего нагромождено, и материал был настолько специфический, что я был не в силах его переварить. Я размышлял, ну, я не хочу показаться грубым, и что же я ему скажу, когда всё закончится? Потому что он же спросит:

“Что думаешь?”

И он спросил: “Что думаешь?”

“Эээ... то, что там было... на третьем треке... это эээ...”

“О, это было...”

И он пустился рассказывать об этой вещи: “Там такие барабаны и...”

А мы всего лишь басиста искали!

Я считаю, что как музыкант, Фрэнк, очень одарён, особенно по части аранжировок, и группа у него такая, что всем даст просрать.

Когда я однажды пошёл на их концерт в Бирмингеме, он сказал: “Сегодня у меня есть для тебя сюрприз.”

“А?”

И они сыграли “Iron Man”. Это был бар, я слушал, как они играют и думал: адское пекло! Я вышел на воздух и решил: поблагодарю его после шоу. Но он тем вечером был настолько не в духе, что ураганом выбежал со сцены, донельзя разъярённый. Так что я подумал, хмм, пожалуй, я туда не пойду уже. Несмотря на всё, это был приятный сюрприз.

Как раз во время тура в поддержку “Technical Ecstesy” меня повсюду подстерегал таинственный “Близнец Тони”. Этот парень доставал меня много лет. Близнец Тони одевался, как я, отрастил усы, как у меня, и к тому же он играл на гитаре. Он сделал свои собственные напальчники и даже начал продвигать их на рынке. Он постоянно появлялся в отелях, и люди думали, что это я. В конце концов он выдохся, хотя я встречал не так давно этого чела на моём веб-сайте. Он послал фотку, он там играет, но выглядит он уже по-другому: сбрил усы и всё такое. Он очень эксцентричный.

Был ещё один парень, достававший меня позднее. Он заявлял, что является моим сыном. Ему было около пятидесяти, так что я даже возможности не могу представить, каким образом он мог оказаться моим сыном, но он стоял на своём. Он вычислял, где я нахожусь и звонил мне. Моя вторая жена, Мелинда, однажды ответила на звонок, и он представился: “Это сын Тони.”

Естественно, это вывело её из себя, она решила что у меня есть сын на стороне.

“Что значит у тебя есть сын?!”

“Да нет у меня сына!”

“Я только что с ним разговаривала!”

Этот чел ещё и фамилию изменил на Айомми. Какая-то группа даже песню о нём сделала. Название у неё было что-то вроде “Практикуясь в умении быть Тони Айомми”.

42. Мы никогда не отчаиваемся

Готовясь к альбому “Never Say Die!”, мы принялись писать песни, но было тяжело. Пока мы гастролировали по Америке, появился панк. Даже на разогреве у нас числились “The Ramones”.

Совершенно не хочу принижать их достоинство, но, думаю, это был неверный выбор. Они не очень хорошо справлялись, в них летели всякие предметы, так что пришлось убрать их из тура.

Не думаю, что мне были по душе все эти панковские прибабасы. Агрессия в музыке - это одно, но когда дело доходит до злобы и саморезания, для меня это уже слишком. Тем не менее мне нравятся

определённые песни, особенно поздние. И некоторые из них оказали на Black Sabbath своё влияние. Я думаю..., о, и не знаю как.

Панк пришёл и слегка наподдал нам. The Stranglers были “Номером 1” в то время. Помню, Гизер сказал: “Мы немного устарели со всеми своими риффами и остальным.”

Ощущения у меня были вроде: о, Боже, и что мне теперь сочинять?! И снова парни по обычаю отправлялись в паб, потом возвращались и спрашивали: “Ну что, у тебя есть что-то?”

“Нет, не придумывается ничего...”

Разродиться чем-то было трудно, особенно после того, что сказал Гизер. Я чувствовал, будто больше не верю в то, что мы делали. Я мучался. Я всё время думал: если я придумаю рифф, они могут заявить: “О, а другого чего-нибудь мы не можем сделать?”

Ребята такого не говорили, но я себя так чувствовал, словно они могли бы. И всё это как раз, когда я почти застолбил студию звукозаписи в Торонто, так что давление нарастало горой.

А потом ушёл Оззи. Он просто не хотел больше этим заниматься. Это был очень сложный период для нас, но мы никогда не задумывались над тем, чтобы завязать. Мы спрашивали себя: вернётся ли он? Он мог передумать, мы не знали. Но вместе с тем мы говорили так: “Мы не можем просто сидеть, надо что-то делать.”

Мы с Биллом с давних пор знали одного вокалиста, Дэйва Уолкера (Dave Walker), еще со времён, когда он пел в локальной бирмингемской команде The Red Caps. Позднее он пел в Savoy Brown и Fleetwood Mac, а затем переехал в Сан-Франциско. Я помнил, что у него был отличный голос, так что мы связались с ним. Мы хватались за соломинку, на самом деле, в мыслях было: мы тут альбом написать должны, у нас студия забронирована, а вокалиста нет! Мы порепетировали с Дэйвом немного, написали с ним две или три композиции. Всё просочилось в прессу, и мы с ним даже приняли участие в передаче на местном телевидении в Бирмингеме, но мы чувствовали, что что-то не так. Потом Оззи сказал: “Извините” и всё такое, и вернулся. Мы поговорили с Дэйвом, и он ушёл. Однако Оззи не возвратился до тех пор, пока не осталось два или три дня до того, как нужно было ехать на студию в Торонто. Отменить мы ничего не могли, так как заплатили кучу денег авансом. Песен у нас так и не было, кроме тех трёх, что бы сделали с Дэйвом и которые Оззи не мог петь.

43. Оззи уходит

После мирового турне вся группа перебралась в Эл.Эй на одиннадцать месяцев. Это снова было связано с налогами, мы рассчитывали так: двинем туда, подготовим следующий альбом и запишем его. Но обернулось всё бесконечной разочаровывающей рутинной.

Делами нашими тогда управлял Дон Арден, а его дочь, Шарон, помогала ему. В основном дела группы проходили через меня, так что я часто контактировал с ней, обсуждая, где мы будем жить, репетировать, записываться и всё такое.

Мы все поселились в огромном доме, гараж которого превратили в студию для репетиций.

Следующим шагом должно было стать выдвижение идей, но до этого не дошло. У нас опять была куча кокса. Хождение по вечеринкам, продолжение банкетов дома, а после попытки писать материал: это было тяжело. Но что делало процесс совсем невозможным, это то, что Оззи в нём не участвовал. Он был на другой планете. Мы пытались подтолкнуть его: “Идеи какие-то есть?”

“Нет, ничего в голову не лезет.”

После чего отрубался на диване. Это угнетало, так как повторялось снова и снова, это был путь в

никуда.

Я должен был появляться на Warner Bros.Records, так как они желали видеть прогресс и спрашивали: “Как продвигается?”

“О, замечательно!”

Но мы не делали ничего.

“Как треки звучат?”

“О, просто отлично!”

Адское пекло, а что я должен был говорить? “Мы тут шесть месяцев и ни хрена не сделали?” Они бы не захотели такое слушать. С каждым разом, когда мы там появлялись, стыдоба становилась всё значительнее.

Мы провели там месяцы, а Оззи почти не пел. Мы не могли даже поговорить с ним нормально, потому что он глотал столько выпивки и наркотиков, что постоянно был в отключке. Мы все злоупотребляли, но он делал это на совершенно другом уровне. Мы ещё могли что-то создавать, но спиртное и наркотики по-разному воздействуют на людей. Думаю, что у Оззи пропал интерес к чему бы то ни было. У нас было около трех идей, музыкальных, но мы не знали, куда двигаться дальше без участия Оззи. Мы написали песню, а он заявлял: “Не хочу тут петь.” Он попел немного под “Children Of The Sea”, но окончилось всё пшиком. Наконец, мы дошли до предела, когда сказали себе: “Если у Оззи ничего не выходит, то нам нужно или распустить группу, или найти кого-нибудь другого.”

У Оззи тогда ещё ничего не было с Шарон. Факт в том, что скорее у меня сначала с ней что-то завязалось, но это были отношения, похожие на дружбу. Это никогда не переходило в любовные отношения. Я постоянно общался с ней по делам, она нравилась мне, как человек. И я сказал Шарон: “У нас такая-то проблема с Оззи.”

Она в ответ: “О, дай мне немного времени.”

Я сказал: “Нам нужно как-то сдвинуться с места. Звукозаписывающая компания спрашивает, где же наша музыка.”

Я пришёл к выводу, что мы должны поставить Оззи ультиматум: “Или ты что-то делаешь, или мы тебя заменим.”

Так и получилось. Билл разговаривал с ним и сказал: “Слушай, нам нужно двигаться дальше.”

Это было печально. Мы десятилетие были вместе, но пришли к тому, что больше не можем полагаться друг на друга. Вокруг всё кишело наркотиками, кокаин, куаалюд, мандракс, ещё было пойло, ночи до утра, женщины и всё остальное. Паранойя накрывала тебя всё больше, и ты думал: они ненавидят меня. Мы никогда не дрались, но это трудно - находить взаимопонимание с кем-то, общаться с ними, решать проблемы, когда все под кайфом. По каким-то причинам последним мудаком почему-то остался я. Оззи, кажется, думал, что это я подталкиваю всех, говорю от имени группы и мучу воду. Кто-то должен был сделать ход, сделать хоть что-то, иначе мы бы так и остались на месте, в дурмане. Так вот оно было.

Я уж было подумал, может мне уйти и заняться чем-то другим. Где-то на этом этапе Шарон познакомила меня с Ронни Джеймсом Дио. Она предложила организовать сайд-проект и сделать это с Дио. Я подошёл к нему и сказал: “Я в ужасной ситуации. Я думаю, что то, что у нас есть, больше не работает. Тебя не заинтересует перспектива заняться чем-то другим?”

44. Шотландская секта Сюзан

Оззи был не единственным близким и дорогим человеком, покинувшим меня. Мой брак с Сюзан развалился примерно в то же время, когда я переехал с группой в Эл.Эй. Причины я где-то понимаю. Она оставалась одна в огромном доме, пока я гастролировал, как только я возвращался, пропадал в студии. Ей должно быть было очень одиноко. Она видела, как другие парни ездят в отпуск со своими жёнами, а я оставался работать в студии. Я не понимал, что необходимо заботиться об отношениях. Для меня существовала только работа, работа, работа. Я был ослеплён ею. Вы должны исполнить то, для чего предназначены, не так ли? Но из-за этого ваши отношения заходят в тупик. Она желала развода и подготовила все бумаги. Я был в шоке. Мне было горько, и реакцией на всё это стало легкое безумие. Я приехал в Лос-Анджелес и пустился во все тяжкие. У меня было так много девушек, что я назначал встречи на разное время. Одна приходила в два часа, а за ней - другая на пару часов позже, которой я говорил: “Мы до трёх репетируем, так что подходи к четырём...” Однажды я был с девушкой и услышал сирену у ворот. Я выглянул в окно, а там была другая девчонка. Я сказал: “Быстро! Тебе пора, это моя жена!”

Она заволновалась: “Ааа!”

Я продолжил: “Двигай по крыше, спустишься по стене!”

Я помог ей выбраться через окно и вскарабкаться на крышу, которая просела так, что она смогла легко спрыгнуть. Пока она прокрадывалась к выходу, за ней снаружи наблюдали, покачивая головами, женщина из прислуги и мой гитарный техник.

Я отказался от дома в Килворте. Когда я вернулся из Лос-Анджелеса, я ненадолго поселился у своих предков. Тем временем Сюзан подалась в Британскую секту, куда нужно было отдавать все свои деньги и собственность, селиться с ними и жить обработкой земли. Я разговаривал с её родителями. Они были шокированы. Они сказали мне: “Тебе стоит вернуться и жить дома.”

Но я ответил: “Нет, не могу. Не представляю, как я теперь могу вернуться туда.” Я нанял оценщика мебели. Отдал на хранение то, что принадлежало мне, кое-что продал и отдал Сюзан деньги. Она собственно не хотела их брать, так как перебралась в эту секту и отдала им все деньги, которые собиралась отдать. Я так и не понял, кто они такие были, эта секта, и родители её не поняли.

Спустя уже достаточно времени после того, как наш брак распался, она неожиданно нежданно вызвонила меня и попросила: “Пожалуйста, приезжай, заberi меня. У меня неприятности.”

Она находилась в Инвернесе, в Шотландии. Я с другом был в клубе в Бирмингеме и уже пропустил пару стаканчиков. У меня началась паника и я сказал: “У неё проблемы. Надо ехать!”

Мы забрались в мой Роллс-Ройс. Путь был далёкий, поэтому сто миль вёл я, а потом он сел за руль на следующие сто. Наконец мы добрались туда, помятые, уставшие, на шатающихся ногах, а она нам: “Вы зачем приехали?”

“Потому что у тебя были проблемы!”

“Ну, думаю, всё уже утряслось.”

Я сказал: “Ты едешь с нами!”

“Нет. Не поеду.”

“Нет уж, поедешь!”

Как-то так. Так и не поехала, поэтому мы вернулись в машину. И проехали обратно ещё 300 миль. Я видел её ещё лишь раз, когда у меня были отношения с Литой Форд (Lita Ford). Лита была в Лос-

Анджелесе, я вернулся домой в Бирмингем, и Сюзан пришла ко мне. Она хотела, чтобы мы снова были вместе. Я сказал ей: “Слушай, у меня больше нет к тебе тех чувств, и у меня сейчас есть девушка.”

Тяжело заново разжечь ушедшие чувства. Так всё и закончилось. Она переехала в Австралию, и больше я её не видел.

45. Дио делает дело, а Дон - нет

Ронни был готов сделать что-то совместными усилиями, но я какое-то время не связывался с ним, так как мы всё ещё были в замешательстве по поводу Оззи. После того, как он наконец ушёл, я сказал Гизеру и Биллу: “Почему бы не попробовать Ронни?”

Я позвонил ему и сообщил: “У нас тут теперь другая ситуация, как ты насчёт этого?”

Мы пригласили его домой и сыграли “Children Of The Sea”. Ронни взял и с ходу подобрал вокальную мелодию. Мы были под впечатлением, потому как в течение одного дня мы перешли от ситуации, когда ничего давным давно не сдвигается с места, к такой, когда мы в состоянии придумать песню на лету. Мы немного поиграли “Lady Evil”, Ронни тут же спел и в ней. Мы подумали: адское пекло, да мы поймали удачу за хвост! Это немного подняло нам дух. Мы всё еще переживали из-за ухода Оззи, но всё шло своим чередом. И теперь мы были довольны тем, что на самом деле ещё способны на что-то.

Оззи к тому времени выехал из дома, но Дон Арден всё старался вернуть его в команду. Дон наконец-то заполучил группу, которую давно хотел... и мы распались! Он не мог этого принять, ему был необходим оригинальный состав, поэтому он настаивал: “Ни за что не срастётся с Ронни.”

Я отвечал: “Так уже срослось! У нас есть хороший материал и мы на ходу. А Оззи сейчас не в состоянии этим заниматься, ему абсолютно не до этого.”

Он не сдавался: “Дайте ему шанс.”

Мы прожили десять месяцев в этом доме и ничего не получалось с Оззи, так откуда оно внезапно возьмёт и получится за пару недель? И мы не забыли, что Оззи уже уходил однажды, перед “Never Say Die!”. Это вылилось нам в копеечку, мы больше не могли ничего сочинять, все впали в депрессию и раздражение от всего этого, так что мы представить не могли, как нам продолжать дальше с Оззи. Дон не мог уговориться: “Мы должны вернуть Оззи, мы должны вернуть Оззи!”

Мы ему: “Дон, он выпал из темы. Ничего не получится.”

На что Дон, конечно, находил ответ: “Вы не можете взять певцом в Black Sabbath карлика!”

И такое было. Но нам было необходимо подвести черту. Мы собирались поставить на Ронни.

А потом уехал Гизер. У него были проблемы с браком, так что ему пришлось отправляться домой и разбираться со всем, на время он фактически покинул группу. Ронни немного играл на басу, так что неожиданно мы стали трио: Билл, Ронни и я. Мы придумали парочку вещей, именно тогда я привлёк Джеффа Николлса. Я сказал: “Просто временно возьмём кого-то, кто поможет нам тут обойтись.”

Первой вещью, которую мы сочинили вчетвером, была “Heaven And Hell”. Я играл тот рифф, а Ронни просто что-то напевал под него. Это было спонтанно. И мы сказали друг другу: “Чувак, да это клёво!”

Ронни всегда ездил на своём кадиллаке. Ему пришлось поднимать сиденье, машина была огромна. Там где мы жили, обитало множество змей. Мы прознали, что Ронни их боится, взяли мёртвую особь, зацепили леской её за голову, а конец привязали к ручке на дверце автомобиля. Я положил

змею на пассажирское кресло, и когда Ронни открывал водительскую дверь, то потянул змею к себе. Это сработало: он чуть не обделался.

Вернулось мне за это сторицей, когда однажды я пошёл в туалет в своей спальне, включил свет, и, адский ад, там была змея. Тоже мёртвая. Я почти обкакался ещё до того, как добрался до горшка. Мы постоянно разыгрывали друг друга. Шутки помогают людям лучше поладить. И ещё, я полагаю, это тест на то, как человек на них реагирует.

Дела шли распрекрасно, а Дон всё продолжал: “Ничего не получится. Если не вернёте Оззи, вам конец.”

Мы были все в работе в доме, когда неожиданно появились какие-то ребята и увезли мебель, которую для нас заказывала Шарон. Мы замечали, что вещи постепенно исчезают. И страшали друг друга: “Не пускай их внутрь. Отберут диван.”

Это было отвратительно, поэтому мы решили полностью разорвать наши отношения с Доном. Он так долго хотел стать нашим менеджером, и так недолго присматривал за нами. Тогда нас захотел подобрать Сэнди Перлмен (Sandy Pearlman), менеджер Blue Oyster Cult. Мы оставили его как запасной вариант, так как снова решили заниматься всем сами, совсем как во времена перед тем, как управление в свои руки взял Дон. У нас всё ещё работал Марк Фостер, помогавший нам с повседневными делами со времён “Sabbath Bloody Sabbath”. Он был вроде ассистента, путешествовал с нами, организовывал проживание в отелях, переезды и что бы там не потребовалось ещё.

У Марка были физические проблемы, в области паха, наподобие слоновой болезни. Самое нелепое в том, что он стоял с этой своей выпуклостью и вместо того, чтоб попытаться скрыть её, он выпячивал её на показ, и это было первое, что вы замечали, опуская взгляд.

Однажды, когда состав с Ронни уже распался, мне позвонили и сообщили, что Марк умер. Они не могли отыскать его семью и спросили: “Не хотите забрать себе его имущество?”

Я ответил: “Нет, мне ничего не надо.”

Мне было по-настоящему грустно. Марк был англичанином, но он должно быть женился на американке, так как мне кажется, что у него был сын где-то. Я им всё это рассказал, но я не знал, где он.

Как бы то ни было, Марк был жив-живёхонек в то время и помогал нам, мы решили, что у нас нет другого выхода, как съехать из дома. Благодаря Арденам помещения опустели, и аренда подошла к концу. Мы подумали: давайте-ка уедем из Лос-Анджелеса все вместе. Это было неподходящее для нас место тогда.

И мы двинули в Майами.

46. Билл доходит до ручки

Мы осмотрели самолёт, летящий в Майами, и удивились: “Чего это на этом рейсе никого нет?”

Оказалось, что мы летели в зону урагана, и все покидали округу. Мы поняли, все сваливают, а мы туда летим!

Мы добрались до места, а там всё заколочено. Мы арендовали дом Барри Гибба (Barry Gibb), но первые три дня провели в отеле, так как находиться где-либо ещё было опасно. Они обшили досками всё здание полностью. В ожидании бури нужно было наполнить водой ванную и нельзя было покидать гостиницу. Они заготовили сандвичей, но, конечно же, в конце концов еды не хватило. В

один из дней мы с Джеффом стояли у меня на балконе, как два идиота, и смотрели на раскачивающиеся деревья. Затем мы услышали: “Вы! Эй, вы! Вернитесь в номер! Убирайтесь с балкона!”

Это был полицейский.

“Идиоты, идите комнату!”

Стало жутковато. В какой-то момент нам сообщили: “Уже слишком поздно уезжать, вам придётся остаться. Находитесь под кровом!”

Мы ответили: “О, Боже. Ну началось.”

Через нас прошёл только внешний фронт урагана. Сносило деревянные столбы, мимо пролетали светофоры, деревья вырывало с корнями, но всей мощью не ударило. Даже так было достаточно стрёмно, чтобы мы в штаны поналожили.

Несколько месяцев мы провели в доме Барри Гибба. Он переехал в другое место. Мы поступили так же, как и в Лос-Анджелесе: забацали репетиционную студию, где установили всю аппаратуру. К нам подъехал Крейг Грубер (Craig Gruber), басист, в прошлом работавший с Rainbow, как и Ронни. Мы оставили Джеффа, так как хорошо с ним поладили, и подвязали его на клавишные. Это было внове для него, но его хватало на то, что нам было нужно: играть аккорды, иногда предлагать идеи по поводу того, что играть кроме аккордов.

Мы написали ещё материал, в этот раз без Гизера. Для меня и Билла это было непривычно, мы привыкли работать с ним. Все воспринималось, как временный выход, мы всё ещё надеялись на возвращение Гизера. Было нелегко, но мы справлялись. На самом деле процесс создания протекал довольно гладко, и вскоре мы наделали песен на целый альбом.

Билл в то время не по-детски бухал. С ним была его жена, и пила она также не слабо. Билл мог проснуться утром, ещё трезвым, взять из холодильника пиво, потом ещё пиво, и ещё. Я задавал вопрос: “Билл, сколько пива ты уже принял?”

“Ой, да только парочку накати.”

Но к тому времени было уже около десяти. Это стало известным, как “он только парочку накати”. В течение дня он переходил от эдакой весёлой стадии к состоянию полного мрака, меняясь по мере того, как выпивал всё больше. К девяти или десяти вечера мы начинали его избегать, потому как он приходил в по-настоящему поганое состояние и становился агрессивным. Между тем с его игрой было все в порядке. Он пил с утра, но, если он выпивал всего несколько бутылок, то играл отлично. Это после, к вечеру, он переходил в другую стадию. И если мы решали взять выходной, адское пекло, он отрывался по полной.

Как обычно, над Билом подшучивали. Был случай, у меня оказался телефон клуба анонимных алкоголиков и имя парня, который там заправлял. Я сказал Биллу: “Позвонил какой-то долбаный чел, у тебя будет интервью.”

“Чего?”

“У тебя интервью. Позвони, спроси этого парня и скажи: “Не могли бы вы мне помочь? Это Билл Уорд.””

Он так и поступил. Билл начал: “Аллё. Я Билл Уорд. Вы не могли бы мне помочь. Мне сказали, чтобы я Вам позвонил.”

Они начали обсуждать проблемы с алкоголем. Мы стояли за спиной, слушали, и он просто

взбесился. Никогда его таким не видел. Телефон подлетел в воздух и разбился о пол. Мы всё ретировались так быстро, как только смогли. Он совершенно не воспринял шутку и целую вечность потом ходил в дурном расположении духа. Мы просто держались подальше до лучших времён. Несмотря на его пьянство, мы поручили ему ходить в банк и брать деньги для того, чтобы выплачивать зарплаты персоналу. Мы хотели, чтобы у него была цель: “Смотри, не нажрись с утра, Билл, тебе в банк идти!”

“О, точно, да, хорошо.”

Он воспринимал это серьёзно. Вставал утром, брился, мать его, приодевался. Он купил себе дипломат и неожиданно становился парнем из бизнеса, ходящим в банк и делающим это со всей ответственностью. Было забавно наблюдать эту перемену каждую пятницу, когда он должен был ходить за деньгами.

Ронни Билл по-настоящему нравился. Однако, приход Ронни повлиял на Билла. Тот не был на 100% доволен ситуацией. Он привык, что Оззи всегда был поблизости, как и все мы, но Билл просто не мог освоиться с тем, что его больше нет. К тому же, я думаю, выпивка в этом плане никак не помогала. Факт в том, что всё стало настолько плохо, что он (Оззи) больше не мог оставаться с нами. Билл мог скучать по Оззи, но это не означало, что нам нужно было кинуться в поиски того, кто звучал бы, как он. Тогда критики не оберёшься, кроме того, есть только один Оззи. Мы скооперировались с Ронни, так как нам нравилось, как он работал, и нам нравился его голос. Мы свернули на другой путь в музыке после того, как он присоединился к нам. “Heaven And Hell” мы сочиняли с вокалистом, который отличался настолько, что перед нами открылись новые двери. Когда ты проработал десять лет с Оззи, ты уже приблизительно знаешь, что он будет петь и как он собирается это делать. Все его возможности тебе известны. Где пределы возможностей Ронни, мы не знали, и это было стимулом, чтобы всё время прорываться на неизведанные территории, чтобы понять, что он может. Это была свежая кровь в команде, я мог играть новые аккорды, что давало мне возможность расширить свои горизонты в музыке. И Ронни реально вдохновлял меня играть соло, делать больше вставок. Не то, чтобы я недостаточно играл соло раньше, но Оззи никогда не просил меня: “Почему бы тебе не вставить тут соло?”

Он не вникал во всё это. Или, может быть, он немного вникал, а затем его внимание переключалось на другие вещи и он уже был далеко. Он не так много вкладывал в общую копилку. Это не было его виной. Он просто не был таким музыкальным. Он не владел никаким инструментом, поэтому он не знал, какие аккорды там идут, а с Ронни мы работали более командно, так как если вы селились рядом, он также брал гитару, или бас, и он предлагал: “Как насчёт такого аккорда?”

“А, да... точно!”

И от этого мы отталкивались. Ронни очень большое участие принимал, и это было круто.

Оззи пел по аккордам. Только послушайте “Iron Man”, и вы поймете, куда я клоню: его вокальная мелодия копирует музыкальную линию. В этом ничего такого, но Ронни любил петь вокруг риффа, а не с ним, придумывая мелодию, которая отличалась от аккомпанемента, что и открывало музыкально перед нами больше дверей. Я не хочу, чтобы это звучало, как нападки на Оззи, но подход Ронни позволил мне освоить другой путь и понять, что я могу двинуться, скажем, отсюда вот туда.

Ронни много привнес к нам и кроме того, как звучал его голос. Он знал, чего хотел, и мог говорить с

нами в музыкальных терминах: “Может попробуем ля здесь?”

Оззи этого не умел, он не знал что означали “ля” или “ре”. Лучшее, что он мог предложить, было: “Ну, тут нам нужно что-то другое.”

“Какие-то идеи?”

“Ничего особенного. Как насчёт, эээ...”

Мы стали более профессиональными. Ронни всегда хотел сделать что-то ещё лучше, он постоянно поддавливал, и на сцене, и вне её. Для нас это было хорошо, так как это всех нас подталкивало. С годами мы, возможно, немного обленились и слишком полагались на то, что мы уже освоили, а Ронни бросал нам новые вызовы. Таким образом мы снова были больше, чем группой: мы сплотились, стараясь защитить команду, защитить то, что у нас было. Мы поверили в то, что у нас было.

47. Heaven And Hell

“Heaven And Hell” мы писали в Criteria Studios в Майами, там же, где записывали “Technical Ecstasy” за пару лет до этого. Впервые после “Master of Reality” нас продюсировал кто-то другой, и это оказалось большим подспорьем. Мартин Бёрч (Martin Birch) снял с моих плеч большую ношу. Он уже сделал несколько отличных альбомов для групп с большими именами, вроде Rainbow. Его порекомендовал Ронни, вот мы и надумали попробовать.

Мы снова были во Флориде, и это означало, что дурь была в изобилии. У соседа Барри Гибба в постоянном наличии были такие запасы кокса, что вы мне не поверите. Я заходил к нему, а у него фунтами он громоздился на столе в больших кучах.

“Вот, набирай себе сам.”

Это было невероятно. Мы приходили в четыре утра: “Можно к тебя заглянуть на минутку?”

Он был тут как тут!

“Да, располагайтесь.”

Мы уже просто перебарщивали, так как оно было тут, прямо у нашего порога. Но это не остановило сочившегося из нас творчества. У нас всегда был пятый член команды, нечто, маяк, освещающий путь, если хотите, который вел нас в правильном направлении. Именно там, в Майами, в доме Барри, мы написали “Die Young”. В этой песне есть вставка. В той части, где Ронни поёт “die young”, ритм спадает до спокойного пассажа. До того времени Ронни никогда не делал таких вещей, спадов, всё время было, наверное, “только вперёд”! Я сказал ему: “Мы годами это делали во многих вещах Sabbath, мы разбавляем немного в середине.

И Ронни сказал: “А, да, получается!”

Это был еще один опыт познания для него - наблюдение за тем, как мы пишем и что мы можем, новое направление, путешествие на другие территории. Я был уверен, что знаю, куда идти в таких случаях. Думаю, мы все были уверены, все знали: это нас направлял пятый член команды. “Die Young” - хорошо структурированная композиция. Она стала вторым синглом после “Neon Knights”, и до сего дня её отлично принимают.

“Children Of The Sea” мы сделали, еще когда Оззи был с нами. У меня где-то сохранилась версия, где он поёт в ней, с другим текстом и вокальной мелодией, абсолютно отличной от той, которую сделал Ронни. Когда мы записали новую версию, я хотел, чтобы она звучала, как будто рабы с галеона захватывают большой корабль. В моей голове звучало что-то вроде песнопения монахов, так что мы

спросили парня из студии: “Мы тут где-то можем монахов нанять?”

Он обзвонил всё вокруг, пытаясь найти монахов. На самом деле мы немного шутили, вообще-то. Но он пришёл и на полном серьёзе сообщил: “Ну, мы можем заполучить только одного монаха... но мы можем сделать наложения!”

“А?!”

Он пришёл ко мне, и “оо-оооо-ооо”, только и дай ему петь свои псалмы. Мы остолбенели. Нам представлялся целый хор, а у нас был один монах.

Но можно было воспользоваться наложениями.

Находясь в Лос-Анжелесе, мы приобрели эти плёночные аппараты, JVC, со встроенными микрофонами, так что могли записывать всё, что бы мы не делали, когда бы мы это не делали. Мы были дома и просто джемовали. У меня был небольшой усилитель, всего в несколько ватт, и у нас была маленькая барабанная установка, мы целую вечность играли “Heaven And Hell”. И получали реальное удовольствие. Ронни немного подыгрывал на басу поначалу, а потом у нас появился Джефф. Ронни что-нибудь пел, и это давало нам идеи, куда двигаться дальше. Мы просто выстроили эту песню, занимаясь таким вот джемом.

48. Поджог

Я и до этого поджигал Билла Уорда, но в этот раз всё вышло из-под контроля. Пока он, завывая, метался по студии, я ржал во весь рот. Но когда он продолжил визжать корчиться, всплыла ужасная истина: мой барабанщик горел в огне!

Всё началось, как отвязный номер. Мы с Биллом несколько раз устраивали фокус, в котором я подносил зажигалку к его бороде и она, может на секунду, воспламенялась. Это всегда вызывало смех, так что то же самое должно было произойти и во время работы над альбомом “Heaven And Hell” в “Town House Studios”, когда он вошёл, я сказал ему: “Билл, можно снова поджечь тебя?”

“Нет, не сейчас, я занят.”

“А, ну ладно.”

И совершенно забыл об этом. Через несколько часов, когда я возился со своей гитарой, подошёл Билл и сказал: “Слушай, я собираюсь обратно в отель, так что, ты ещё намереваешься поджигать меня или как?”

Мартин Бёрч, продюсер, ушам своим не поверил. Он воскликнул: “О, чёрт меня побери.”

Билл был готов повернуть это дело, и я решил слегка добавить эффекта и поппикал на него жидкостью, которой техники в студии протирали головки на плёночных аппаратах. Его одежда попросту впитала её. Он воспламенился, словно бомба.

“Уууух!”

Он упал на пол, а я продолжал брызгать очистительную жидкость. Я то думал, он шутики шутит, а он на самом деле горел. Пламя охватило его штаны и перекинулось на носки. Закончилось всё ожогом ног третьей степени.

Бёрч помчался с ним в больницу. А матушка Билла позвонила мне: “Ты чокнутый ублюдок...”

То что она наговорила по телефону, звенело у меня в ушах. В конце она сказала: “Билл может потерять ногу!”

Адское пекло, я был настолько подавлен, что не знал, что делать. Но он отделался хорошо, хотя у него на ногах остались отметины от ожогов. Не так давно я спрашивал его: “Билл, у тебя ещё

остались те шрамы?”

“Ага, они ещё там, да.”

Я чуть не убил его, а это уже слегка чересчур для безобидной развлекательной шутки. Так что с тех пор я Билла больше не поджигал.

49. Винни говорит “Алоха”

Билл безбожно пил, даже во время выступлений, чего мы себе никогда не позволяли. Это было не очень заметно, пока он играл. Он просто становился более агрессивным и злым, и в физическом плане он также катился под откос. У него постоянно были какие-то мелкие проблемы, приступы паники и всё такое. Это доставало всех нас, но мы ему ничего не успели сказать, так как однажды он просто исчез. Это было 21-го августа 1980-го года. Мы должны были играть в Денвере, а он был мертвецки пьян, забрался в свой бус, за рулём был его брат Джим, и смотался. Мы даже не знали, что его нет, пока кто-то не сообщил: “Билл уехал.”

“Пардон?”

“Билл уехал!”

“Нет!”

Он не сказал “до свиданья”, ничего, просто пропал. Я с Биллом много разговаривал, но когда он ушёл, я был шокирован. Я был поистине захвачен врасплох. И мы были в полном дерьме. Нужно было отменять концерты. Ронни переживал, так как ему очень нравился Билл: “Мы должны его вернуть!”

Когда мы наконец нашли Билла, то услышали, что ему больше не хочется ничем заниматься. Записывать альбом ему понравилось, но гастрольная составляющая его достала. Нам пришлось выбраться из раковины и признать: он не справлялся и знать ничего больше не желает.

Конец!

Так что нам пришлось искать кого-то на замену. Для меня это было ужасно, так как я не играл с другими барабанщиками с очень давних времён, с тех пор, как Black Sabbath ещё и в помине не было. Я во многом опирался на Билла. Мы играли вместе целую вечность!

Надвигался крупный фестиваль на открытой площадке на Гавайях, где мы должны были быть хэдлайнерами, и мы запаниковали: “Боже, что нам делать то?”

У нас было некоторое количество плёнок от разных барабанщиков, и одна из них была от Винни Эпписа (Vinny Appice). Ронни слышал о Винни, и мы решили: “Давайте-ка свяжемся с ним.”

У нас было буквально полтора дня, чтобы испробовать Винни и решить, подходит он или нет. Если бы он оказался хорош, то поехал бы играть с нами на Гавайи, а если нет - пришлось бы отменить выступление. Но он оказался хорош.

Он приехал с такой крошечной установкой, на ней и играл, я же привык к огромной установке Билла. Я подумал: ага, он это только сейчас её использует, на репетиции. Мы приехали на Гавайи, я вышел на сцену, там стояла большущая платформа для ударной установки, которой пользовался Билл, а на ней та же крошечная установка. Она была похожа на детскую. Я подумал: адский ад, да его не услышишь даже! Я натурально ушёл за сцену, вышагивал там туда-сюда, и Ронни произнёс: “Да всё с ним будет в порядке.”

Я ответил: “Нет! Я никогда не играл с другим барабанщиком все эти годы!”

Я был до ужаса напуган. Я вышел на сцену, смотрелось это смешно: стена усилков и кабинетов,

большая платформа для барабанов, а на ней эта маленькая хиленькая установка. Но, чёрт меня разбери, играл он круто!

Винни не был на сто процентов знаком со всеми песнями, так что нам пришлось написать для них ноты. Начался дождь, и всю писанину размыло, поэтому он больше не мог подглядывать в бумаги. Он не знал, где мы находимся. Но справился замечательно.

И да, слышали мы его хорошо.

Это выступление навело на меня сущую панику. Какой-то идиот саданул настоящим миномётным снарядом. Мы слышали это “Шшшшшшшш, буум!” Он взорвался на задворках сцены. Хорошо, что там была реально большая площадь. Никто из нас не пострадал, и, я думаю, вообще никого не задело, но на том месте образовалась огромная чёртова дыра. Я до сих пор не могу поверить, что кто-то мог такое сотворить. И где такое вообще можно было достать? Это очень серьёзная штука!

Это мог быть Оззи, вообще-то.

Промазал!

В стиле игры Винни и Билла была существенная разница. Винни выделял все эти скоростные проходы, которыми Билл вообще никогда не занимался. Билл был из лагеря Джона Бонэма и Кози Пауэла (Cozy Powell). Он был хорош, но у него был свой собственный стиль, он создал свой уникальный подход. Очень неортодоксальный. Билл не играл прямолинейные ритмы, он всегда вставлял в них какие-то удары, словно перкуссионист. Он слышал целые симфонии в своей голове и пытался играть так, будто у него было восемь рук. Мы говорили: “Билл, ты в курсе?, у тебя только две руки.”

Но это же Билл. Он слушал песни и распознавал всю их драматургию, где там литавры должны быть и все такое, у него было скорее мышление перкуссиониста. Винни же - бесспорный барабанщик, он всегда держит ритм. Он тоже добавлял маленькие вставки, но прежде всего Винни - очень точный барабанщик, в то время как Билл играл по настроению. Билл делал некоторые вещи, и они иногда у него выходили, а иногда нет.

Игра Винни привнесла что-то новое в музыку. Она стала более плотной, более точной, возможно, даже добавила больше мейнстрима. Там, где Билл играл что-то вроде “бум-тс-та-та-та”, Винни просто выбивал “бум-тс-бум-тс-бум-тс”. Не так изощрённо, но более точно. И, может, с меньшим характером, так как Билл развил свой собственный стиль, и это был - Билл. Нравится вам это или нет. Мне нравилось.

Играя с Винни, мне также пришлось переучивать своё мышление. Я думал: Боже, он очень хорош, но нельзя так точно отбивать старые песни, надо немного изменять ритм. Black Sabbath никогда не придерживались точного отсчёта. С Биллом мы могли начать в одном темпе и закончить в другом: это врождённое чувство, и у Билла оно было. Мне всё пришлось пройти с Винни, как позже и с другими барабанщиками, пришлось уговаривать его играть старые вещи такими, какими они были. Но сначала самое важное. Я сказал ему: “Если хочешь остаться в команде, придётся обзавестись установкой побольше.”

Он этого не забыл. Теперь у него огромная установка, в которой инструментов немерено. Я спрашиваю у него: “Грёбанный ад, Винни, у тебя не больно много этих барабанов?”

А он мне: “Ну, ты сам начал!”

На это мне нечего ответить!

50. Чёрные и Синие

Турне в поддержку “Heaven And Hell” мы начали в апреле 1980 с Германии. Какое-то время, как теннисный мячик, мы скакали между Германией и Британией перед тем, как отправиться в путь по Штатам в июле. Ронни повсюду вздымал свой дьявольский знак с двумя оттопыренными пальцами, указательным и мизинцем, и двумя согнутыми средними пальцами. Считается, что он изобрёл этот жест, но у меня есть фотка, где Гизер делает то же самое за много лет до того. Но Ронни вытащил этот знак на свет, и поэтому жест ассоциируется с ним.

Наши декорации представляли собой крест. Мы сконструировали его так, что он управлялся электроникой. На нём зажигались огни в разной последовательности, а когда мы играли “Heaven And Hell”, он вспыхивал в пламени. Работало всё с большим трудом. Один из классических случаев произошёл, когда мы играли в Madison Square Garden. Ронни нагонял атмосферу, заговаривая аудиторию: “Я хочу, чтобы все вы сконцентрировались на кресте!”

Он всё продолжал и продолжал в том же духе.

“Не теряйте концентрацию!”

Когда дело дошло до крещендо, пошёл отсчёт “Раз, два, три!”, а крест издал лишь: “Пшик”.

Будто чёртов крошечный бенгальский огонь. И Ронни выдал: “Ну, сдаётся мне, вы не достаточно сконцентрировались!”

Когда крест вспыхивал, смотрелось классно, но в тот вечер произошёл один из этих непредвиденных случаев. И они происходили чаще, чем нет.

В то время нами занимался Сэнди Пёрлмен. Он следил за нами с тех пор, когда у нас разошлись дорожки с Доном Арденом. Нам больше некуда было податься. У Сэнди был вид туриста. Кепка на голове и сзади рюкзак. Я никогда не видел его одетым в цивильное. Поначалу всё было в порядке, но вскоре это превратилось в чёртову комедию.

В штатах он поставил нас вместе с Blue Oyster Cult. Он давно был их управляющим и поэтому благоволил к ним больше, чем к нам. Вот почему получился тур “синяков и ссадин”, когда они закрывали вечер в один день, а мы - на следующий. Мы никогда не совмещали с кем-то хэдлайнерство, так как остальные группы всегда были у нас в поддержке. Когда они были хэдлайнерами, было странно, в том числе потому, что они не были такой уж большой командой. Предполагаю, Сэнди хотел вывести их в таковые, пристраивая их таким образом.

Это была катастрофа, так как они использовали чёртового Годзиллу из стекловолокна на сцене, и разобрать его занимало у них целую вечность. В один из вечеров мы выступали после них и полтора часа дожидались за сценой, пока смогли выйти на неё. Ребятишки изнемогали от ожидания и винули нас в этом. В результате мы опоздали с подготовкой. Немного нечестно.

Сэнди недолго управлял нашими делами. Мы уволили его. Окончилось всё выплатой неустойки, так что он вышел из дела с кучей наличности. Мы снова работали с Марком Фостером. Мы устраивали крупные шоу, и для Ронни это была задачка не из лёгких - выходить и стоять перед толпой, которая в течение десяти лет видела на этом месте Оззи. некоторым из ребят это не нравилось и они орали:

“Оззи, Оззи!”

Но в конце концов Ронни преодолел это.

Пока мы гастролировали с “Heaven And Hell”, компания NEMS выпустила “Live at Last”, альбом с материалом, записанным ещё в 1975-м году. Это были проделки Патрика Михана. Мы были очень

недовольны, но пластинка была уже на пятом месте в чартах, когда мы добились судебного запрета на её выпуск. Звук был ужасен, и это сильно разнилось с тем, что мы делали с Ронни. Запрет был уже бесполезен, и дело было урегулировано позже. В 2002-м альбом был переиздан, в этот раз под названием “Past Lives”.

25-го сентября 1980-го, когда мы находились в турне по Америке, умер Джон Бонэм. Эта новость убила меня, но не думаю, чтобы кто-нибудь, кто знал Джона, мог рассчитывать, что все обернётся по-другому. Он ни в чём не знал меры. Они с Китом Муном были во многом похожи. Слегка сумасшедшие, к тому же хорошие друзья, они разжигали свечу с двух сторон так сильно, как только могли. Они были немного сдвинутыми. Никогда не знаешь, что они выкинут в следующее мгновение. Я всегда считал, что так не может продолжаться вечно, в конце концов они обвалят стену, в этом тёмная сторона таких вещей. Когда я услышал, то задумался о том, как мы все уязвимы. Господи, кто следующий? Это может произойти и с нами! Всех нас как обухом по голове треснуло, было состояние полной подавленности. Джон ещё так много мог сделать.

Недели через две, в Милуоки, на Месса Arena, кто-то из аудитории кинул в Гизера большой металлический крест, отскочивший от гитары прямо ему в лицо. Они наверное решили: о, ему понравится этот сувенир, кину-ка я его на сцену перед ним. Люди, которые делают так - идиоты. От удара в голову он мог ослепнуть или даже умереть.

Мы ушли со сцены, и так как большая часть публика понятия не имела, что произошло, начался бунт. Они дрались, выламывали кресла, швыряли разные предметы, сущий хаос. А что поделаешь? Мы могли только с горем пополам выйти обратно и: “Привет, мы вернулись, успокойтесь все.”

В ноябре начался наш первый тур по Японии с остановками в Токио, Киото и Осаке. У меня было непрерывное пищевое отравление. Наверное, от суши. Я был на сцене, наматывал круги, и вдруг вырубился, бамц! Меня отвезли в больницу, вкололи какой-то препарат. Это был самый большой шприц, который я когда-либо видел. Бог знает, что это было, но оно на самом деле помогло. Надо было затариться этой штукой: “Можно мне с собой немного?”

В то время, как меня свалили суши, Гизер умудрился сотворить с собой то же самолично. Как-то вечером он маялся дурью с сломал себе кончик пальца. Возможно, это из-за сакэ. Они с Ронни наострились ходить в бар, там выпили лишнего и повздорили из-за пустяка. Естественно, на следующий день оба жалели об этом. Гизера частенько заносило, наверное, так он и сломал себе палец. Меня при этом не было. Я только потом узнал, что несколько следующих концертов отменены по этой причине. Вопреки обыкновению, не у меня одного были исковерканные пальцы.

51. Мелинда

Я встретил Мелинду в клубе в Далласе, после того, как мы там отыграли, летом 1980-го года. Она была американкой и немного занималась модельным делом. Мы стали встречаться, довольно быстро притёрлись друг к другу, и она отправилась с нами в дорогу. В группе наверное подумали: что это он? Потому как она побывала с нами в Австралии, Японии, Новой Зеландии, повсюду.

Однажды, когда мы были в Лос-Анджелесе, мы решили пожениться прямо в отеле Sunset Marquis. Я принимал куаалюды и много всякой другой чёртовой дряни, так что я был как с другой планеты вообще-то. Я позвонил викарию и спросил: “Вы не могли бы прийти и поженить нас?”

Он согласился, всё оказалось просто: подпишите эти формы, и вперёд. И потом он спросил: “Кто свидетель?”

Я ответил: “У меня нет свидетеля.”

“Ну, вам нужен свидетель.”

По случаю в номере оказался большой плюшевый медведь и я говорю: “Вот свидетель подходящий.”

Он ответил: “Ладно.”

Так всё и было. Он не сказал: “Так не пойдёт.”

Всплыло всё в суде. Когда дошло дело до развода, я сказал: “У меня действительно не было свидетеля.”

Они мне: “А кто же тогда был за свидетеля?”

“У меня там за свидетеля был плюшевый мишка.”

Окончилось всё хорошо. Похоже, это не имело никакого значения.

Вот так всё и случилось. Мы поженились в Sunset Marquis.

После гастролей с Дио мы вернулись в Англию. Там Мелинда подарила мне прекрасное дитя. Тони родилась в 1983-м. У нас было счастливое время, но потом у меня начались проблемы с Мелиндой.

Она могла пойти по магазинам и вернуться с кучей платьев, на которых ещё были бирки. Она за них не платила, и я до сих пор не понимаю почему. Это было не из-за нехватки денег, мне было по-настоящему стыдно, так как я был знаком с людьми из магазинов. Может, она думала, что я позабочусь о всех этих счетах. Естественно, это породило напряжение в браке: было много ссор. Она выходила из себя и вела себя очень скверно. В конце концов она уехала обратно в Даллас вместе с Тони. Когда мы расходились, мой бухгалтер позвонил из Лондона и поинтересовался: “Какого хера происходит? Я получил счёт размером в 100000 по твоей карте American Express, и ещё у меня тут счёт по твоему MasterCard’у. Сколько денег ты способен растратить за месяц?”

“Ты о чём вообще говоришь? Я не трачу столько денег!”

“Ну, значит кто-то это делает за тебя!”

Оказалось, что Мелинда договорилась с компанией по прокату лимузинов, при ней круглосуточно был телохранитель, и двадцать четыре часа в сутки в её распоряжении был лимузин. Она, должно быть, решила, что я убить её собрался или что-то вроде. Не знаю, как она это сделала, потому что она не обладала правом подписи по счетам с моей карты, но я получил эти гигантские счета и серьёзную проблемку: я должен был заплатить. Так вот всё и закончилось.

Английские суды знать ничего не желали, так как Мелинда отказывалась прилетать из Америки. Мне говорили: “Может, если вам удастся возратить её сюда...”

Заполучить развод отняло много времени. Её сторона затрудняла дело, как только могла, пытаясь получить как можно больше денег. Приезжали адвокаты из Америки и проверяли все мои счета. Как ни абсурдно это звучит, но моей обязанностью было принимать всех этих людей, когда они появлялись, а они желали останавливаться в таких местах, как, скажем, грёбанный Ritz в Лондоне. Счета, которые выставляли эти кадры, были невероятными. И это тянулось и тянулось, так как они были уверены, что я скрываю кучу денег. Они, наверное, думали: у него там миллионы в заначке. Они так сами делают. Это был кошмар. И это ужасно отражалось на нашей дочери Тони к тому же. Ситуация была поистине странная. Я фактически не общался с матерью Милинды, но она оказалась милой женщиной и была не согласна с тем, что происходит.

Мне не было позволено видеться с дочерью, так как по какой-то причине именно я стал козлом отпущения во всей этой истории. Только спустя много времени мне дали добро на встречи с ней, но

только в Далласе или Лос-Анджелесе. Я никуда не мог её взять. Эта дверь была закрыта плотно. Годы спустя мне позвонили из службы защиты детей из Америки, сказали, что Тони забрали из дома. Соседи жаловались, и люди из социальной службы по работе с детьми наведались туда и обнаружили, что она на самом деле влачит жалкое существование. Я мучался вопросом: что же мне делать? Я хотел забрать её к себе! Но мне не разрешили взять Тони. Я снова пошёл по судам, чтобы заполучить её.

Это разбивало мне сердце, но прошли годы, прежде чем Тони разрешили приехать домой.

52. Толпа правит

В декабре 1980-го мы поехали в Tittenhurst Park в Аскоте для того, чтобы записать песню к фильму “Heavy Metal”. Этот дом когда-то принадлежал Джону Леннону. Ринго Старр выкупил его и сдавал людям вроде нас, там можно было сочинять, репетировать и записываться. Мы попали сюда непосредственно после убийства Леннона, поэтому ощущения были по-настоящему странные. Мы провели там неделю, и у нас было полно времени, чтобы облазить это место. Мы заглядывали в шкафчик для посуды: “Ну, что тут у нас? Ага, ещё золотые диски!”

В спальне на выключателе света с одной стороны кровати было написано “Джон”, а с другой - “Йоко”. Это довольно необычно, можете себе просто представить, как они начинают: “Сегодня я с какой стороны?”

Комната, в которой мы репетировали была белой, та, которую вы увидите во всех фильмах про Джона и Йоко. У них была небольшая студия в задней части дома, и мы просто воспользовались их оборудованием. Мы расположили Винни в холле, а мой усилоч был в студии. Также мы задействовали и инженеров Леннона, так что наслушались всяких историй. Несколько дней всё шло отлично. Атмосфера вышла на славу и мы почувствовали какую-то хорошую ауру там.

“Heavy Metal - это мультфильм. Нас попросили написать песню для саундтрека, но картина была ещё не закончена, так что они выслали нам только какие-то черновые скетчи и раскадровку. По этому сложно было писать что-то, так как понятия не имеешь о том, как распределяется по времени сцена. Нам просто назвали длину музыкального отрывка, которая им была нужна, и, я полагаю, анимацию они рисовали уже больше основываясь на том, что мы придумали. Мы сделали интро, сопровождающее сцену, где люди вскоре превратятся в монстров. Наложили эффекты, булькающие звуки, бас и Бог знает что ещё, а затем перешли к номеру “Mob Rules”. Мы записали его там же и отослали людям, занимавшимся мультфильмом, а они вставили это в саундтрек. Мы намеревались использовать эту запись в нашем новом альбоме, но наш продюсер Мартин Бёрч сказал: “Ооо, нетушки, по звуку несоответствие получится”, поэтому в конце концов мы перезаписывали песню дважды, так как в первый раз наша великая схема дала сбой.

Мартин спросил: “Вы хоть знаете, сколько это стоит - записать альбом? Почему бы вам не купить свою студию? Тогда мы могли бы просидеть там два месяца, три или сколько бы не потребовалось, и не волновались бы о том, во сколько это обойдётся.”

Это была клёвая идея. Мы послали Мартина в Эл.Эй посмотреть студию, которую он нашёл, понять, подходит ли она. Он сказал: “Она хороша. Нужен лишь новый пульт.”

Мы купили её и чёртов микшерный пульт, который стоил четверть миллиона, установили его, поставили плёночные аппараты и отправились туда записываться.

Получилась херня.

Мы никак не могли отстроить звук гитары. Мы пробовали в студии. Пробовали в холле. Пробовали везде, но ничего не выходило. Мы приобрели студию, но в ней ничего не получалось! Мы записали новую версию “Mob Rules”, но забили на неё. В итоге мы подались в “Record Plant”, где снова должны были платить, так что запись обошлась нам вдвое дороже. Никто поверить не мог: “Слышал, вы студию прикупили. А чего записываетесь в “Record Plant”?”

“Ээ...ну...”

Закончилось всё продажей пульта. Мы послали команду забрать его, но кто-то подумал, что это было ограбление и позвонил копам. Пока ребята делали своё дело, снаружи притаилась группа захвата, готовая повязать их. Всё прояснилось и утряслось. А затем мы продали студию. Не знаю, что с ней сделали, но сейчас она как-то работает.

Мы написали остаток песен для “Mob Rules”, будучи в Лос-Анджелесе. Где-то в Долине мы нашли помещение для репетиций, где опробовали разные вещи и идеи, записывали это на плёнку и брали с собой домой. Я снял дом на озере Толука. После репетиций с группой мы с Джеффом возвращались туда, принимали немного кокса и работали над какими-то идеями. Мы накладывали новый ритм, изменяли что-то, добавляли, пробовали несколько новых идей, а на следующий день все снова собирались вместе в репетиционной и пробовали опять. Джефф не был единственным моим визитёром на озере Толука. Однажды вечером приходил Гленн Хьюз (Glenn Hughes) с гитаристом Патом Троллом (Pat Thrall). Естественно, у меня был кокс. Гленн начал: “Эээ...У тебя не найдётся немного...нет?”

Я ответил: “Да, чуть-чуть есть.”

Я отправился в спальню, взял немного у себя в заначке, вернулся и сообщил: “Вот что у меня есть.”

“О, клёво!”

И весь порошок в мгновение исчез.

Гленн опять: “У меня нет больше, а у тебя? У тебя есть?”

Пат Тролл был в шоке, так как он никогда не видел Гленна в таком состоянии. Они проторчали у меня до четырёх или пяти утра, пока я не сказал: “Гленн, мне в постельку надо, утром я должен быть в студии.”

“О, ещё разок, только разок!”

Я сказал Пату: “Ты должен забрать его домой.”

А он мне: “Извини. Я не знаю, как с ним управляться. Что мне делать?”

“Просто сажай его в машину и вези домой!”

Я не хотел поступать так с Гленном, но в конце концов мне пришлось выставить его из дома: “Вон!”

Они бы до конца света просидели, если бы я не сделал этого. У них был совместный проект, Hughes/Thrall. Недолго. Всё удивляюсь, почему бы это.

В любом случае тот дом был ужаснейшим местом. На озере Толука стояла жара, и когда я поселился в этом месте, в доме не было кондиционера. Я уже не понимал, за что мне такую цену вломили. Там было как в сауне. Соседи наверное думали, что я с приветом, так как я обложил все окна фольгой, чтобы тепло отражалось. Это было чудовищно. Я не мог дожидаться, когда съеду.

Затем я на какое-то время поселился в отеле на Sunset Boulevard. Приходил Ронни, и мы кое-что придумывали в номере гостиницы. Мы обнаружили, что полезно иногда посидеть вдвоём, обмениваясь идеями вместо того, чтобы работать с кем-то ещё, жидущим, что ты предложишь что-

нибудь.

“Heaven And Hell” вышел на славу, и тур имел огромный успех. Члены группы хорошо ладили друг с другом, но всем приходилось прикладывать усилия, чтобы так всё и оставалось, потому как в целом было ощущение, что взрыв может произойти в любую минуту. После успеха записи Warner Brothers продлили контракт и в то же время предложили Ронни сольную сделку. Для нас это звучало как-то дико, так как мы были группой и не хотели, чтобы нас разделяли. Я не говорю, что ему не следовало заключать сольный контракт, но на тот момент это выглядело неправильным ходом. Мы поговорили об этом, с Ронни всё было в порядке. И мы просто пошли дальше.

К тому времени Ронни стал немного... я бы сказал, властным. То, как он себя вёл, как разговаривал, могло создать у внешнего мира такое впечатление, но обычно под этим он ничего такого не подразумевал. Просто Ронни был очень откровенным. С другой стороны мы с Гизером не любили пререкаться. Мы всегда были такими, старались не наезжать ни друг на друга, ни на кого-нибудь ещё. В дальнейшем это привело к обратным результатам, так как мы не говорили того, что чувствовали, прямо. Вместо этого мы сначала говорили об этом вдвоём, и выглядело это так, будто бы делали это у кого-то за спиной, что обернулось разными проблемами. Естественно, мы и об этом говорили не сразу, а лишь обсудив между собой, и это приводило к ещё большим проблемам, чего мы, конечно же, не желали... Ну, вы поняли, о чём я толкую. В конце концов это вылилось в то, что уже нельзя было разрешить, не важно как много об этом все говорили или не говорили.

Так или иначе, но “Mob Rules” записывался спокойно. “Turn Up The Night” была быстрой песней и хорошим стартом для альбома. В сотрудничестве с Ронни, каким-то образом, быстрые вещи шли легче, чем прежде. Еще одним выделяющимся треком была композиция “The Sign Of The Seven Cross”. Мы хотели сделать для альбома по-настоящему мощный номер, такой же как “Heaven And Hell” на предыдущем альбоме, и вот что получилось, еще одна эпическая, длинная песня.

Альбом был издан 4-го ноября 1981-го года. Как только мы взглянули на обложку с работой Грега Хилдебрандта (Greg Hildedrandt), мы тут же сказали себе: “Вау, нам это по нраву.”

Единственное, что мы убрали, это лица и масок фигур. Случился небольшой спор по поводу пятен внизу рисунка. По мнению некоторых это была надпись, читавшаяся как “Ozzy”. Кто-то упомянул об этом при нас, но мы не поняли: “Чего?”

Полная чупуха. Я ничего такого не заметил и до сих пор не могу.

Так же надо отметить, что хотя большинство отзывов о “Mob Rules” были позитивными, некоторые критики написали: “Это просто вторая часть “Heaven And Hell”.

Всем не угодишь.

“Это просто продолжение того, что вы уже делали раньше.”

“Ну, да, это же группа!”

“Я понимаю, но звучит, как продолжение вашего предыдущего альбома.”

“Ага, так и есть. это и есть следующий альбом!”

Или, если наоборот начинали: “О, ничего похожего по сравнению с прошлым альбомом.”

“А то, это же другой альбом!”

А что ещё делать было?

53. Толпа гастролирует

Тур “The Mob Rules” начался в ноябре 1981-го года с Канады, за которой последовали Штаты. Затем

мы вернулись домой ради четырёх вечеров в Hammersmith Odeon в канун Нового Года. Мы использовали много пиротехники и зарядов, на нас работал чувак, следивший за всей этой кухней. Перед выступлениями мы репетировали в Лондоне в большом помещении за ирландским пабом. В то время ИРА организовывали множество взрывов в городе. Наш пиротехник решил проверить заряд в репетиционной. Он взорвался, и из ирландского паба в панике ломанулись все посетители. Это был хаос, сущий хаос. Один из наших парней, сидевший в пабе, рассказал: “Я поверить не мог, всех просто как ветром сдуло. Оставили выпивку и всю остальную хрень, фьють, и пропали!” Эти заряды были действительно громкими. Все, небось, решили: чёрт, кто-то пытается взорвать нас. Это было безумие.

Мой хороший друг Брайан Мэй приехал проводить меня, когда мы репетировали. Я предупредил его: “Прихвати свою гитару, устроим небольшой сейшн.”

Он её взял, и когда мы закончили с нашим сет-листом, мы с Брайаном остались поиграть. Мы джемовали, а тем временем техники постепенно разбирали аппаратуру. Мы обернулись, а там были только мой кабинет и его усилки, и мы удивились: “Грёбанный ад, всё уже убрали!”

Мы совершенно ничего не заметили, так как увлеклись своим занятием. Пиротехник не смог из-за нас снять один из своих зарядов, а мы даже не обратили внимания!

Мы играли в Hammersmith, и всё тот же пиротехник установил заряды под сценой. Он опробовал один из них, раздался взрыв, и в полу с моей стороны образовалась двухфутовая дырочка. Если бы я оказался там, то мог взлететь на воздух. Господи, это было опасно. Парень становился источником неприятностей, так что в конце концов мы сказали ему: “Ты уволен!”

Без шуток.

Пару месяцев спустя мы выступали в Madison Square Garden. Парень, работавший на меня и занимавшийся всеми моими усилками, смастерил длинные толстые трубы. Он нашёл, что если такую наполнить пиро-материалом, получаются знатный хлопок. Он устроил нам демонстрацию, и мы дали добро. Он разместил трубы под сценой в Madison Square Garden, чтобы задействовать во время “War Pigs”. На первой же ноте: “Даа...” получилось “Бабаааа!”

Сцена подскочила, и от сотрясения все лампы повыходили из строя что в моих усилках, что в стойке Гизера. Эта была катастрофа. Мы успели сыграть только начальную ноту, и всё было закончено. С нами было всё в порядке, но пришлось закруглиться.

Бум! Это было всё, конец, спасибо и доброй вам ночи!

После пары недель гастролей по Британии последовали шоу в Hammersmith, затем планировалось, что в феврале мы вернёмся в Америку.

И тут умер отец.

Ему нездоровилось какое-то время. У него была эмфизема, так как всю жизнь он курил как паровоз. Я был дома в Англии. Однажды ночью позвонила мама. Отец выпал из кровати. Я вызвонил его доктора, крича, чтоб тот отправился к нему. Я бросился туда вместе с Мелиндой и нашёл отца на полу, без сознания, тяжело дышащего. А затем он просто обмяк и умер.

Я был свидетелем того, как он умирает. Это было ужасно.

Тяжёлое было время. Мы отложили начало Американского турне, но уже вскоре я снова играл, вечер за вечером, путешествуя с места на место. Трудился, не покладая рук... так же, как всю свою жизнь делал отец.

54. Полтергейст при микшировании

Турне “The Mob Rules” прошло без сучка и задоринки, и мы хорошо ладили друг с другом, хотя и были разговоры о том, что Ронни планирует делать сольный альбом. Нам с Гизером было неприятно узнать такое. Мы слышали, что у него проходят репетиции с группой, и не понимали, какого чёрта происходит.

В Америке мы записали множество концертов для того, что в последствии станет первым официальным концертным альбомом Black Sabbath. Мы снова находились в студии Record Plant в Лос-Анджелесе. У нас там был паренёк по имени Ли Де Карло (Lee De Carlo), который занимался инженерской работой и микшированием. Его сестра, Ивон Де Карло (Yvonne De Carlo), была актрисой, сыгравшей Лили Мюнстер в “Семейке монстров” (“The Munsters”). Мы взялись за микширование этого концертного альбома, а потом началось: я, Гизер и Ронни уходим из студии, а когда возвращаемся на следующий день, всё звучит по-другому. Ли молчал как партизан. Мы укладывали всё, как надо, возвращались на другой день, и снова всё не так! В конце концов Ли сломался. Это сводило его с ума, он потреблял всё больше скотча и в итоге проговорился: “Должен вам сказать, когда вы уходите, Ронни возвращается и всё меняет.”

“Шутишь!”

“Нет. Не знаю, что ещё сказать. Я тут в невыгодной ситуации.”

“Почему же ты не рассказал нам о том, что происходит?”

“Я не знал, что делать!”

Ронни всегда отрицал, что он делал что-то подобное, но это то, что поведал нам Ли. Насколько это правда, я не знаю - есть только его слова - но на тот момент мы ему поверили. Мы пришли в ярость и закатили большой скандал прямо в студии. Мы запретили Ронни заходить туда, и это был конец.

Ронни заявил: “Я сваливаю.”

Он ушёл, а с ним ушёл и Винни. Всё разлетелось к чертям.

Мы с Гизером остались и завершили работу с записями. “Live Evil” был опубликован в конце 1982-го года - начале 1983-го. Он расходился достаточно неплохо, учитывая обстоятельства и тот факт, что группа к тому времени распалась.

Удивительным образом Оззи выпустил концертник в то же самое время. И если на “Live Evil” вещи из “Heaven And Hell” и “The Mob Rules” шли наряду с кое-каким старым материалом, то “Speak Of Th Devil”, пластинка Оззи, состояла сплошь из песен Sabbath, ничего из сольного репертуара. Я был неприятно удивлён тем, что он отобрал туда только старый материал. И я удивляюсь до сего дня: он выходит и поёт “Iron Man” и “Paranoid”, несмотря на весь багаж отличных песен, которые он сделал самостоятельно. Полагаю, что выпуск такого концертного альбома был идеей Шарон, попытавшейся добиться реакции провокацией..

После того, как Ронни и Винни ушли, я позвонил Дэвиду Кавердейлу (David Coverdale) и Кози Пауэллу (Cozy Powell), чтобы узнать, не заинтересует ли их идея присоединиться к нам, на что Кавердейл ответил: “Ээх, ребята, я только что подписал контракт с Geffen Records на издание альбома Whitesnake.”

Кози также был занят в Whitesnake, так что именно это и заботило их обоих на тот момент.

Нам с Гизером пришлось многое переосмыслить. Нам прислали миллион плёнок от различных вокалистов, большинство из них были ужасны. Одним из них оказался Майкл Болтон (Michael

Bolton). Я об этом и не знал тогда. Майкл пришёл и спел “Heaven And Hell”, “War Pigs” и “Neon Knights”. Он был довольно неплох, но это было не совсем то, что мы искали тогда. Оплошали мы тут, правда? Прокол небольшой получился.

Непросто было найти кого-то, кто соответствовал бы нашим запросам и пел материал и Оззи, и Ронни. Но оказалось, что неподалёку ошивался совершенно невероятный чел, и мы вскоре переродились...

57. Рождённые заново в Поместье

К моменту, когда Ронни и Винни ушли, по части менеджмента мы снова переключились ни на кого иного, как Дона Ардена. Он не был заинтересован заниматься нами без Оззи, но поменял точку зрения, может быть, в том числе из-за разрыва с Шарон, после которого она увела Оззи. И после катастрофы с Сэнди Пёрлменом мы приняли Дона обратно с распростёртыми руками.

У Дона родилась идея познакомить нас с Йэном Гилланом (Ian Gillan), прославившимся с Deep Purple. Он сказал: “Посмотрим, как вы с ним сойдётесь!”

Я не знал Йэна. Мы договорились встретиться во время ланча в пабе под названием The Bear в Вудстоке, Оксфордшир. Мы пропустили по стаканчику, потом ещё, затем ещё по одному, и снова выпили. Паб открывался и закрывался, открывался и закрывался, а мы всё ещё были там. К концу ночи у нас была совместная группа.

На следующий день, конечно же, Йэн ничего не мог припомнить отчётливо, так как его менеджер, Фил Банфилд (Phil Banfield), выговорил ему: “В другой раз, когда решишь команду сколотить совместно с кем-то, меня в известность поставишь? Мне только что Дон Арден звонил и сообщил: “Ну, он только что присоединился к Black Sabbath!””

Мы определённо навели шороху в индустрии. Наше объединение свело всех с ума. Даже в пабе в Вудстоке фанаты с недоверием косились на нашу троицу. Это было из ряда вон: ребята из двух крупных команд собрались вместе, чтобы создать новую группу.

Фил Банфилд управлял делами Йэна, а Дон управлял нашими (позже Фил представил нас Ральфу Бейкеру (Ralf Baker) и Эрнесту Чепмэну (Ernst Chapman), взявшими управление на себя в 1988-м году). Мы предоставили Дону утрясти дело, так как Фил не очень-то горел желанием затягивать с ним переговоры. Фил и Йэн смотрели на него с выражением: “Дон Арден! Да он вам руки поотрывает!”

Мы не собирались называть группу Black Sabbath. Идея была собрать супер-сочетание людей из разных команд и назвать это как-то. Но Дон решил, что мы должны остаться под вывеской Black Sabbath, и в конце концов мы согласились: “Ну, пусть будет так.”

Мы с Биллом Уордом оставались на связи, и, когда образовалась новая группа, я подумал: а ну-ка, посмотрим, что там Билл себе думает. Мы попросили его приехать, и вскоре он был с нами. Мы решили, что было бы классно, если Билл снова будет играть, ведь в этом и есть его суть - он музыкант. В то время у него было всё в порядке. Он жил в Лос-Анджелесе, бросил пить. Он приезжал в Англию с челом из Анонимных Алкоголиков, попечителем, так что мы полагали, что он ведет трезвый образ жизни.

Мы отправились в The Manor, студию в сельской местности Оксфордшира, которой владел Ричард Брэнсон (Richard Branson), чтобы записать “Born Again”. Йэн сказал мне: “Когда будем записываться, я останусь снаружи.”

Я не понял: “Снаружи? Что ты имеешь в виду?”

“Ну, я поставлю шатёр на улице и буду там.”

“Зачем это?”

“Возможно, так будет лучше для моего голоса.”

“Ладно.”

Я решил, что он шутит, но когда я приехал в Поместье (The Manor), обнаружил шатёр и подумал: грёбаный ад, да он это всерьёз. Йэн натянул большой непомерный тент. У него там было место для готовки, спальня и всё что угодно.

После турне у нас осталась куча пиротехники, так что однажды ночью мы обложили её вокруг тента. После того, как Йэн отправился баиньки, раздалось: бабах! Вся шутовина поднялась в воздух, а он на земле в непонятке: “Что случилось?”

Хуже было другое, тент Йэн установил прямо у озера, где Ричард Брэнсон разводил всякого рода ценную рыбу по три фута в длину. Ударная волна прошла по озеру, и часть рыбы погибла, а остальная часть контуженная плавала на поверхности. Контуженный карп: когда Брэнсон прознал об этом, то был совсем не рад.

В Поместье мы надумали, что в перспективе, возможно, было бы дешевле купить свои машины, а не нанимать их для грядущего турне, поэтому мы приобрели четыре новеньких форда. Билл особенно был доволен своими новыми колёсами. Однажды вечером мы были в пабе, и Йэн ушёл домой в Поместье немного раньше остальных. Там было поле для картинга вокруг плавательного бассейна. Йэн решил взять одну из машин и погонять по нему. Он потерял управление, и бам, машину перевернуло. Он вылез, и тачку охватило пламя, как только он её покинул. Он вернулся, бросил ключи на стол заявил, что отправляется в постель. Следующим утром Билл встаёт и спрашивает: “Что с моей тачкой произошло?”

Мы нашли её на поле, перевёрнутой с сгоревшей. Биллу крышу сорвало: “Кто ж наделал такое?!” У Йэна была лодка на Червилле (Cherwell), речке, протекавшей позади Поместья. Билл вычислил, что это Йэн перевернул его машину, так что он, прихватив стамеску, смотался на речку, продолбил дыры в днище лодки и затопил её. Теперь Йэн бушевал: “Грёбанное пекло, кто-то спёр мою лодку!” Он съездил вверх и вниз по реке узнать, может её унесло или кто-то украл её. Найти её он не смог и совершенно расстроился. Он заявил о пропаже лодки, но потом обнаружил, что она в реке, под водой. На ней было два огромных новых двигателя, и они были испорчены. Так вот Билл должок вернул.

Йэн выбрался без единой царапины из разбитой машины Билла, но поранился, когда пытался влезть в мою комнату через окно. Он вскарабкался по приставной лестнице, шагнул через окно, зацепившись ногой о радиатор, упал в комнату и повредил лодыжку. Всё из-за того, что намеревался подложить рыбину в мою кровать.

Чудак-человек.

Ричард Брэнсон заехал и остался на несколько дней, они с Йэном курили огромные косяки.

Правильный чел. Дон Арден и его сын, Дэвид, тоже навестили нас в Поместье. Чтобы их поприветствовать, как полагается, мы подложили под въездные ворота немного зарядов. Когда Дон с Дэвидом проезжали, заряды были приведены в действие: буум!

Это было странное сочетание - тот состав группы, но мы вдоволь похохмили. Продюсировали мы

альбом сами. У Йэна в то время на голосовых связках образовались узелковые утолщения. Когда мы впервые встретились, он сообщил: Я слишком много петь не смогу, у меня есть проблемы с голосом.”

“Да?”

Но песни мы записывали без особых заминок. Лирика Йэна - о сексуальных отношениях и реальных фактах, даже о событиях, случившихся тут и там в Поместье. Тексты были неплохи, но это очень отличалось от того, что делали Гизер и Ронни. Там в Поместье было одно кирпичное здание, вблизи церкви. У меня там стояла аппаратура, так как я искал другой звук гитары. Шум стоял оглушающий, и местные жаловались. Они сварганили петицию против нас, и священник носился с ней повсюду. Вот почему одна из композиций пластинки называется “Раздражая священника” (“Disturbing The Priest”). Это отличный пример того, как Йэн писал о всамделишных событиях.

В те дни приходилось самостоятельно делать эффекты, Билл сделал этот отличительный звук “тингнг” для “Disturbing The Priest”. Он получил его, ударяя по наковальне и окуная её в ванну, полную воды, поэтому звук “тингнг” медленно менялся и угасал. Это отняло у нас целый день, так как попытка плавно опустить наковальню в ванну была тем ещё кошмаром. Нужно было два человека с одной стороны и два с другой, чтобы опускать её, и кто-то ещё, чтобы бить по ней. Видок тот ещё был: если бы кто-нибудь снимал, получилось бы очень ржачно. Но это сработало. И это всё, только чтобы получить этот “тингнг”, который в наше время за несколько секунд можно слепить на компьютере.

Я считал “Zero The Hero” отличным треком, и оказалось, что я не единственный, кому он нравился. Когда я услышал “Paradise City” Guns N’Roses, я подумал: адское пекло, звучит, как один из наших номеров! Кто-то также заметил, что Beastie Boys, похоже, позаимствовали рифф для вещи “(You Gotta) Fight For Your Right (To Party)” из нашей песни “Hot Line”. Если это правда, давайте-ка подадим на них в суд. Можно больше не играть, зарабатывая деньги только в судах! “Keep It Warm” родилась из риффа, который появился у меня во времена “Mob Rules”, и я решил, что пришла пора использовать его. У меня есть привычка сохранять свои риффы, у меня их тысячи. Знаете, рифф хорош, когда ты играешь его, и он тебя цепляет. Ты просто чувствуешь, когда рифф хорош. Рифф, который может подходить для начала новой песни, это такой, что когда он начинается, ты понимаешь: вот оно, мне нравится! Пока я нахожу, что всё ещё способен создавать их, я обычно не возвращаюсь к старым, я их только накапливаю. Может, стоит продавать риффы!?

Когда дело дошло до микширования, Йэн включал материал офигенно громко. Якобы он даже спалил пару пиццалок в студийных колонках таким образом. И микс мы делали, не подозревая, что они вышли из строя, так как никто этого не заметил. Мы просто думали, что это какой-то забавный призвук, но где-то между микшированием, мастерингом и производством этого альбома всё пошло не так, как должно. Мы за всем этим уже не следили, но очевидно, что когда тестировались отпечатки, звук был тусклый и искажённый. Я об этом не знал, так как мы уже были в турне в Европе. Когда я услышал пластинку, она уже была в чартах, звук был ужасен. Продавался альбом хорошо, но мы были разочарованы тем, что всё вышло не так, как мы хотели. Оригинальные плёнки звучали намного лучше.

“Born Again” очень отличается от того, чем мы занимались прежде. По лирике, потому что то, как смотрит на вещи Йэн, было далеко от того, как это делали Ронни и Гизер. По звучанию, так как в

процесс закрались искажения. Но на нём были кое-какие очень хорошие, тяжёлые номера. С обложкой вышел другой случай. Йэн не мог поверить в то, что он увидел. Он начал: “Так нельзя. Нельзя помещать на переднюю обложку младенца с когтями и рожками!”

Он совершенно возненавидел обложку. Кто-то показал эту штуку Дону Ардену: “У меня есть тут идея для вас...”

И Дон ответил: “Замечательно!”

Он в открытую давил на нас: “Думаю, это вызовет много проблем, подогреет интерес, люди будут обсуждать это!”

Люди обсуждали, с этим не поспоришь.

Когда я впервые увидел иллюстрацию, у меня дело до коликов дело не дошло, но оказалось что это всерьёз.

“И для кого это только?”

“Для нас!”

По ходу записи у Билла были некоторые проблемы с бывшей женой. полагаю, это было связано с вопросом опеки над их сыном. Однажды я купил Биллу памятный значок по поводу того, что он уже год держался без алкоголя. Я направился к нему, а он был пьян вусмерть. Это был удар ниже пояса, так как всё шло хорошо, и вдруг: бац! он выходит из завязки и снова в депрессии. Я спросил Гизера: “Что случилось? Что творится?”

Он ответил: “О, он получил плохие новости из Лос-Анджелеса.”

Попечитель из Ассоциации Анонимных Алкоголиков к тому времени уже исчез. Мы поймали его на краже вещей Билла и отправили восвояси. Мы пытались вернуть Билла в норму, но он впал в странное состояние. В течение следующих нескольких дней он сидел на кухне в Поместье. Это был красивый старинный дом с оригинальными оконными окладами, и приступе ярости Бил кидал тарелки, глиняную посуду и всё, что попадётся, через них. Мы позвали людей восстановить их, поставить окна на место и застеклить их, и, поверите ли?, на следующий день Билл сделал то же самое снова. Он был не на шутку рассержен происходящим и пожелал вернуться обратно в Эл.Эй. Мы были в прострации. Он записал альбом, и... а теперь-то что?

58. Размер имеет значение

Мы озадачились вопросом, кто бы мог подменить Билла. Я звякнул Биву Бивэну (Bev Bevan), который играл в The Move и ELO, поинтересоваться, не смог бы он на время помочь. Бив - старинный приятель. Он ответил: “Не знаю, смогу ли я такое играть.”

Я ему: “Ну так приезжай, попробуешь.”

Мы порепетировали, он разучил песни, играя всё лучше и лучше по мере того, как процесс продвигался, поехал с нами в турне и оставался с нами до тех пор, пока держался этот состав.

Поначалу мы даже не знали, как надолго понадобится Бив. Мы рассчитывали, что Билл вернётся, но он бы не в состоянии сделать это.

Когда мы размышляли об оформлении сцены для тура “Born Again”, Гизер предложил: “Почему бы нам не соорудить что-то, напоминающее Стоунхендж (Stonehenge), ну, знаете, с камнями и всем таким?”

“Ммм, хорошая идея.”

Гизер накидал эскиз того, как это должно выглядеть, и отдал дизайнерам. Два или три месяца спустя

мы увидели результат. Мы репетировали в Бирмингеме, готовясь к туру, и сказали друг другу: “О, круто, сегодня сцена будет готова!”

Нам доставили декорации, и мы глазам не поверили. Они были также огромны, как и настоящий Стоунхендж. Они неправильно поняли расчёты Гизера и решили, что всё должно быть реальных размеров. Я спросил: “Как, чёрт возьми, такое могло произойти?”

“Ну, я размеры в сантиметрах указал, а они, должно быть, подумали, что это дюймы.”

Мы были потрясены. А декорации всё вносили и вносили. Там были задние колонны шириной в среднюю спальню, а передние - высотой в 13 футов, а у нас еще были мониторы и боковые порталы кроме этих камней. Декорации были выполнены из стекловолокна и древесины, и весили они чертовски много.

Турне продолжилось в Европе. Я предложил сыграть “Smoke On The Water”, так как Йэн был известен по ней, и было бы не очень справедливо не играть ничего из его собственного материала, только из нашего. Не знаю, правильно ли мы её исполняли, но публике нравилось. Критики подняли вой: это было не по правилам, и они ничего не хотели об этом знать.

У Йэна были шпаргалки с текстами, так как ему не хватило времени всё запомнить. Они были распределены по сцене. Однажды во время исполнения “Black Sabbath” техники надули чересчур много искусственного снега. Йэн стоял головой вниз, волосы закрывали лицо, а он пытался и фырчал, пытаясь сдуть снег с листов с текстами.

Я сказал: “Ты не можешь постоянно раскладывать эти листы вокруг, это очевидно.”

Он ответил: “Я уже почти всё запомнил. Скоро выучу!”

Но так никогда и не выучил, он просто не мог их запомнить. Кроме того, Йэн не слишком крепко держался на ногах. Один раз он упал на мой педалборд. Он натёкался на людей, отступал, и бац! задницей на землю. Он вспрыгивал и делал вид, что так и было задумано. Йэн был очень прикольный. Факт есть факт, вне сцены Йэн был чёртовым сумасшедшим. На сцене он был спокойнее. Вместо того, чтобы беситься на сцене, а потом успокаиваться!

У Йэна, когда он к нам присоединился, было два больших бонга на подставке, как у Эдмундо Росса (Edmundo Ross). Я сказал: “Ты не можешь играть на них!”

Он ответил: “Но я всегда использовал их, пока был в Purple.”

“В Black Sabbath будет выглядеть неуместно, если прямо перед тобой будет торчать стойка с бонгами.”

“Ну, если их не будет, я не буду знать, куда девать свои руки. Я так привык колотить по ним.”

“Это будет смотреться ужасно - чёртовы бонги посреди сцены.”

“Что, если я размещу их в стороне, рядом с Гизером?”

И тогда он установил их рядом с Гизером. И стучал по этим бонгам.

Однажды команда привязала к ним проволоку. Идея была в том, чтобы тянуть за неё, пока Йэн играет, и ему бы пришлось следовать за бонгами. К несчастью, вышло не так хорошо. Когда они потянули, бонги закачались и чуть не опрокинулись. А он всё пытался бить по ним. В конце концов нам, слава богу, удалось избавиться от них.

Когда Йэн только пришёл к нам, он посетовал: “Не знаю, во что одеваться.”

Я ему: “У нас все в чёрном ходят, или, может, в коже.”

“Я вообще-то не ношу кожаное.”

Трудновато петь в Black Sabbath в цветастой рубашке, так что мы попросили его надевать что-нибудь потемнее. Он обзавёлся пятью или шестью жилетами, все были из чёрной кожи, а под конец у него появились ещё и кожаные штаны. К этому мы подводили его шаг за шагом.

13-го сентября бы должны были играть на арене для боя быков в Барселоне. Накануне нас пригласили в расчудесный клуб. Выпивка лилась рекой, и Йэн решил поджечь задницу официанта. Он запалил свою зажигалку, пока парень обслуживал кого-то другого, поджигая его с кормы. Я подумал: ну, приехали, и сказал Биву: “Я возвращаюсь в отель.”

Он мне: “Я с тобой.”

И Йэн тут же: “Притормози, через минуту мы все отправимся с тобой.”

“Вот грёбанное пекло. Ну, ладно, хорошо.”

Он тяпнул ещё, заведение к тому времени закрывалось, так что мы двинули. Йэн поднялся со своей пинтой пива, но ему сказали: “На вынос нельзя.”

И бац! Началась драка, и скверная. Они появлялись отовсюду, весь персонал с кухни, официанты, просто чёртова прорва, с ножами, нунчаками, как в боевых искусствах, и всякой подобной хренью. А нас было группа и два парня из охраны. Мы дрались, спасая свою жизнь, но Йэна было не видно. Позже он заявлял, что свалился в канаву, но, я считаю, просто смотался. Гизер треснул кого-то стаканом и сильно порезал руку. Приехала полиция и арестовала его и одного из наших охранников. Они бросили их в каталажку вместе с двумя челами из клуба, так те продолжили колотить парня из охраны прямо там.

Не знаю, как мы только добрались до гостиницы. Оттуда мы пытались дозвониться до Дона Ардена, но в отель позвонили из клуба, и наши звонки заблокировали. Мы заволновались: “О, Боже. И что теперь?”

Нас выкинули из отеля, потому что они были связаны с тем клубом. В это была вовлечена мафия, тяжкий опыт. Мы забрались в наш гастрольный автобус и попробовали найти, где ещё остановится, но никто нас не принимал. Мы целую вечность колесили и, каким-то образом, но нам посчастливилось прибиться буквально в сотне ярдов от того места, где мы жили до этого. Нам удалось вызвонить Дона, и он сказал: “Я кого-нибудь пришлю.”

Он организовал команду из восьми немецких тяжеловесов, и те приехали. И прямо посреди ночи, а когда же ещё, бум, они тут как тут. Их главарь был постарше остальных, седой, в очках, прилично одет, он сказал: “Просто оставайтесь в номерах и не дёргайтесь. А я пойду, проведу их.”

Дон мне рассказал: “Это очень серьёзный чувак.”

Предположительно, он убил столько-то и столько-то людей, так что я подумал: блядь, не хотелось бы, чтобы мы в такое вставали! И я попросил его: “Господи, разрули проблему, но не ходи туда. Пожалуйста, не делай ситуацию еще хуже, чем она сейчас.”

Он ответил: “Они меня выслушают.”

Он был приятный в общении парень, и я с ним хорошо ладил, но это было похоже на кино. Мы играли на арене вечером, и я думал: о, Боже,

мы на открытом пространстве, мы повздорили не с теми людьми, нас тут поубивают! Но немцы держали под контролем все входы и гримёрки, а также поддерживали безопасность всего сооружения. Они были настоящими профессионалами.

Хуже всего то, что с нами тогда ездил парень из Дейли Мейл (Daily Mail). Он всё это видел и вставил

в газетный репортаж. Он приехал сделать несколько снимков и небольшую заметку о концерте на арене для боя быков, но увидел намного больше этого.

В октябре мы перевезли всю имитацию Стоунхенджа в Америку. У нас было много плотников и большая команда для сборки этого дела, но на большинстве концертов ничего не работало. Задние колонны были слишком высокие, и закончилось тем, что мы использовали только те, на которых были установлены кабинеты, мои и Гизера, но даже они занимали много пространства. На завершающей стадии тура мы постарались сбавить всё людям, купившим Лондонский Мост (London Bridge), которые воссоздавали в Аризоне, но они не захотели. Забрать всё обратно в Англию мы не могли, так что наша команда просто сгрузила всё в каких-то доках, там и оставила. Так мы и бросили в Америке Стоунхендж.

До недавнего времени я не видел фильм “Spinal Tap”. Дон сказал мне: “Завтра нам нужно сделать лицевую обложку.”

Я уточнил: “Нам с Гизером?”

“Со Spinal Tap?”

“Spinal Tap? Кто, чёрт возьми, такие Spinal Tap?”

Не думаю, что он сам знал тогда.

“Вроде это одна группа такая, они сейчас на подъёме, и у них выходит фильм.”

“И что, мы с ними должны делать обложку? Мы о них даже не слышали.”

Мы с Гизером всё же снялись с ними, это было забавно, но я так не обрёл чёткого представления, кто они такие. И только позже, когда я посмотрел фильм, я осознал, что к чему и откуда у них появилась идея сцены с крошечной копией Стоунхенджа.

И малорослик у них, кстати, тоже имелся.

Из-за того, что на обложке “Born Again” присутствовало изображение красного младенца с когтями и небольшими дьявольскими рожками, у Дона Ардена появилась идея воссоздать этого малютку на сцене. И однажды вечером на выступлении он сказал: “Хочу вам кое-что продемонстрировать.”

“Ладно.”

Он заставил меня и Йэна дожидаться вне комнаты и наконец произнёс: “Готово, можете войти.”

Мы вошли, там было темно, и мы увидели лишь красные глаза, таращившиеся на нас.

“Твою мать!”

Мы зажгли свет и увидели карлика в резиновом прикиде, выглядевшим как младенец с обложки. Мы подумали, грёбанный ад, Дон перешёл все рамки! А он: “Это будет суперским дополнением к шоу!” Суть идеи была в том, чтобы карлик взобрался на 13-футовые колонны, пробежал по ним, прыгнул на помост для ударной установки, который был примерно на полпути до сцены, а оттуда - на переднюю часть сцены, потом он зыркнет в аудиторию, заревёт, его глаза засветятся, и шоу начнётся.

Карлик был вроде мелкой поп-звезды, так как засветился в роли одного из маленьких медвежат в “Звёздных Войнах”. Как раз тогда же и Оззи взял на гастроли лилипута, кажется, он назвал его Ронни. Не знаю, у кого это произошло раньше, честно. Это стало поветрием. Появился спрос на карликов. Но у нас был самый известный, он же был из “Звёздных Войн”.

“У кого самый известный карлик?”

“У нас!”

Он не прекращал допекать нашу команду: “Я снимался в кино!”

Им, вообще-то, было наплевать на это, так что они доставали беднягу всяческими проделками.

Однажды вечером они закрыли его в дорожном контейнере.

“Что случилось с малоросликом?”

Никто не мог его найти. Маленький чел едва не задохнулся тогда.

В другой раз я спустился на саундчек и услышал: “Помогите! На помощь!” Я задрал голову, а он там висел над сценой на цепи, вверх тормашками. Бедный парень, доставалось же ему на орехи. У команды это стало чуть ли не идеей фикс: “Что ещё с ним сделаем?”

В конце концов мы решили, что для обеих заинтересованных сторон будет лучше, если он нас покинет, особенно когда команда вздумала включить огни на нём в тот самый момент, когда он прыгал с колонны на платформу с барабанами. Он закричал: “Аааааа!”

Шлёп!

Он ударился о край платформы и чуть не сломал себе шею. Тем временем мы стояли за сценой в ожидании выхода, так вот началось то шоу. Мы подумали: “Ну всё, капец ему!”

Они бы убили его, если бы мы не уволили его.

До того момента я всегда работал с людьми, полностью вовлечёнными в дело. Оглядываясь назад, понимаешь, что Йэн был не из их числа. Думаю, он приятно проводил с нами время и делал настолько хорошо, насколько мог, но он знал, что собирается уйти. И мы никогда не рассчитывали: о, он с нами будет лет десять. Этим составом мы просто проверяли, что из этого получится. Мы выпустили один альбом, год гастролировали, и всё. До самого последнего момента мы не знали, что Йэн собирается обратно в Deep Purple, но всё шло к тому. Быть в Purple, вот его предназначение. Мы в действительности и не думали всерьёз о записи второго совместного альбома, у нас никогда не было раздоров, мы отлично ладили и до сих пор ладим. Мы фантастически провели время и прикалывались больше, чем когда-либо. Мы просто жили изо дня в день. И последний из таких дней наступил в марте 1984-го, когда мы дали завершающий концерт в Массачусетсе.

Это был финиш для Йэна, и для Бива тоже.

59. Последний, кто остался

Непосредственно после того, как ушёл Гиллан, мы встретились с Оззи обсудить, не собрать ли нам вновь старую команду. Так случилось раз или два, когда мы рассматривали возможность его возвращения. Если бы дело было только в нас, то это бы произошло. Но Дон не хотел иметь ничего общего с Шарон, а Шарон не желала иметь дел с Доном. Во всём было виновато вечное недовольство менеджмента какими-то деталями, и это не давало нам сделать то, что мы хотели.

Нам всё ещё был нужен новый вокалист, поэтому в Лос-Анджелесе мы с Гизером опять отслушивали плёнки, целые коробки плёнок, присланных молодыми ребятами, мечтавшими присоединиться к Black Sabbath. Один из них, Рон Кил (ron Keel), выслал кассету, и я сказал Гизеру: “Этот парень довольно неплох. Послушай его.”

Он прокрутил запись и ответил: “О, да!”

Мы пообедали с ним, выпили. И по ходу вечера я сказал Рону: “Мне очень понравилось то, что ты прислал.”

“О, благодарю.”

Я продолжил: “Там был третий трек, то-то и то-то...”

А он мне: “А это не я.”

“Что значит не ты? Это было на твоей плёнке!”

Он ответил: “Так я был на другой стороне.”

Он прислал плёнку со своей записью на одной стороне, на второй был другой вокалист. Мы явно тут дали маху. Вообще-то у Рона позже сложилась неплохая карьера, так как он достаточно добротный вокалист. Просто он не был тем, кого мы искали. Мы так и не выяснили, кто был вторым парнем, но после этого случая с нас было достаточно, так что мы наняли продюсера, который проверял вокалистов, приславших приличные записи. Это как в “Х-Факторе”: вы имеете дело с тьмой малолеток, которые поют в душе и полагают, что они круты. Большинство из них было полным отстоем.

Мы хотели кого-то, кто выглядел бы соответствующе, обладал бы хорошим голосом и был в состоянии петь старые песни, так как это то, что люди хотят слышать, кроме всего прочего. Когда пришёл Ронни, он сильно отличался от Оззи, но в то же время он мог петь все эти старые вещи, по-своему, но они звучали правильно. Большинство людей, которых мы пробовали, просто не так звучали. Многие не могли брать высокие ноты. Если так подумать, то как раз это мог делать Майкл Болтон.

Самым многообещающим кандидатурам мы давали больше времени. Вроде Дэвида Донато (David Donato), которому мы дали пару недель, чтобы обосноваться. Кроме того, мы записали с ним несколько треков. Одной из песен была “No Way Out”, которая, после множества изменений, превратилась в “The Shining” с альбома “Eternal Idol”. Другой вокал, другой текст, другая аранжировка, но тот же вступительный рифф. Дейв выглядел в тему и был довольно милым парнем, но у него был слегка странный, высокий голос. Мы ещё не определились, а Дон уже отдал фотки в журнал “Kerrang!”, несмотря на то, что мы твердили: “Мы не хотим обнародовать это, ничего еще не решено!”

60. Таинственное дело с обитателями чердака

После окончания тура “Born Again” я снял дом в Бел-Эйре. Это было прекрасное место, но я постоянно слышал шум, разговоры людей, стуки посреди ночи. Я осмотрел все вокруг дома, но там никого не было.

“Чёрт меня раздери, откуда же это разносится?”

Случались странные штуки. Однажды вечером я приехал домой с репетиции, прошёл на кухню и обнаружил целую косу волос на кухонном столе, пару футов в длину. Вроде хвоста пони.

“Откуда она взялась?”

Другим вечером я вернулся домой и нашёл такую же штуку, обёрнутую вокруг ручки на входной двери. Объяснить этого я не мог.

Я никак не думал, что разговоры доносятся из дома. Я звонил в полицию Бел-Эйра всякий раз, когда слышал их. Поначалу они приезжали, осматривались вокруг дома: ничего. Но они никогда не проверяли чердак. Спустя некоторое время они приезжали и: “О, опять этот.”

Меня настолько это напрягало, что я даже оставался у своего друга несколько раз. У него там была чёртова оружейная палата. Револьверы, помповые дробовики, прямо как в кино, маленький пистолет в книжке. Он сказал: “Я пойду с тобой, и мы поглядим. Прихватчу с собой пушку.”

Так он и сделал. Он просидел в гостинной всю ночь. Но ничего не произошло. Я подумал: он наверное

теперь думает, что я спятил. Он уехал, а на следующий день всё началось по новой.

После этого я нанял охранника. Из сауны просматривался бассейн, поэтому я разместил его там. Я попросил его: “Если что-то заметишь, дай знать.”

Спустя какое-то время он поднял меня и сказал: “Эй, чувак, я не могу торчать тут всю ночь!”

Я прошептал: “Тссс, нам надо кое-кого поймать!”

Я пошёл на крайние меры, что бы узнать, кто были эти люди. После того, как охранник ушёл, я позвал одного из ребят из нашей команды побыть со мной, но он так громко храпел, что не мог ничего больше услышать. Наконец Марк дал мне магнум. Я спал с этой огромной пушкой в руке. Однажды ночью я услышал неприятный шум. Я подхватил пушку Марка и бросился к машине, без рубахи, и, когда я отъезжал, увидел лица в окне кухни, смотревшие на меня. Я перепугался. Я направился напрямиком в полицию, они приехали и: ничего. Они исчезли!

Потом я обнаружил, что проводка от сигнализации обрезана внутри дома. Мне следовало свалить, но со мной остался Джефф Николлс. Я просто хотел, чтобы хоть кто-то-то хоть что-то увидел, чтобы доказать, что я не сумасшедший. Я действительно уже думал, что я сдурел, и все так считали.

Как-то ночью мы с Джеффом были в гостинной в два часа после полуночи и увидели парня, бегущего по газону.

Грёбанный ад, наконец-то!

Я взял свой пистолет, и мы медленно открыли дверь. Мы выскользнули наружу и проползли по траве. Дом был выстроен на холме, и мы слышали разговор где-то внизу. Я прошептал Джеффу: “Ну ладно, у меня пушка, и когда они поднимутся...”

Мы пролежали там около часа, ожидая, когда появятся эти люди, и тут заработали оросители. Это было, словно в пародиях Лаурела и Харди (Laurel and Hardy), мы оба заорали: “Аааа!”

Мы промокли и, конечно, так никого и не нашли.

Один парень из нашей команды установил силки в палисаднике. Он наставил все эти хитросплетения из проводов через двор, на это у него ушёл весь день. Идея была в том, что если кто-то пройдёт, то попадётся, и его можно будет обнаружить.

Я слышал шум. Вызвал полицию. Они приехали. И запутались в силках.

Я вышел с пистолетом, и копы закричали: “Брось оружие, брось оружие!”

“Нет, нет, я тут живу!”

“Брось оружие!”

Они могли пристрелить меня. И я мог выстрелить в них, если так подумать.

Это длилось месяцы. В конце концов мы обнаружили опускающуюся дверь. Наверху был кинозал с большим экраном. На стене была аппликация, но из-за того, что всё было оклеено обоями, дверь была не заметна. Мы её открыли, прошли сквозь, таким образом можно было обойти весь дом.

Площадь была довольно большая. Там практически во весь рост можно было стоять. Мы нашли кучу пачек от сигарет и банок из-под пива вблизи вентиляционного отверстия. Очевидно, что они сидели тут, наблюдая за всем, что я делал. Грёбанное пекло, они, небось, могли бы несколько историй порассказать.

Я воспрял духом от того, что обнаружилось: тут кто-то был, и полиция наконец-то убедилась в этом. Они так и не нашли, кто это был. Впоследствии они сказали мне, что проще всего для меня будет завести пса. С собакой у меня бы не заняло много времени найти их. И почему, к чёрту, я сам не

додумался да этого?

Происшедшее сделало меня таким параноиком, что я переехал в отель. Первым делом я заклеил все вентиляционные отверстия. У меня появился жуткий страх подобного, так я и оказался поджаривающимся в гостинице. Даже сейчас у меня повсюду расставлены камеры вокруг моего дома, у меня есть ворота и собаки. Всё по причине пережитого тогда опыта.

61. Красотка Лита

Лита Форд (Lita Ford) открывала наши концерты во время турне “Born Again”. Мы поболтали вдвоём после шоу и пришлось друг другу по душе. Это переросло в отношения, и когда я жил в Бел-Эйре, в доме с обитателями на чердаке, она навестила меня. После того, как я съехал оттуда и поселился в пентхаусе в “Crescent Heights and Sunset” в Лос-Анджелесе, она переехала туда вместе со мной. В то время я ещё был женат на Мелинде. Мы уже расстались, но развод занял много времени, так что технически я нарушал супружескую верность. У нас с Литой даже была помолвка, но дальше этого мы пойти не могли, пока я не был разведён.

Лита помогала нам в поисках нового вокалиста. Она знала парочку людей, которых мы могли бы попробовать, но после того, как ушли Билл и Гизер, мне понадобилась целая группа. Это была её идея, чтобы я воспользовался услугами барабанщика и басиста её команды, Эрика Сингера (Eric Singer) и Гордона Копли (Gordon Copley). Эрик больше хотел играть в моей группе, чем в коллективе Литы, и он сказал мне: “Если тебе нужен барабанщик, то можешь на меня рассчитывать.”

В конечном итоге он довольно долго играл со мной. Лита посмотрела на это с такой точки зрения: о, он спёр моего барабанщика. Она так сильно напряглась по этому поводу, что наш разрыв во многом связан именно с этим.

В то время я опять сильно увлекался наркотиками, что также бы было для неё невыносимо. Мы довольно часто сидели в пентхаусе с Джеффом Николлсом, пытались что-то придумать и в то же время налегали на кокс. Каждый раз, когда Лита возвращалась домой, там был Джефф. Выглядело так, будто у меня скорее отношения с ним, чем с ней.

Как-то мы с Джеффом были в пентхаусе, я закрыл дверь на цепочки и ещё что-то сверху добавил - принимая прорву кокса, вы становитесь параноиком. Мы работали над песней, когда услышали громкий треск. Это была Лита. Она не смогла открыть дверь и надавила на неё так сильно, что дверная рама вылетела целиком, с цепочками и со всем прочим. И тогда у неё сорвало крышу, так как мы-то были опять внутри.

Это был стыд, настоящий, так как я разрушил отношения, будучи постоянно под кайфом. Она была милой девушкой, и всё у нас было хорошо. Но всё начало просто разваливаться на части, особенно после эпизода с Эриком. Мы были вместе около двух лет. А потом наши пути разошлись. Позже её менеджментом занялась Шарон Арден. Лита позвонила мне и сказала: “Я в поисках менеджера. Что скажешь насчёт Шарон?”

Я ответил: “Не знаю. На твоё усмотрение.”

Шарон поспособствовала, чтобы Лита записала композицию с Оззи, и она стала хитом номер один, так что Шарон хорошо поработала для неё. Какое-то время. Пока не бросила.

62. Снова вместе, на день

Работа над моим альбомом была в самом разгаре, когда нас попросили дать грандиозное шоу. И причины у людей, делавших всё это, были очень хорошие. Я сказал: “Звучит неплохо. Давайте

сделаем это.”

Таким образом, в июле 1985-го года оригинальный состав Black Sabbath собрался опять для единственного выступления на шоу Live Aid в Филадельфии. Мы, возможно, подумали, что это могло бы стать первым шагом к тому, чтобы снова быть вместе. Мы хорошо поладили, когда встретились там друг с другом, и, полагаю, мы все понадеялись, что так и случится, но были силы, которые должны были позволить нам это. Всё делалось в целях благотворительности, иначе менеджмент посчитал бы, что кто-то делает деньги в обход них, и ничего бы не было. И не было более масштабной благотворительной акции, чем Live Aid.

Организаторы выделили нам время для репетиций. Нам нашли место, и предполагалось, что мы отрепетируем три песни. Вместо этого мы забылись в разговорах о бывших деньках. Бы болтали о чем-то, затем немного играли, а потом останавливались, и кто-то начинал: “О, а помните то-то и то-то?”

На репетицию это не очень было похоже, в самом деле.

Пришла какая-то девушка и встала на задворках, наблюдая. Я кому-то вскользь сказал: “Ей может кто-нибудь объяснить, что это закрытая сессия?”

Я понятия не имел, кто это. Она выкрасила волосы в тёмный цвет и совсем не была похожа на Мадонну, но это была она, и она была не рада тому, что её выставили.

Поле всего мы отправились в бар, отлично провели вместе время и капитально упились. На следующий день нас поставили часов на десять, что-то вроде этого. У меня было кошмарное похмелье, поэтому я надел тёмные очки, а потом мы сыграли “Children Of The Grave”, “Iron Man” и “Paranoid” на ярком солнце. Это было круто, и мы определённо осознавали важность момента, но всё закончилось очень быстро.

Тем временем Дон подал в суд на Оззи, так как решил, что мы намерены снова собраться вместе, а Шарон будет управлять нашими делами. Дон хотел прекратить любые телодвижения, так как вбил себе в голову, что он мой менеджер, и что мы ничего не можем делать без его участия. Дон и Шарон - оба параноики, и один другого стоит. Дон послал Оззи судебное предписание, парень, его представитель, появился прямо там, на Live Aid, и выглядел, как обычный фан, так что Оззи подумал, что тот хочет автограф, и подписал бумагу. Я собственно даже и не видел предписания, так как Шарон быстро его унесла.

Это в своем роде погасило возможный эффект встречи.

Не знаю, был ли толк от Live Aid. Вы делаете своё дело, кто-то поднимает на этом деньги, а потом что? Они покупают еду или что там ещё необходимо, но ты не можешь быть уверен на все сто процентов, кому и что достаётся. Но я считаю, что это хорошее дело в любом случае.

Мы приехали в Филли, вечером поучаствовали в попойке, заработали похмелье, отыграли концерт и испарились. Вопрос о том, чтобы собраться вместе так и не встал. Я сел в самолёт, летящий домой, и не видел их опять много лет.

63. Мерцай, мерцай, Седьмая Звезда

Я был единственным, кто остался в Black Sabbath. Без группы я решил заняться сольным альбомом с различными вокалистами. Я составил список людей, которых хотел пригласить, вроде Роберта Планта, Роба Халфорда (Rob Halford), Дэвида Кавердейла и Гленна Хьюза, но попытка заполучить кого-то, чтобы спеть, - это целая история с географией. Я бился о все эти контрактные препоны,

звукозаписывающие компании просто не позволяли им этого, так что получалось так: “О, нет, мы альбом готовим, и я не могу петь у тебя.”

В конце концов я отбросил эту идею. А потом мы попробовали этого парня, Джеффа Фенхолта (Jeff Fenholt). Он был ещё одним исполнителем главной роли в “Jesus Christ Superstar”, в бродвейской версии этого произведения. Был у нас Йэн Гиллан, оригинальный Иисус Христос Суперзвезда, и вот появился бродвейский Иисус, желавший присоединиться к Black Sabbath. Мы послушали Джеффа, у него был отличный голос. Я нарезал парочку демо-треков с ним в Лос-Анджелесе. Одной из вещей была “Star Of India”, позже переделанная в “Seventh Star”. Другой была “Eye Of The Storm”, на альбоме оказавшаяся как “Turn To Stone”. И ещё у нас был номер, в конечном итоге ставший “Danger Zone”. Естественно, эти демо всплыли наружу и оказались на бутлегах. Называлось это всё “Eight Star” или как-то вроде этого.

64. Гость Вечного Идола

Пока мы пытались опять встать на ноги с Рэем Гилленом, я оказался в полной жопе. Дон Арден больше не управлял моими делами. Его поймали на мошенничестве или махинациях с налогами, арестовали и на время посадили за решётку. Меня попросили помочь вытащить его, также, как и другую группу, которой он управлял, Air Supply. Его адвокат сказал мне: “Слушай, у Дона серьёзные неприятности. Мы должны помочь ему, иначе он помрёт в этой тюрьме, он не выдержит там. У нас есть триста штук от Air Supply. Можешь тоже подкинуть денег? Ты получишь их обратно. Мы составим бумаги и всё утрясём.”

Я так и сделал. Я отдал примерно пятьдесят или шестьдесят штук. И никогда больше не видел их, естественно, как и Air Supply, насколько я знаю. Всё бумаги, которые мы подписывали, неожиданно пропали. Досадная случайность. Тем не менее кто-то должен был за всё отдуваться, и сына Дона, Дэвида, взяли под стражу вместо отца. Дэвид преимущественно прикрывал Дона и сел скоротать время.

В таких обстоятельствах было трудно найти кого-то, кто согласился бы стать нашим менеджером.

Тогда на меня вышел Уилф Пайн. Он сказал: “Патрик Михан может помочь вам.”

Опять за старое. Это было смехотворно и, я знаю, глупо - вернуться к Михану. Люди, окружавшие меня, всё равно обдирали меня, поэтому я подумал, что это должен быть человек, которого я знаю, который при этом сделает что-то для меня. Ну, знаете? из двух зол... Сейчас это звучит туманно, но в тот период я опять увлёкся коксом. В общем, я остановился на Михане.

Я связался с Миханом, и, конечно же, бабац!, это вылезло мне боком. Он снова оказался слишком вовлечен во все эти сомнительные делишки. Я сходил с ним в пару мест, и он представил меня каким-то типам с видом аферистов. Милые люди, но ненадежные. Я понял: ну вот, снова приехали.

65. Налоговый инспектор!

Несколько раз я пытался вернуть Гизера. Тут было немного от бега по кругу, так как в какой-то момент он хотел это сделать, а в следующий уже нет. Он приехал в Лондон раз, когда мы записывали там альбом, и все выбрались в “Trader Vic's”, ресторан ниже гостиницы Хилтон. Мы ничего не ели, только пили. Мы всё заказывали экзотические напитки с ромом, и, пока я пытался уговорить Гизера вернуться, мы упились до паралича. Жена Гизера, Глория, заехала за ним, и, когда мы выходили из “Trader Vic's”, Гизер дал привратнику в качестве чаевых 50-фунтовую банкноту. Глория подлетела сзади и, ууух, выхватила пятидесятку из рук парня, погрузила Гизера в машину, и они уехали.

Он не хотел возвращаться. Одной из причин, почему Гизер сказал нет, определённо был менеджмент, он не хотел иметь дело с Миханом. И был чертовски прав, конечно.

Я был в низшей точке всей жизни, но смог выбраться оттуда. Как только Михан скрылся из виду, дела стали налаживаться. Последнее, что он для нас сделал - отправил крюком через Афины в Сан Сити, где мы пару недель играли за большущие деньги. Нам тогда такая возможность была как спасательный круг, так как из-за постоянных смен в составе мы совсем не выступали.

Эти люди приехали из Южной Африки и спросили: "Что нам сделать, чтобы ты поверил, что это серьёзное предложение? Чем тебя осчастливить?"

Я ни с того ни с сего вдруг брякнул: "Купите мне роллс-ройс."

Вы бы что ответили? А они: "Хорошо. А какой именно?"

"Ой!"

Вот так всё запросто. Они сказали: "Ты выбери, а мы заплатим."

Я выбрал, они заплатили, и я понял, что намерения у них серьёзные.

Перед поездкой в Южную Африку мы отправились в Грецию. Мы первый раз там играли, и это был первый концерт с Тони Мартином. Это был огромный стадион футбольного клуба "Панатинаикос", так что Тони, должно быть, был напуган до усрачки. Во время саундчека промоутер впустил каких-то ребяташек. Я был вне себя от ярости. Я схватил его, толкнул на стенку и заорал: "Ты, долбаный идиот!"

Потом, он несмотря на это, пригласил нас на ужин. Я размышлял: о боже, я поносил его последними словами, какие только можно услышать на этом свете, угрожал убить, и вот он я, делю с ним трапезу.

Это было 21-го июля, в самый разгар лета, мы едва не испеклись во время концерта. Фаны взобрались на чёртову световую стойку сбоку сцены. Это было реально опасно, поэтому мы просили их убраться со сцены и вынуждены были урезать концерт. Хорошенькое начало выдалось у Тони Мартина.

Первым делом, как только мы добрались до Южной Африки, была поездка в Йоханнесбург, где мы дали небольшую пресс-конференцию. Как раз когда это происходило, на дороге кто-то заложил бомбу. Это был единственный неприятный признак, который я подметил. Это не было связано с нами, просто совпадение. Ну, я надеюсь, это не для нас было заготовлено.

Промоутер устроил нам сафари. Мы выехали в пять утра в паре ленд-роверов с открытым верхом, и всё, что я видел, это пыль из-под колёс передней машины. Мы ненадолго останавливались, всматривались вдаль, и все говорили: "Не, я ничего не вижу."

Так ничего и не увидели, катись оно всё к ебням. Грандиозное сафари!

Сан Сити оказался отличным местом для выступлений. Мы дали там шесть концертов за три недели, играя по субботам и воскресеньям. В остальные дни там было мертвым мертво, хоть шаром покати, но на выходные, когда мы играли, всё было битком забито. Промоутер был чёрным, а аудитория - такая же, как и везде, и чёрные, и белые. Они никогда не видели нас, и пара шоу выдалась просто на ура. Для меня это были лишь очередные концерты. Почему же не развернуться по полной? Я никогда не задумывался о политической подоплёке. Я был слеп к этому, я понятия не имел, насколько там были плохи дела. Я просто думал: вот я - музыкант, я хочу донести свою музыку, куда только можно. Но, парень, не получил ли я по первое число за Сан Сити!

Когда я оказался там, я увидел на стенах все эти фотки групп, игравших там до нас, вроде Queen и Status Quo, и я спрашиваю: почему же это всё дерьмо на меня вылилось? По возвращении в Англию по мне действительно хорошо проехались. Но я не жалею об этом. Фаны есть фаны, и это позор, что все эти люди не были в состоянии услышать нас.

В ноябре мы прокатились с "Eternal Idol" по Европе. Последний концерт был в Риме, где мы играли в том же месте, где выступил Папа. Он появился там за день до нас, и у него был свой свет и свой звук. После того, как он закончил, мы попытались добиться, чтобы его оборудование убрали и мы могли развернуть своё.

"Пожалуйста, не могли бы вы попросить Папу убрать своё оборудование? Для Black Sabbath."

Не гладко всё прошло.

Примерно в это же время у меня начались проблемы с налоговым инспектором, и тогда я связался с Филом Банфилдом (Phil Banfield) в поисках помощи. Владея собственным агентством, Фил продолжал управлять делами Йэна Гиллана, и он рассказал мне об Эрнесте Чапмэне (Ernest Charman), тот был менеджером у Джеффа Бека (Jeff Beck). Мы встретились, и первым делом Эрнест спросил меня: "Ты же не употребляешь наркотики, правда?"

Я ответил: "Нет, нет!"

"Я не хочу иметь ничего общего с кем-то, кто сидит на наркоте."

"А. Нет, я не ими не балуюсь!"

Ложь сквозь зубы. Хорошенькое начало знакомства.

Я был поражен его прямоотой. Мы начали разговор о всяких делах, и я спросил: "Что насчёт комиссионных?"

Он ничего не подписывал, просто сказал: "Не беспокойся о таких вещах. Когда мы всё уладим, я возьму свой процент. Чем тебе помочь сейчас?"

У него не было необходимости взваливать на себя мои горести, но, я думаю, он любил принимать вызовы. Эрнест и Фил Банфилд приложили немало усилий, чтобы всё разгрести, а потом Эрнест сказал: "Со мной в офисе работает Ралф, и он выполняет добрую часть моих обязанностей.

Я встретился с Ралфом Бэйкером (Ralph Baker), а Фил постепенно отошёл в сторону. И с тех пор моими делами заправляют Ралф и Эрнест."

Первым, с чем они мне помогли, была большая проблема с налогами, которая на меня свалилась после разрыва с Миханом. Люди из налоговой службы прижали меня, словно целая тонна кирпичей. Я еще не был банкротом, но уже был несостоятельным должником. Налоговый инспектор сказал:

"Вам придётся продать свой дом."

Они пришли в мой дом и всё в нём осмотрели. Взглянули на все мои гитары и аппаратуру и тут же прикинули:

"Так, сколько мы выручим за это и сколько за то?"

"Э?"

Я не верил глазам. Они намеревались всё у меня отобрать.

Я позвонил Эрнесту и он ненадолго оторвал их от моей задницы. Но у меня оставался громадный счёт к оплате.

Они спросили: "Что произошло?"

Я начал: "Ну, бухгалтер..."

Они меня оборвали: "Это не проблема бухгалтера, это ваша проблема."

Я подумал, подождите-ка, бухгалтер взял кое-что из моих денег и отложил для налогов! Когда я говорил с ним, он сказал: "Ну, ты хотел то, хотел это, я и взял из налоговых денег."

"О, просто круть!"

Мои доходы были заморожены на время расследования, Но Эрнест всё утряс. Ему удалось как-то проверить дело так, что мои роялти стали вновь поступать исправно. И он уладил всё, что осталось в наследство от Михана.

Мы снова были в строю. Остались я, Тони Мартин и Джефф Николлс. Пора было оставить позади все неурядицы и реанимировать команду.

66. Безголовый, но счастливый

Срок восемнадцатилетней сделки с Vertigo в Англии и Европе подошел к концу, также как и соглашения с Warner Bros в Америке. Ужасно быть брошенным, но, я полагаю, так случается. Вскоре после этого, я познакомился с Майлзом Коупландом (Miles Copeland), владельцем I.R.S.Records. Он приехал ко мне домой и сказал: "Ты знаешь, как писать альбомы, ты знаешь, что людям нужно. Что ни сделаешь, я на всё согласен."

Я подумал, что это отличное предложение, мы пошли дальше и подписали контракт с I.R.S.

Большую часть 1988-го года я был занят тем, что разгребал мусор, оставшийся от моего прошлого.

До того, как подключились Фил, Эрнест и Ралф, там были сплошные горы дерьма. Казалось, что мы проводим время в бесконечных совещаниях по любому поводу, пытаюсь расчистить путь вперед и начать всё заново на свежую голову. Конечно же, по пути спотыкались о всякие препятствия.

Рядом со мной жил парень, рестлер, который хотел организовать благотворительное мероприятие в помощь "Детям в нужде" (Children In Need). Он спросил меня: "Мы можем устроить концерт?"

Я ответил: "Да, мы можем сыграть, но я бы не хотел представлять это, как выступление Black Sabbath."

Это был просто единичный выход, где были я, Джефф, игравший на басу, Тони Мартин и Тери Чаймс, но всё было раздуто выше всякой меры. Концерт прошёл 29-го мая 1988-го года в "Top Spot Club" в Олдбери, одном из типичных клубов для рабочего класса, где есть комедиант, жонглёр и весь остальной набор. И вывеска: "Хит сезона: Black Sabbath!"

Я просто хотел помочь собрать немного денек для детишек. Это был всего лишь жест доброй воли, но превратилось всё в чёртово шило в заднице. Было много шумихи в прессе, и люди замечали:

"Смотрите-ка, Black Sabbath играют по крошечным клубам вроде этого." Хуже того, оказалось, что чувак срубил денег и большую часть оставил себе.

К тому времени мы уже сделали несколько шагов, чтобы воссоздать группу и вернуть толику доверия. Я встретился с Филом Банфилдом, мы разговорились о барабанщиках, и всплыло имя Кози Пауэлла. Он играл с Джеффом Беком, Rainbow и Whitesnake, я долгие годы грозился поработать с ним, но никак не получалось. Мы с Кози встретились, и он был принят на борт. Это был отличный старт, это придало нам уверенности, в которой мы нуждались.

Помощь Кози была неоценима. Он поселился на две или три недели у меня дома, мы сидели в комнате, открывали бутылочку вина и начинали. У меня были идеи, Кози вникал в них и добавлял свои. Мы врубали кассетник и джемовали. Если из идеи ничего не получалось, мы отбрасывали её и переходили к следующей. А, может, выходили погулять, возвращались и пробовали ещё раз.

Получалось действительно хорошо. Мы позвали Тони Мартина, а потом отправились репетиционную студию со всеми. Мы были воодушевлены. Мы придумывали материал, который нам по-настоящему нравился.

Примерно тогда же я снова услышал от Глории Батлер, что Гизер может пожелать вернуться. Я рассказал об этом Кози, и он спросил: "Так что там? Он собирается возвращаться или нет?"

"Не знаю. Глория говорит, что собирается."

Но Гизер так и не вернулся. Мы записали наш следующий альбом, "Headless Cross", с сессионным музыкантом, которого звали Ларри Коттл (Larry Cottle). Он джазовый музыкант, и чертовски подкованный. Мы сделали с ним видео "Headless Cross", и он как-то не выглядел, как парень, играющий в рок-группе. Мы даже не были уверены, что он - человек того типа, который способен ездить по турам, ведь он привык играть в "Ronnie Scott's" и других небольших джазовых клубах вроде этого. Тем не менее он был очень хорошим басистом. Он приходил в студию и спрашивал: "Вам как тут сыграть? Так? Или этак?"

И выдавал разные варианты.

"Ага! Вот так давай!"

Работал он классно, но это всё. Он записал все партии к "Headless Cross" и ушел после записи. Записывали альбом мы с августа по ноябрь в Woodcry Studios, на небольшой ферме в Беркшире, недалеко от Лондона. Там была студия и две или три спальни. Кози приезжал на своём мотоцикле, а потом уезжал домой, он жил неподалёку. Мы с Кози сами продюсировали альбом. Конечно, я не мог указывать Кози, как должны звучать его барабаны. Он знал, чего хотел, и прежде, чем записываться, он долго проверял, всё ли в порядке с барабанами. Затем я настроил гитару и всё остальное. Мы были решительно намерены записать хороший альбом. Мы были взбудоражены, так как играли вместе и будили друг в друге лучшее, на что мы были способны.

Тони написал лирику ко всем песням альбома. Headless Cross - это маленькая деревенька в окрестностях Бирмингема, и он сделал её знаменитой. Видео к заглавной песне мы снимали в местечке под названием Бэттл Эбби в Баттле, неподалёку от Гастингса, в Сассексе. Это была та самая точка, где Вильгельм Завоеватель нанёс поражение королю Гарольду в Битве у Гастингса около тысячи лет назад.

Работать в этом ветхом аббатстве было хорошо в течение дня, но в действительности съёмки начались не раньше полуночи. Они хотели поймать свет, возвращающийся утром в руины, и мы должны были в это время играть там. Но тогда было дьявольски холодно, и мы промёрзли до костей. Кози цедил бренди, просто для согрева, но упился вдрызг. Он чуть не свалился со своего стульчика. У меня покраснел и опух нос, и я не чувствовал рук. Мы пытались ухватить утренний свет, но заодно подхватили и грипп.

Соло в "When Death Calls" у меня сыграл Брайан Мэй. Он часто заходил, когда мы писались, сидел в студии и болтал. И я спросил: "Хочешь... сыграть на альбоме?"

"А что, можно?"

"Ага!"

"А где ты хочешь, чтобы я сыграл?"

Я выбрал трек.

"Тут сыграешь?"

"Да, хорошо!"

Он просто импровизировал, так как услышал песню впервые именно там и именно тогда. Я оставил его в студии и вернулся через час: "Ну как, получается?"

Это был отпад, он был очень хорош. Мы много раз играли вместе, так как получали от этого море удовольствия. Мы даже договорились записать совместный альбом. Однажды.

В "Nightwing" мы оставили пробную партию Тони Мартина, потому что после этого он так и не спел её также хорошо. Он пару раз пытался, но мы говорили: "Нет, оставим оригинал, в нём есть особенное чувство!"

Подобные вещи часто происходят и с моими гитарными партиями. Я делаю это как-то, и всё. Когда пытаешься снова, получается слишком точно. И тогда я оставляю в треке партии из демо. То же и с соло. Вот почему, я всегда пытаюсь записать соло в несколько первых дублей, в противном случае он становится роботоподобным. Я предпочитаю писать соло на инстинкте, просто выйти и сыграть. Когда я записываю трек в студии, я обычно играю шесть соло подряд. Потом спрашиваю себя, лучше становится или хуже? Обычно становится хуже, и я перехожу к другому. Если от такого количества попыток нет толку, я откладываю трек на какое-то время. Лучше попробовать позже, со свежим взглядом на вещи. Я играю соло навскидку. Я не очень хорош в том, чтобы сидеть и заучивать соло, так что когда я играю в несколько попыток, они порядком отличаются. Я никогда не играю их точь в точь. Было довольно неловко, когда я делал одну из первых видео-инструкций. Мне заявили: "Мы хотим сыграть "Neon Knights", "Black Sabbath" и "Heaven And Hell". Можете сыграть соло к ним?" "Ну, сыграю вам соло."

Я так и сделал, а они: "А теперь сыграйте, пожалуйста, медленно."

И я в ответ: "Вот бя. Да не знаю я, что играл там!"

Брайан Мэй может сыграть свой материал нота в ноту. А я не могу. Я просто сыграл соло, подходящее к песне, похожее, но не такое же. И конечно я не мог сыграть его медленно, чтобы люди смогли разучить его. И тогда я задумался: что я играю? как я это играю? И раз задумавшись, я тут же его забыл. Так что, если вы смотрели видео, то могли заметить, что в медленной версии я играю по другому. Я могу запомнить риффы, как только они долетят до моего уха. Я помню долгие годы риффы, которые даже не записывал. Но если дело дойдёт до того, чтобы сыграть нота в ноту соло, да ещё и медленно, забудьте об этом.

"Headless Cross" был издан в апреле 1989-го года. Он был куда лучше "Eternal Idol", но мы были не довольны тем, как I.R.S. раскручивали его в Штатах. Мы приехали в Америку с туром, прошли по музыкальным магазинам, и грёбанного альбома в поле зрения так и не нашли. Даже постера не было, ничего. У Кози сорвало крышу: "Что, блядь, происходит вообще?! Рекламы нет, дисков в магазинах нет!"

В Европе они потрудились над пластинкой фантастически. По правде говоря, "Headless Cross", разлетался лучше, чем оригинальные записи старого состава. Мы потирали руки: "Грёбанный ад, наконец-то!"

Если выражаться мягко, альбом не так хорошо разошёлся в Америке совсем не по причине качества музыки.

67. О нет, только не икра опять!

Когда пришло время выступать с концертами, мы подрядили басиста, знакомого Кози. Он сказал:

"Давай встретимся с Нилом Мюрреем (Neil Murray) и поглядим, как ты с ним поладишь."

Нил оказался замечательным музыкантом. Наконец у нас была настоящая, внушающая уважение и очень классная группа.

Мы проехали по Америке в июне 1989-го, я, Кози, Тони Мартин, Нил Мюррей и Джефф Николлс, но вернулись домой спустя две недели. Из-за тупорылого промоутерства, не только в связи с альбомом, но и касательно концертов тоже. Встречаемся в городе с людьми: "Вы какими судьбами тут?"

"Ээ... Мы сегодня вечером здесь играем."

"Хм?"

Прямо как в "Spinal Tap".

В конце августа мы отправились в турне по Британии. Закончили мы по старомодному, двумя шоу в Хаммерсмите. Брайан Мэй вышел и сыграл с нами "Heaven And Hell", "Paranoid" и "Children Of The Grave". Последнюю он до этого с нами никогда не играл и заорал: "В какой тональности?"

"В обычном Ми!"

Получилось очень хорошо. На следующем концерте этого тура я вызвал Йэна Гиллана спеть "Smoke On The Water" и "Paranoid", фанам понравилось. Они восприняли это на ура. Мы никогда не практиковали такого с оригинальным составом - объединяться с Брайаном или Йэном! Это было слишком напряжно.

Мы хорошо провели время в тех турах, так как не было чрезмерного давления на нас, лишь обычные финансовые трудности. Мы останавливались в менее шикарных отелях, путешествовали вместе в автобусе и сократили любые издержки, но мы отлично проводили время вместе. Мы делали то, к чему были предназначены: играли.

В старые времена у нас было много неприятностей с религиозными психами, и большим сюрпризом стало то, что в 1989-м году подобное случилось опять. Мы были в Мексике, только объехали Японию, поселились в живописном отеле, предоставленном промоутером. Мы слышали о небольшой кампании, организованной Католической Церковью и поддержанной местным мэром, но были уверены, что всё в порядке. Мы и не подозревали, насколько это дело серьезно, ведь мы приехали только для того, чтобы дать концерт. И лишь задним числом мы узнали, что футбольный стадион, где мы должны были играть, был лишь третьим вариантом после того, как промоутеру отказали в других городах - не уверен, что приехали бы, знай мы об этом!

Как бы то ни было, пару дней мы пытались расслабиться, но команда роуди была на взводе, так как вокруг слонялось много тяжеловесных охранников и условия на стадионе оказались лишь самые элементарные. И когда ребята уехали устанавливать оборудование, уже на месте их неожиданно арестовали. Парни из службы безопасности не позволили начать концерт только из-за того, что полиция опасалась бунтов и Бог знает чего ещё.

Нам сказали, что фаны приехали на поездах со всей Мексики, это было большое событие. Так что мы решили поехать на стадион и взглянуть на всё самим в надежде, что это поможет.

Но прежде чем мы смогли выехать, поступило распоряжение "паковать и уезжать", так как мэр запретил выступление, а тысячи разочарованных ребяташек, скорее всего, обвинили в этом нас. Вы же не будете спорить с человеком, у которого в руках пулемёт. А между тем первый поезд прибыл, и оттуда вывалились фанаты. Станция находилась рядом с нашим отелем, и нам пришлось ложиться на

пол минибуса, в то время как водитель съехал с дороги и чуть не перевернул нас, пытаясь срезать путь через громадную осушительную канаву! Побег удался, мы помчались в Мехико, где не успокоились, пока не удостоверились, что мы на следующем же самолёте в Британию!

В Мексику мы возвращались как Heaven & Hell в 2007-м. Может они простили нас, а может просто не ассоциировали с Black Sabbath.

После Мексики мы отправились в Россию, ещё одну экзотическую страну. Мы отыграли десять вечеров в Москве в "Олимпийском", гигантском сооружении, при полных аншлагах. По субботам мы играли ещё и в ранним вечером. Аудитория уходила после этого концерта и возвращалась снова на вечернее выступление.

В поддержке у нас были Girlschool. В первый вечер в московской гостинице мы спустились в бар, там была одна из девушек. Потом подошла их басистка и, ни с того ни с сего, ударила её кулаком по лицу. Мы такие: "Адское пекло! Это что за фигня? Мы ещё даже не начали тур, а они уже дерутся!" Очень экстравагантно. Но потом всё было нормально. Они и выпить немного могли. А у Кози был небольшой роман с вокалисткой и гитаристкой, Ким МакОлифф, который продлился ещё немного после завершения турне. Она была очень милой девушкой.

Играть в России было странно, в зале в Москве первые ряды кресел были установлены вдалеке от сцены, и все они были заняты официальными лицами, всеми этими мужчинами в костюмах и женщинами в вечерних нарядах, как на балу. Они, очевидно, были связаны с властями и выглядели настолько неуместно, будто все они пришли на какое-то другое выступление. А буйные ребята тусовались перед ними, за исключением того, что им нельзя было буянить. За этим следили парни из службы безопасности. И они не сильно церемонились с ребятами.

Это было зимой в жуткий мороз. Каждый день нас подбирали на взне и везли на концерт, вместе с большим металлическим резервуаром, полным супа. Мы брали с собой полное питание. Еду запирали в комнате, где был охранник, но она всё равно пропадала. Это было время, когда они демонтировали все памятники Ленину. Страна ещё не была открыта, там не было МакДональдсов или чего-то подобного. Наши повара ходили на рынок, чтобы купить свежие продукты, и часто попадали в неприятности. Если они скупали всю курицу и все овощи или что бы то ни было, местные начинали возмущаться. У них было чертовски трудно.

Мы остановились в гостинице под названием "Украина". Она была немного похожа на Большой Центральный Вокзал, так как в ней был большой открытый вестибюль, и в нём было очень холодно. С нами постоянно ездили два сотрудника КГБ, и мы их порядком опасались, так как они не спускали с нас глаз. Интересно, были ли жучки в номерах. Как в допотопные времена, нужно было заранее заказывать телефонный звонок. Моя комната была - полнейшая депрессуха. Она была большая, но в ней были только кровать и застеклённый шкафчик, и из шкафчика через день что-то пропадало.

Ясно, что это горничные уносили то чашку, то блюдо, то ещё что-нибудь. Но обвинили меня.

И сама гостиница выглядела подозрительно. Если посмотреть под балкон, то можно было найти валявшиеся там кредитные карты. Очевидно, что людей там грабили, и воры выкидывали то, чем не могли воспользоваться. Кого-то из нашей дорожной команды действительно ограбили. Двое из них делили общую комнату, и один лёг в постель. Он слышал, как кто-то вошёл и решил, что это второй парень. Но это был не он. Это был вор, стянувший всю его одежду, бумажник и всё остальное.

Вслед за Москвой мы провели ещё десять дней в Ленинграде. Там толпа уже отличалась, была

намного больше похожа на любую другую и находилась прямо перед нами. Это было хорошо. А вернулись мы с горами икры, особенно в этом преуспел Кози, который был тем ещё пронырой. Он сошёлся с управляющим из "Олимпийского". Мы зашли в его кабинет, и там повсюду были банки с икрой, разрисованные вручную лакированные коробочки и тому подобное. За это мы дали ему пару футболок, пару кроссовок и что-то ещё. Они обожали футболки с названиями групп, так что вскоре у Кози был полный чемодан белужьей икры. Бог знает, сколько это стоило.

Я вернулся с чертовыми мундирами, армейскими фуражками и кучей всякого дерьма, разжиться которым тогда мне показалось хорошей идеей. Но как только я приехал домой, было: ну, и что мне со всем этим делать? Сейчас всё это на чердаке валяется. Но, кроме того, я также купил икру, и хватило её мне надолго.

Мы ещё там наелись её, так как больше ничего не было. Когда мы пришли в ресторан в первый раз, было следующее: "Чего пожелаете?"

"Не хотите ли немного...?"

"Нет."

"А у вас есть...?"

"Нет."

"А...?"

"Нет."

"Ну, а что у вас имеется?"

"Мороженное."

"Мороженное?!"

Вот чудачки.

"Ну, несите тогда!"

Все только и мечтали отправиться на концерт, где можно было получить чего-нибудь из нашей еды. К тому времени мы так наелись икры, что говорили: "О нет, только не икра опять!"

В Европе было классно, в Германии лучше не придумать, и в России нам было хорошо. Альбом отлично продавался, концерты проходили с аншлагами. У меня было ощущение, будто мы свернули за угол.

Великолепное ощущение.

68. Утомленные Тюром

Ради нашего следующего альбома, "TYR", мы вернулись в феврале 1990-го года в Woodcry Studios, я и Кози снова сели за пульт. На "Headless Cross" Тони только вливался в коллектив и полагал: о, Black Sabbath, тут всё о Дьяволе, поэтому его лирика была наполнена дьяволами и Сатаной. Мы попросили его подойти к лирике более изящно, поэтому для "TYR'a" он написал тексты со скандинавскими божествами и всем таким. У меня ушло какое-то время, чтобы воткнуть в смысл этой темы.

Особенно мне понравилась "Anno Mundi". Она начинается с хора, поющего на латыни. "Anno Mundi" и "The Sabbath Stones" - по-настоящему мощные, медленные, зубодробительные треки. Я люблю такие тяжёлые риффовые вещи, и "The Sabbath Stones" - вещь довольно жёсткая.

Видео мы сделали к "Feels Good To Me", балладе. Это любовная история о девушке, едущей на мотоцикле, и парне, который ей изменяет, ссорится с ней и всё такое. Там есть ещё кадры, в которых мы где-то играем. Немного сопливое видео, чересчур для материала, какой мы играли.

Вы можете сравнивать "TYR" и "Headless Cross" точно также, как "Mob Rules" и "Heaven and Hell". Если так, то "TYR" по ощущениям тяжелее, чем "Headless Cross". Было что-то с Оззи, что-то с Ронни, а потом - вот это. Будто этот альбом - из забытой эпохи. Я даже с трудом вспоминаю материал из того времени, так как он до какой-то степени стёрся из моей памяти. На шоу в Хаммерсмите пришёл Гизер, и мы сыграли с ним "Iron Man" и "Children Of The Grave". Мы играли вместе впервые с Live Aid, т.е. впервые за пять лет. Реакция фанов была потрясающая. Я подумал: кто бы ни вышел из оригинального состава, они будут в восторге. И я сознаю: мне это определённо понравилось. После выступления в Хаммерсмите мы уехали в Европу. В амстердамском Jaar Edenhall Кози применил газ CO2, который выстреливал со сцены, будто пар из-под верхушки скороварки. Получилось так, что потоком сдуло несколько плиток с потолка, и они упали прямо на его голову. Так у Кози в буквальном смысле снесло крышу.

69. И вновь Рай и Ад

В декабре 1990-го, вслед за завершающими выступлениями тура "Tyg", вернулся Гизер. Ему понравилось находиться вместе с нами на сцене в Хаммерсмите в сентябре. Тогда Нил Мюррей сказал, что с Гизером мы смотрелись замечательно. Нил из тех людей, кто в состоянии сказать: "Вам надо попробовать ещё раз с Гизером."

Мы попробовали, и Нил никогда не выражал своё недовольство этим фактом.

После того, как Ронни отчалил в 1982-м, мы не разговаривали много лет. Не то, чтобы нас разделяли реки крови, просто было как-то неудобно. И он, и Винни были заняты в Dio, у них довольно неплохо получалось, и было маловероятно, что мы опять скооперируемся. Но как-то Гизер вышел на сцену в одном из шоу Ронни и сыграл с ними "Neon Knights". Они сто лет друг друга не видели, но получилось отлично. Гизер рассказывал мне: "Это было клёво. Было очень приятно поиграть снова с Ронни."

Когда я встретился с Ронни, зашёл разговор о проекте. Винни с ним больше не играл, и Ронни сказал: "У меня есть очень хороший барабанщик, Саймон Райт (Simon Wright)."

Я ответил: "Ну, а мы думали насчёт Кози."

Это было немного странно, так как Ронни и Кози играли вместе в Rainbow и тогда не очень ладили.

В итоге, мы остановились всё-таки на Кози, и начали писать материал для будущего "Dehumanizer'a". Это был тяжёлый шаг, потому что мы уже начали репетировать с Тони Мартином, а теперь он должен был покинуть группу. Не очень честно по отношению к нему. Мы записали с Тони несколько отличных альбомов, но все были заморожены перспективой вернуть Ронни, определённо - люди из звукозаписывающей компании, и наш менеджмент тоже. В каком-то смысле мы снова собрали старый состав, только на барабанах был Кози.

Но это был тихий ужас. У нашего вокалиста и барабанщика были серьёзные трения. Ронни не сходил с ума от присутствия Кози в коллективе, но я помню, Кози говорил мне: "Если этот маленький пиздюк хоть слово мне скажет, я врежу ему по морде!"

Ронни вернулся в Лос-Анджелес, поэтому мы позвали Тони Мартина и немного порепетировали с ним. Потом Ронни снова вернулся и заменил Тони: эти сессии были сплошной дикой неразберихой. А потом у лошади Кози приключился сердечный приступ, она упала на него, сломала ему бедро и выбила из дела на продолжительный период. Если это не прозвучит излишне крамольно, можете назвать это происшествие случаем, когда не было бы счастья, да несчастье помогло. Я любил Кози, и

он был моим близким другом, но в команде у вас должна быть правильная комбинация. У нас уже голова шла кругом от происходящих разборок, нам нужно было немного стабильности. Возвращение Винни было очевидным ответом на все эти проблемы.

Вербовка Ронни в коллектив - хороший в музыкальном плане шаг, так как мы отлично работаем вместе. Несмотря на это, написание альбома "Dehumanizer" заняло немало времени, так как мы постоянно вносили изменения и слишком тщательно анализировали работу. Давление было громадным, так как от нас очень многого ждали. Прежде всего, мы немного выбили Ронни из колеи, так как не хотели, чтобы он пел что-то о подземельях и радугах. Говорить ему такое было нелегко, он на каждом альбоме пел что-то про радугу, а тут, ни с того ни с сего, услышал: "Ты сможешь не петь про радуги? Очень просим."

Ему пришлось всё переосмыслить.

"Я всегда пел про радуги!"

"Ну, понимаешь, мы думаем, что будет уже небольшой перебор."

Я ощущал небольшой дискомфорт, и случались напряжённые моменты. Мы сняли дом в Хенли-ин-Ардене, Винни и Ронни жили там, а мы приезжали на репетиции из дома. Мы джемовали все вместе и придумали кучу материала. Винни всё записывал на плёнку. Он делал нам по копии, так и жили какое-то время. Мы много анализировали получившееся, раскритиковывали, но в итоге оставили какое-то количество хороших песен.

Ронни был знаком с одним немецким продюсером, Рейнхольдом Маком (Reinhold Mack), и мы решили обратиться к нему. Он работал с Queen и ELO, и Брайан Мэй спросил меня: "Ты точно уверен, что хочешь работать с Маком?"

Я в ответ: "А что?"

Он мне: "Ммм, хмм."

Другими словами, мы с ним сотрудничали, но я не уверен, что и вам стоит. Это совсем не звучало так, как будто его опыт работы с Маком был очень положительным. Он спродюсировал диск, но по моему мнению альбом страдает излишним количеством живого барабанного звучания. Мы записывали пластинку в Rockfield Studios. Винни играл в комнате, в которой всё было отделано стеклом, и, когда я слушаю этот альбом сейчас, я просто слышу прозрачность той комнаты. Винни понравилось - барабанщики любят такой гулкий звук.

Процесс записи, между тем, прошел отлично: он занял не больше шести недель. Альбом открывается композицией "Computer God". Гизер написал текст, и помимо этого по мере сил вносил свою лепту в создание этого альбома. Я всегда пытался чаще вовлекать его в написание музыки: "Ну, давай, покажи нам какой-нибудь рифф."

Его первой реакцией всегда было: "О, тебе не понравится. Ты будешь смеяться."

Но на самом деле он так и не сыграл мне ничего такого, над чем бы я посмеялся.

"After All (The Dead)" - симбиоз материала Гизера и моего. Гизер придумал один рифф к этой песне, который показался мне очень классным. Кроме того, он чуть-чуть сыграл и на гитаре, просто небольшой, но бойкий рифф. Когда он сыграл свою идею, я не смог в точности воспроизвести то, что он играл. Он начал играть, чтобы показать мне, а я сказал: "Не могу уловить, но знаешь что, может сам сыграешь?", и он сыграл.

"Time Machine" - вещь, которую мы играли уже долгие годы. Мы написали её для саундтрека к

"Миру Уэйна" ("Wayne's World") и записали задолго до того, как встретились с Рейнхолдом Маком. Лиф Мэйзес (Leif Mases) продюсировал альбом Джеффа Бека, а Эрнест Чапмэн был у Джеффа менеджером, так мы и вышли на него, только для записи этой песни. На заре карьеры Лиф работал с ABBA. От ABBA к Black Sabbath - ничего себе зигзаги!

70. Связан и закован

Скромные по размаху представления, которые мы давали в течение тура "Dehumanizer" отражали время перемен, но начали мы довольно громко. В июне 1992-го года мы дали грандиозные шоу в Сан-Паулу, Порто Алегри и Рио-де-Жанейро. Они были немного безумными. Было одно шоу, где мы чуть не обделались со страху. Мы сидели в гримёрке и слышали, как буянит толпа. Мы должны были выйти в определённое время, но они хотели нас здесь и сейчас. Они были перевозбуждены и начали ломиться на сцену. Мы подумали: Господи, если они прорвутся, то у нас тут за кулисами нет шансов! В конце концов их оттеснили обратно, и мы вышли, но было слегка не по себе.

Честно говоря, мы сами представляли для себя большую опасность, чем толпа. Однажды вечером в Сан-Паулу я отправился спать, оставив Ронни и Гизера в баре. Они напились, и вышло у них расхождение во мнениях. Гизер убрался оттуда в крайнем волнении. В центре вестибюля была большая бронзовая статуя, и он решил зарядить ей с головы. Угадайте, кто больше пострадал. Я не знал об этом до следующего дня, когда увидел его в тёмных очках. Я спросил: "Ты в порядке?" Он пробубнил: "Ага..."

"Чёрт меня раздери, что с тобой произошло?"

"Эмम्म.. долго рассказывать... не знаю я..."

Если Гизер перепивает, у него проявляется некоторая склонность к насилию. Но в этот раз он сцепился не с тем парнем. Я не верил тому, что вижу, его глаз был как надувной шар.

В последних турах Black Sabbath и Heaven & Hell у нас были личные гримёрки. Мы делали так, чтобы дать друг другу больше пространства. Если я хотел пробежаться по материалу и попрактиковаться немного, остальные не обязаны сидеть и слушать меня. И если им приспичило поболтать с друзьями, я не горел желанием выслушивать это. Я предпочитаю не видеть никого перед выступлением, так как люблю сосредоточиться над тем, что нам предстоит, а Ронни временами нужно пообщаться с людьми. Гизеру нравится запирается и дрыхнуть. Но во время тура "Dehumanizer" мы не могли иметь свои собственные гримерки из-за масштаба площадок. Одну делили Мы с Гизером, другую - Ронни и Винни.

Так получилось ещё и из-за некоторого трения между обеими партиями. Мы не ненавидели друг друга - просто у нас была разная манера вести разговор, Ронни всё ещё был слишком прямолинеен, тогда как мы с Гизером избегали малейших проявлений открытой конфронтации. Но несмотря на скромность площадок и трения, мы отлично играли и давали джазу.

Тогда же Оззи объявил о завершении карьеры. Месяца за два до вероятно последних концертов в его жизни, 13-го и 14-го ноября 1992-го года, в Тихоокеанском Амфитеатре в Коста Меса, Калифорния, нам предложили выступить там вместе с ним. Это был первый прощальный тур Оззи, так что мы были свято уверены, что он собрался на покой. Поэтому когда нас попросили, мы ответили: "Да, хорошо, конечно, мы будем там."

Мы должны были выступить перед Оззи текущим составом, а потом сыграть три песни оригинальной четвёркой в финале его отделения, чтобы подвести черту. Мы подумали, это будет

красивым жестом, сделать это. Мы спросили Ронни, а он отрезал: "Я не собираюсь этого делать."

В выражениях, не вызывающих никаких сомнений.

"Я не буду разогревать этого клоуна."

Он был непреклонен, но мы привыкли к резкости Ронни и всё равно поместили шоу в расписание турне. Мы думали, он может успокоиться и поменять своё мнение. Ронни, конечно, не изменил, и это был последний гвоздь в крышку гроба. Правда на его стороне: он говорил, что не будет этого делать с самого начала.

Мы дали согласие приехать и сыграть, время шло, и мы уже не могли отказаться. Нам нужно было заменить Ронни на два концерта в Коста Меса, и мы подумали: ну, Тони Мартин знает материал. Так что мы обратились поначалу к нему, но у него что-то не увязалось. Тогда на нас вышел Роб Халфорд и сказал: "Я могу сделать это, если вам интересно."

Мы сняли репетиционную на день или два в Фениксе, где жил Роб, подготовили и отрепетировали новый сет для того, чтобы выступить на этих шоу. Мы разобрали кое-что из репертуара Ронни, и Роб даже предложил сделать что-то из материала Тони Мартина. Кроме того, мы отрепетировали кое-какой старый материал, за который, мы были уверены, Оззи ни за что бы не взялся, например "Symptom Of The Universe". У Роба всё ещё был диапазон для того, чтобы петь это. В итоге у нас был плотный список из одиннадцати вещей. Одна за одной, бац, бац, бац.

Нам удалось найти вокалиста для выступлений в Коста Меса, но кто-то другой чуть было не испортил дело. За два дня до того, как всё должно было произойти, я обнаружил, что нахожусь в тюрьме.

Мы завершили концерт в Сакраменто. я вышел со сцены, влез в гастрольный автобус, когда кто-то постучал в дверь: "Мистер Айомми в салоне?"

"А кто спрашивает?"

"Мы из Окружной Прокуратуры, и у нас есть ордер на его арест."

Я подумал: о, нет! Что это, блядь, за хрень такая?

Они сказали: "Мы может зайти в салон и забрать мистера Айомми?"

"Нет."

"Ну, или мы заходим сейчас, или задерживаем автобус до тех пор, пока не придёт предписание, и тогда мы всё равно зайдём, чтобы забрать его."

И я сказал: "Пусть входят."

Моя бывшая жена Мелинда пыталась привлечь меня по поводу алиментов на ребёнка. Она заявила, что я не плачу их. Вместо того, чтобы сначала проверить, они просто пришли и арестовали меня. Ты автоматически виновен, пока не докажешь обратное. Они поставили машины перед автобусом и позади него, и всё. Меня вывели из него и сказали: "Мы не будем надевать на вас наручники сейчас. Посадим в машину и отвезем за угол, где нет фанов."

Как только мы скрылись из их поля зрения, на меня нацепили наручники и надели оковы на ноги. Я сидел сзади в машине, и мы целый час ехали в Модесто. Это место, где жила Мелинда, там меня и собирались посадить за решётку. Я гадал, что происходит.

Меня посадили в клетку с парнем, на котором не было рубахи, и он не прекращал повторять: "Тебе не захочется в тюрьму, чувак, они убьют тебя."

Я всю ночь провёл в Территориальной Тюрьме Модесто, но не мог уснуть из-за шума и волнений.

Возможно я скинул фунтов десять веса за ночь. Я не переставал размышлять: а знает ли вообще хоть кто-нибудь о том, что я здесь? Спасибо Глории Батлер, она продолжала названивать копам каждые пятнадцать минут и просила: "Не сажайте его в камеру с кем-то ещё, посадите его в одиночку!"

В итоге они так и сделали, перевели меня в собственную камеру. Чел из камеры, следующей сразу за моей, был уверен, что я тут, чтобы убить его. Он сказал: "Я знаю, что ты хочешь убить меня, но я достану тебя в душе. Я знаю, это Сатана прислал тебя!"

Грёбанное пекло.

Это было вечером в четверг, и залог нужно было внести на следующий день, иначе меня бы оставили там на все выходные, до понедельника. Мне нужно было выбирать, чтобы выступить в Окленде и днём позже в Коста Меса с Оззи. Размер залог установили в 75.000\$, просто заоблачная сумма, так как алименты даже рядом с ней не стояли по размеру. Мне пришлось заплатить, это была полнейшая чепуха, но у меня не было выхода. В конце концов приехал адвокат с чемоданчиком, в котором было семьдесят пять кусков наличными. Глория позвонила Ралфу Бейкеру и Эрнесту Чапмэну, и они нашли деньги.

Я предстал перед судьёй весь в цепях и чувствовал себя так, будто убийство какое совершил. Как только я оказался в тюрьме, новость разошлась с быстротой молнии. Парень, который выдавал всем кофе, через стойку в маленьких чашечках, знал, кто я такой, так что вскоре знали и все заключённые. Охранники вели меня в Судебную Палату, и все парни из камер, мимо которых я проходил, кричали: "Эй, Тони! Чо стряслось?!"

Начальник тюрьмы, в костюме и при галстукке, объявил: "Вот что я тебе скажу, нам тут не нужен инцидент вроде того, какой был с Джоном Ленноном. По обе стороны от тебя будут охранники, и один ещё впереди, а ты держи шаг вровень с ними."

Это было нереально. Я в наручниках и с цепями на ногах, пытался брести, а все эти ребята тем временем орали своё.

Невероятно.

Конечно, это попало и на первые полосы газет: "Арестован!"

Меня выпустили под залог, но отобрали паспорт и запретили покидать Америку. Адвокат посоветовал убраться из Калифорнии. Он сказал: "Найди милое местечко и сиди тихо."

После Коста Меса я отправился во Флориду, чтобы быть как можно дальше от Калифорнии, не покидая страну. Но у меня появился комплекс по поводу выхода на улицу. Каждый раз, когда я видел полицейского, я чувствовал вину.

"Где Ваш паспорт?"

"У меня его нет. Отобрали."

Всё, что я делал, - сидел, не высываясь и поддерживая связь с адвокатом. Это обошлось мне в копейку, так как он был дорогим, элитный парень, приехавший вытащить меня. В итоге всё утряслось, мне вернули паспорт, и я вернулся домой. Но я не думаю, что получил назад свои 75.000\$. Очень путанное дело, вся эта история.

Меня вытащили из тюрьмы как раз, чтобы поспеть к концерту в Окленде тем же вечером. Это была пятница 13-е, и это было последнее выступление с Ронни. После этого мы с ним расстались. На самом деле у нас никогда так и не дошло до слов: "На этом всё!" Просто распалась компания. Ронни отказался ехать в Коста Меса и сказал: "Если вы поедете и выступите, то без меня."

На таких условиях это можно было сделать, мы так и поступили.

В первый вечер в Коста Меса Роб нервничал. Он раньше вышел на сцену и раньше начал петь. Чертовски тяжело учить чьи-то песни наспех, а потом выйти и выступить с группой, но Роб справился замечательно. Он действительно настоящий профессионал.

Во второй и последний вечер мы играли с Оззи. Мы сошли со сцены после нашего сета с Робом, а потом, чуть позже, вышли снова, я, Гизер и Билл Уорд, также присоединившийся к нам по такому случаю. И мы сыграли "Black Sabbath", "Fairies Wear Boots", "Iron Man" и "Paranoid" с Оззи.

Совместная игра вернула хорошую атмосферу, какая у нас была когда-то, и публика реагировала отлично. Она была в благоговейном трепете, они не могли поверить в то, что мы снова вместе на сцене после стольких лет. Это был грандиозный концерт.

Естественно, после этого повсюду разошлись слухи о том, что старый состав снова собирается вместе. Все предполагали: о, возможно они и сделают это. Ну, это могло случиться, но мы абсолютно ничего не предпринимали по этому поводу в то время. Круто было бы сделать это, но после шоу мы остались ни с чем. У нас больше не было группы.

Я просидел во Флориде шесть недель в ожидании паспорта и смертельно хотел вернуться домой.

71. В гармонии с Перекрёстными Целями

Я вернулся домой, и моей первой мыслью стало: реанимировать группу. Мы отслушали некоторых британских барабанщиков, но ни с кем из них у нас не выгорело. В этот момент мне позвонил Бобби Рондинелли (Bobby Rondinelli), поигравший в Rainbow. Он хотел попробовать. Я полагаю, это было вроде: если не сделаешь звонок, не тронешься с места. Очень точно подходит к его случаю, он вышел на связь и получил работу. Он - барабанщик того же сорта, что и Винни. Очень точный. И в личностном плане также пришёлся ко двору.

Мы не искали других вокалистов, просто попросили Тони Мартина вернуться. Он так часто попадал впросак с нами, но был достаточно незлопамятен, чтобы не заикнуться на этом. Как только появился Бооби, мы начали сочинять песни для нашего следующего альбома, "Cross Purposes" Так что это были я, Тони, Гизер, Бобби и Джефф, и дело спорилось. Писать новые песни мы закончили летом 1993-го года.

Лиф Мэйзес помог нам с композицией "Time Machine" для саундтрека к "Миру Уэйна" и обладал достаточным опытом, поэтому мы попросили его спродюсировать "Cross Purposes" целиком. С ним хорошо работается, и запись прошла гладко. Вещи вроде "Virtual Death", с тяжёлым мощным риффом, и "The Hand That Rocks The Cradle" - результат наших с Гизером совместных усилий, он предлагал всё больше и больше идей. "Cardinal Sin" - песня о католическом священнике из Ирландии, скрывавшем дитя своей любви на протяжении двадцати одного года. Сейчас это могло бы быть весьма знаменательной песней, учитывая последние события.

"Evil Eye" - трек, над которым мы работали, когда в Бирмингеме в Национальном выставочном Центре (NEC) играли Van Halen. Эдди связался со мной, и я сказал: "Мы репетируем. Пишем новый альбом."

Он хотел встретиться, так что я заехал за ним в гостиницу, и мы отправились в Хенли-ин-Арден, где проходили репетиции. Мы взяли для него гитару в музыкальном магазине, одну из его подписных моделей, поджемовали, и он сыграл на "Evil Eye". Я играл рифф, а он - превосходное соло. К несчастью, мы не должным образом записали всё на наш маленький плёночный аппарат, так что у

меня больше не было шансов послушать, что получилось!

Забавный выдался денёк. Эдди спросил: "Пиво будете? Я прихвачу с собой пивка?"

Я пить не мог, так как вёз его обратно в отель, но мы взяли с собой ящик, привезли в репетиционную, и к тому времени, когда мы уезжали, Эдди был уже в стельку. Но я был очень рад повидаться с ним, и классно, что он пришёл и поиграл с нами. Джем с Эдди всех раззадорил и подстегнул.

Альбом был издан в начале 1994-го года. В надписи на обложке я выразил большую благодарность всем в Территориальной Тюремной Модесто за гостеприимство и за то, что заставили меня задуматься о том, что лучше дома места нет.

Несмотря на то, что "Cross Purposes" не стал бестселлером, пошёл он хорошо. Наконец-то пошевелились I.R.S.: они даже дали рекламу на MTV. Это восстановило нашу уверенность в себе, и мы отправились в мировое турне.

В Америке нас сопровождали Motorhead. Их фронтмен, Лемми - тот ещё персонаж.

Конечно же в их райдере не было места для еды, сплошь только выпивка. Ты приходишь в их гримёрку, а там съесть нечего, зато в избытке вино, Джек Дэниэлс и пиво. Они - воплощение рок-н-ролла. И они такие всегда. Никогда не забуду, как однажды увидел сбоку сцены их гитариста, Фила Кемпбелла (Phil Campbell). Он проблевался, а в следующую минуту уже был на сцене и играл себе. Господь меня раздери, как они это делают? Как они это выдерживают? Их организмы должно быть не поддаются разрушению.

Лемми наверное и умрёт на сцене. Я определённо не могу его представить осевшим в каком-нибудь доме для престарелых. Он уходил в их гастрольный автобус и выходил в той же одежде на следующий день, и на сцену выходил в ней же, я не гоню... Motorhead, они фактически ведут цыганский образ жизни, честно.

Слышал я одну прикольную историю про Лемми: он играл и говорит в технику по мониторам: "Слышишь этот ужасный звук в моих мониторах?"

Парень отвечает: "Нет."

И Лемми: "И я нет. Давай, прибавь мне громкости!"

В последнем туре с Дио они были с нами на одном из шоу. Лемми подошёл ко мне и спросил: "Как турне, нравится тебе?"

Я ответил: "О, да, мне очень нравится. Замечательно, что мы знакомы друг с другом много лет и все примерно одного возраста."

И он ответил: "Ага, и все знаем одних и тех же мертвецов к тому же."

Я подумал: это как обухом по голове. Чёрт возьми, а ведь он прав!

У Тони Мартина сказочный голос, но мы всегда пеняли ему по поводу его поведения. В этом плане он делал всё довольно по-любительски. В одну ночь он перешёл от работы на местных площадках к выступлениям на большой сцене. Это тяжело - оказаться на таком месте, на переднем плане группы, которую все знают по таким выдающимся исполнителям, как Оззи и Ронни. Это было немного слишком для него, как и для Рэя Гиллена, когда тот пришёл к нам, и Тони пришлось справляться с этим. Его голова от этого немного выросла. Мы были где-то в Европе, и Тони возил с собой небольшой портативный видео-проигрыватель. Он сидел в баре отеля и показывал людям видео, где он выступает с нами: "Смотрите, вот, это я здесь!"

Очень непрофессионально: вы просто не должны делать ничего подобного. Альберт Чапмэн, который был его менеджером в то время, был в бешенстве. Он сказал: "А ну убери эту погребень!" А потом он вдруг стал объявлять себя как Тони "Кота" Мартина (Tony "Cat" Martin). Откуда так внезапно появился этот "Кот"? Тони иногда вытворял такое, что ни в какие рамки не вписывалось. Однажды в Америке по ходу тура "Cross Purposes" недостаток его навыка сцены или задатков звезды, называйте это как хотите, стал предельно ясен. Прямо посреди шоу он решил пробежаться вдоль аудитории между сценой и ограждениями, сдерживающими людей. Он спрыгнул со сцены и пустился бежать, когда парень из охраны схватил его и выпихнул за ограждения, так как решил, что это один из фанов.

"Но я же певец!"

"Ага, как же."

Подобное никогда не произошло бы с Оззи или с Ронни. Но на голос Тони вы жаловаться не можете. Он просто феноменален. Он просто выходил и делал свою работу, ни разу не пропустив выступление. Тони к тому же - приятный парень, и он застрял у нас на десять лет.

В апреле-мае мы проехали по Британии и Европе с Cathedral и Godspeed. Эти две команды ездили вместе, но постоянно дрались. И чем дальше, тем больше. Сначала тут и там были пластыри, потом появились повязки, а у одного - рука на перевязи. Очень странно.

В апреле наше выступление в Хаммерсмит Одеоне записали и сняли для бокса из CD и видео под названием "Cross Purposes Live", изданного примерно годом позже. Однажды я слышал, как кто-то назвал его самым нераскрученным изданием всех времён. И это, скорее всего, правда, так как считанные единицы помнят о выходе этого бокса.

Завершающий концерт европейского турне оказался последним для Бобби Рондинелли. Оставалась парочка шоу в Южной Америке, и, когда я разговаривал с Биллом Уордом, то сообщил ему: "На очереди у нас Южная Америка."

Он ответил: "Я бы с удовольствием поиграл в Южной Америке."

"Да? Тогда может сыграешь с нами?"

"Конечно!"

Чёрт меня побери!

Он спросил: "И как мне поступить? Встретиться с вами там уже?"

Он не знал ни одной вещи с Тони Мартином, поэтому я сказал: "Нет. Надо, чтоб ты приехал в Англию на репетиции."

"А, ну лады тогда."

Он приехал, мы порепетировали, в старом саббатовском материале он был превосходен, но с новыми песнями вроде "Headless Cross" испытывал затруднения.

Были Гизер, я и Билл, так что у нас был практически старый состав, плюс Тони Мартин. Мы отправились в Южную Америку, в обойме с Kiss, Slayer и некоторыми другими. Мы вышли на сцену перед стотысячной аудиторией, давление было запредельным, мы начали, но в итоге отбросили новый материал. Чтобы не сбавлять оборотов, мы сыграли песни вроде "Iron Man" и "War Pigs", репертуар, с которым Билл был знаком. Но надо отдать должное Тони, он спел все эти старые вещи отлично.

После окончания тура, Гизер снова ушёл к Оззи. Нужно было что-то менять. И я решил: "Ну всё!"

Пора возвращать Нила и Кози!" Через пять минут мы были снова вместе. Могли возникнуть неприятные ощущения из-за того, что случилось в прошлом, но мы с этим разобрались. Мы вновь собрались и принялись за работу над альбомом "Forbidden".

72. То, чего нельзя было допускать

Звукозаписывающая компания предложила нам задействовать более стильного продюсера. Они говорили о парне, который продюсировал Айса Ти (Ice T), о гитаристе команды Body Count, Эрни Каннигане (Ernie Cunnigan), более известном под псевдонимом Эрни Си (Ernie C). Они заявили, что это прибавит нам доверия улицы, так как считали, что мы его потеряли. Знаете, это как когда компания набирает ребят-вундеркиндов, они фонтанируют идеями, но ничего не работает. И это как раз один из таких случаев, и я без энтузиазма отнесся к нему. Кози тоже не был без ума от этого предложения, и я понимаю, почему. Результат вышел чудовищным. Вот я и поработал с кем-то из хип-хоп индустрии. В этом не было ничего неправильного, я просто не был знаком с этим миром, я словно открыл ящик Пандоры.

Первое, чем отличился Эрни Си, - заставил Кози играть на бочке эти штуки вроде "та-та-та-та". Это совершенно другой стиль игры, то, чем занимаются парни в хип-хопе, абсолютно противоположно тому, что делаем мы, и ведет к разного рода шумам. Кози - уважаемый в своей области барабанщик, и тут приходит кто-то и говорит: "Играй вот так."

Это очень его задело. И чем больше Кози пытался, тем хуже у него получалось, так как он совершенно не хотел так играть. Поэтому всем было трудно, создалась неприятная атмосфера. Что ещё хуже, это исходило от продюсера, который нас совсем не знал. Эрни заявлял, что знает, но звучит это, как неуклюжие расшаркивания. Звук не везде был на высоте, и я очень недоволен этим альбомом. И никто из нас не был доволен.

Я думал: ну ладно, может быть это я не прав. Может они умеют лучше, чем мы. Там что мы хранили при себе сомнения и держались подальше от этой темы. Кроме того, если бы мы начали вставлять свои три копейки, говоря: "Мы хотим звучать вот так", мы бы опять вернулись к тому, от чего ушли. Тогда в чём был смысл приглашать кого-то?

Еще со времён Роджера Бейна я был вовлечён в процесс записи и микширования по крайней мере на каком-то этапе, но с этим альбомом всё было по-другому. Если дело шло к буре, мне следовало побеспокоиться, чёрт побери, я должен был быть там!

Это был отрицательный опыт от начала и до конца. "Forbidden" был выпущен в июне 1995 года. Я считал диск отстоем, вплоть до мультяшного оформления обложки, так что я не был удивлён, что он провалился. Тем не менее, мы отправились с ним в турне. Тур "Forbidden" мы начали с двух больших фестивалей в Швеции и Дании, а потом улетели в Америку, снова при поддержке Motorhead. Мы с Кози принялись выделывать множество глупых шуток, он был так же горазд попроказничать, как и я. Переворачивали кровати или выкручивали у них ножки, выбрасывали телевизоры из окон гостиниц - вернулись к старым добрым денькам. В Лос-Анджелесе я взял надувную куклу, одел её и подвесил к балкону. Люди смотрели наверх, и тогда мы начинали орать и кричать, претворяясь, будто у нас тут ссора. Всё больше людей всматривались наверх, и тут я выкидывал куклу через балкон. Это был дурдом.

В любом составе Black Sabbath я прикалывался над людьми, и, конечно, они прикалывались надо мной тоже. Ещё на заре нашей карьеры я однажды принимал в отеле душ, когда кто-то позвонил в

дверь моего номера. Я открыл, а там был Оззи с ведром воды. Я вытащил голову, он окатил меня водой, бросил ведро и помчался прочь. Я пустился было за ним, на мне не было одежды, и дверь за мной захлопнулась. Я подумал, вот же ж Господи Боже мой!

Я постучал в дверь к ребятам, хотел позвонить на рецепцию и попросить помощи, но, конечно, они мне не открыли. Я стоял в коридоре, голый, и тут дзинь!, распахнулись створки лифта, и оттуда вывалились люди. Они были одеты в вечерние наряды, а я - совершенно без одежды. Мы стояли, пялились друг на друга, не зная, что предпринять. Они небось подумали, что я извращенец какой-то. В конце концов появилась охрана, так как кто-то позвонил вниз и сообщил: "Тут один мужчина голышом по коридору разгуливает!"

Мне пришлось объяснять, что случилось, и меня пустили обратно в мой номер. Ребята хорошо подловили меня в тот раз.

Самый неловкий момент произошёл, когда мы вернулись из Америки после крупнейшего турне. Мы приземлились в Хитроу, и один из парней сказал мне: "Мои чемоданы не помещаются все в тележку, можешь взять один в свою?"

Я ответил: "Не вопрос."

И взял. Мы прошли все эти "нечего декларировать", и меня, естественно, задержали.

"Простите, сэр, это Ваши чемоданы?"

"Да."

"Можем мы осмотреть содержимое?"

"Давайте."

"Пройдёмте."

Они открыли мои чемоданы, с ними был полный порядок. Затем они добрались до чужого и открыли его. Я чуть замертво не свалился прямо там, где стоял, потому что чемодан этот был набит секс-игрушками. Там были надувные куклы, дилдо, наручники и все остальные принадлежности. Я не мог поверить своим глазам и не находил слов. За мной стояла очередь, люди стояли, ожидая, пока осмотрят их багаж. Всё вытрясли наружу, и я слышал хихиканье позади себя. Я был чрезвычайно смущён, тем более, что всем было известно, кто я такой. Ну и, конечно, я уже не мог ни с того ни с сего заявить: "Это не мой."

Это была подстава, и, должен признаться, очень грамотная. Понятно, что, когда я прошёл таможенников, наши бились в колицах. Им это казалось уморой. Вот что бывает, когда прикалываешься над людьми. Они не остаются в долгу!

В первую неделю августа мы завершили турне тремя концертами в Калифорнии, со всей осторожностью объезжая Модесто. Это были последние выступления Кози с нами. Он был очень недоволен тем, что ситуация в корне изменилась. Он больше не был так сильно вовлечён в написание материала, как раньше: это из-за меня. Он больше не являлся вторым капитаном корабля, и от этого ему было не по себе. И тут ещё чёртов Эрни Си диктовал ему, что играть, что стало ему поперёк горла. И он решил оставить группу и уйти.

Вернулся Бобби Рондинелли, и мы снова отправились в дорогу, тур был плотно расписан вплоть до самого декабря. В Америке мне стало очень плохо, и я сходил на приём к врачу, он оказался также и хирургом. Он сказал: "У тебя проблемы с шеей, и это очень опасно. Тебе нужно как можно быстрее лечь на операцию. Так получилось, что я могу прооперировать тебя завтра."

Я в ответ: "Погоди-ка. Нет уж!"

Я подумал, Боже, надо поехать домой в Англию и пройти надлежащий осмотр. Я улетел домой и сходил к двум специалистам. Они постановили: "Нет, проблема вот здесь, в запястье."

Слава Богу, я не поддался на уговоры парня из Америки, а то бы мне шею прооперировали. Вместо этого мне сделали операцию на канале запястья. Они сделали надрез на моей руке, чуть выше запястья, там было что-то вроде пластиковой ленты. Я был в сознании, пока меня оперировали, и чётко слышал, как разошлись ткани. Меня начало тошнить, так как в голове зашумело и я почувствовал холод, когда пошла кровь. И вот, мне было дурно, а два хирурга оживлённо болтали: "О, ты смотрел вчера по телеку...?"

Они пытались и меня вовлечь в разговор: "О, смотри какой красивый надрез", но на это у них не было шансов. Я мог взглянуть туда. Адское пекло, я из-за всех сил пытался не блевануть, пока меня оперировали.

Они зашили надрез, на этом всё. Вскоре я опять мог играть. Я излечился, и больше не испытывал беспокойства по этому поводу. Теперь барахлит всё что угодно, но только не это!

Канал запястья не сильно урезал тур "Forbidden", так мы отменили выступления лишь на пару недель. Только и всего, на самом деле. Я финансировал гастроли и оплачивал автобус, работу дорожной команды, гостиницы, зарплаты музыкантов, то и сё, и это стоило мне немалых денег, ездить и играть. Мы не могли так продолжать.

Я опять сидел дома с перевязанной рукой. Как только турне остановилось, группа распалась, и прошло много лет, прежде чем я снова увидел Тони Мартина. И я не представлял себе, что "Forbidden" - это последний студийный альбом Black Sabbath. По крайней мере на очень, очень долгое время.

73. Одиночный полет с Гленном Хьюзом

Сделка с I.R.S. Records подошла к концу после выхода "Forbidden", и деятельность Black Sabbath была заморожена во всех отношениях. Я поговорил с Филом Банфилдом и Ралфом Бейкером о том, чтобы поработать с каким-нибудь певцом, когда услышал, что в Англию вернулся Гленн Хьюз. Он заехал провести меня, и очень скоро мы начали писать песни. Он пел и играл на басу. Это было больше ради забавы: то, что мы записывали, не предназначалось для публикации. Мы просто хотели посмотреть, что получится. Кроме того, мне нужно было работать, так как я тогда отнюдь не жировал. Необходимо было как-то перебиваться.

Гленн предложил задействовать Дэйва Холланда (Dave Holland), который, много лет назад, был барабанщиком Judas Priest. Дэйв приехал и немного поиграл на электронной установке. Мы оформили пару идей и отправились в студию UB40, называвшуюся DEP, чтобы как положено записать демо, где Дэйв сыграл бы на настоящей установке. Мы записали все песни, затем я покинул ребят, чтобы заняться первым воссоединением Black Sabbath с Оззи, после чего принялся работать над своим сольным альбомом, всё в разных направлениях. Вот почему эти сессии в DEP просто потерялись, они были забыты.

Через какое-то время эти вещи всплыли на бутлеге. Я задумался: как они достали это? Спросил Гленна, и он ответил: "Я не в курсе." Столько людей имели доступ к плёнкам! Это мог быть кто-то из студии, кто-то из окружения Гленна или Дэйва, а может и из моего. Мы так и не узнали истину. Как-то в начале 2004-го года мой гитарный техник, Майк Клемент (Mike Clement), сидел в моей

домашней студии, перегоняя коробки кассет с риффами на CD. Он промотал несколько треков с сессий в DEР и спросил: "Почему ты не обнародуешь их? Они довольно клёвые!"

74. Жизнь вместе врозь

Свою третью жену, Вэлери, я встретил в Лондоне, когда записывался "The Eternal Idol". Однажды вечером я пошёл в клуб под названием Tramp и встретил там Вэл. Она была моделью и танцовщицей. Танцевала она в одном из шоу типа варьете, где была труппа танцовщиков из десяти женщин и парня, вроде музыкальной группы. Как модель, она участвовала в рекламе кремов для лица и рук.

Мы обменялись номерами телефонов. Она мне позвонила, и мы начали встречаться. Я совсем не собирался затевать отношения, так как тогда больше интересовался наркотиками, но в конце концов они завязались. Мы были вместе шесть лет, а потом расписались.

Наша свадьба была делом очень скорым. Я пытался провернуть всё по-тихому, но Фил Банфилд всё знал и захотел быть шафером. Мы просто расписались в регистрационной палате с Филом в качестве моего свидетеля. Вернулись домой, а там нас уже поджидали мои друзья.

Чёрт побери, что случилось? Это должен был быть секрет!

Фил организовал всё, и, чёртово пекло, эта вечеринка-сюрприз, она удалась на славу!

Мы были вместе двенадцать лет. Вэл очень мне помогла в том, чтобы слезть с наркотиков, так как ненавидела их. Я перед ней в неоплатном долгу за это. Алкоголь никогда не был в числе главных проблем, но кокса и спида я поглощал в избытке. Был период в жизни, когда я даже не осознавал, что происходит, становилось всё хуже и хуже, но я не понимал этого. Я стал более раздражительным и часто ввязывался в ссоры, полагаю, я стал кем-то другим.

Когда мы поженились, Вэлери больше не стала с этим мириться. У нас был скандал каждый раз, когда я вынюхивал дорожку. Она сразу могла сказать, когда я что-то наделал. Я пробирался к себе в студию, внюхивал дорожку, и тут же: "Ты под коксом!"

В итоге я решил, что оно того не стоит, ругаться всякий раз, когда я приму немного наркоты. Или я должен был завязать, или всему конец. И я завязал. Ну, вернее я завязывал регулярно, скажем так, я заканчивал с этим ежедневно.

У Вэл был дом с шестью спальнями на севере Лондона, а у меня был свой в Мидленде. Она предпочитала оставаться в Лондоне, где были её друзья, а я никогда не хотел переезжать в Лондон, так что мы некоторое время проводили в её доме, а потом возвращались ко мне. Или она была в Лондоне, а я - дома. Когда я был на гастролях, Вэл ни за что не осталась бы в Мидленде. это означало, что мне нужно было кого-то оставлять присматривать за домом. Это были довольно забавные отношения, правда.

У Вэлери был сын, Джей, очень милый мальчик. Для меня это было немного странно, не иметь возможности жить с собственной дочерью, а потом жениться и получить ребёнка в придачу.

Поначалу я не мог забрать свою дочь, так что всё было очень запутанно.

Я отчаянно желал привезти Тони. Мелинда снова вышла замуж и родила ещё двух детей от нового мужа. Очевидно, этот парень владел несколькими ночными клубами и был по уши связан с мафией, его за что-то там взяли и посадили на семь лет. Мелинда растратила большую часть его денег, пока он находился в тюрьме, а затем бросила его. Этот парень вышел из тюрьмы раньше, и суд позволил ему и его сестре забрать детей, всех троих. Поэтому я наведлся в Модесто, где они жили,

провести Тони в их доме, так как они должны были присутствовать при моём визите. Это была достаточно неловкая ситуация, потому что у него были двое других детей, а Тони за ними ухаживала. Ей тогда было двенадцать или тринадцать.

Вскоре условия визитов смягчились. Тони разрешили бывать со мной в Лос-Анджелесе, я на неделю брал её с собой в турне. В гостиницах мы брали сдвоенные номера, но она оставляла дверь открытой, а свет - включённым, до того она была запугана всем тем, что происходило в её жизни. После всех судебных процедур я наконец-то забрал её. Большой проблемой было то, что они думали: о, у него группа. А, Black Sabbath! Мне и шагу не давали ступить. Меня выпрашивали: "Когда вы будете на гастролях, кто будет присматривать за девочкой?"

"Ну, я найму нянечку."

Свелось всё к выбору между бывшим мошенником, который не был настоящим отцом, и мной.

Адвокат, которого я нанял в Лос-Анджелесе, говорил: "Слушай, ты - отец, и мы вернём её тебе."

В конце концов я вернул её в 1996-м году, я мог забрать её домой в Англию. Наконец-то!

Когда Тони приехала, она была вся на нервах. Она была запугана, её футболили туда и сюда, и она не понимала, что происходит. Прошло много времени, пока она успокоилась и вернулась в норму.

Очень долго ей снились кошмары. У неё была своя комнатка, дверь была всегда открыта, свет не выключался, среди ночи она начинала кричать, и я мчался к ней. Поначалу я думал: как я могу ей помочь, что мне делать? Ты отдаёшь ей свою любовь, но дело тут ещё и в том, чтобы она меня приняла, так как большую часть жизни она провела вдали от меня. И она не ладила со своим отчимом, так что было очень тяжело.

К тому времени наш брак с Вэлери трещал по швам. Она хотела жить в Лондоне и путешествовать по миру, а я нет. Я уже объездил мир бесчисленное количество раз с гастролями. Мы оба желали разного, поэтому у нас случались резкие разногласия. Но развалилось всё окончательно, когда Тони приехала в Англию. Вэл определённо не хотела ещё одного ребёнка. У неё уже был сын, о котором мы вместе заботились, и она сказала: "Надо устроить Тони в колледж. Поместить её в школу, где она и будет оставаться."

Я ответил: "Ты не можешь так. Её отовсюду выкидывали, она должна жить с нами."

Тогда Вэлери захотела, чтобы мы жили в Лондоне, мы сходили приглядеться в среднюю школу, но Тони она не очень понравилась. Она была слишком маленькая. Ей было нелегко вдруг уехать из Калифорнии и поселиться в Лондоне. Она не знала Вэл, и идти в эту школу, где она ни с кем не была знакома, было для неё слишком тяжело. В общем Тони не захотела там жить, и Вэл сказала: "Если она не хочет, то на этом всё. Я, что могла, сделала."

Я очень разозлился, когда она сказала это, Тони заслуживала лучшей жизни. В итоге мне пришлось нанять няню, которая заботилась о ней. Господи, я женат, супруга живёт в Лондоне, а я нанимаю кого-то, чтобы присматривать за Тони в Мидленде. У меня не было выбора, я был в турне. Кто-то должен был делать то, что я делал, и зарабатывать деньги. Та ещё неразбериха получалась. Одной из причин, почему мы с Вэл расстались, было то, что она не принимала Тони, а я не мог с этим примириться. Постепенно мы отдалились один от другого, и тогда наш брак подошёл к концу. Мы просто не общались достаточно. Вместо того, чтобы обсуждать проблемы, мы постоянно ругались, а я ненавижу это. Я сказал ей: "Если мы начнём ссориться, давай просто скажем "стоп". И прекратим это делать."

Однажды мы принялись ругаться, и я сказал: "Стоп!"

Она в ответ: "Что означает твоё грёбанное "stop"?"

И завелась опять. Так что "stop" не сработало.

Это привело меня к выводу: я не собираюсь продолжать так и дальше. И я сказал: "На этом всё, Вэл."

И она мне: "Ты не можешь со мной развестись."

Я ответил: "У нас ничего не выходит. Я не хочу больше так жить. Живи, как тебе нравится."

Я хотел расстаться и для её же блага также, чтобы она делала то, что желает и жила такой жизнью, которой хотела. Но она не рассматривает случившееся под таким углом. Она уверена, что я бросил её ради Марии, но это не тот случай. У нас с Вэл всё было закончено задолго до того, как я встретил Марию, но она полагает, что я сошёлся с Марией перед тем, как мы расстались.

У неё всё в порядке после развода. Вэлери присмотрела дом в Испании, и я купил ей его, и ещё один дом в Лондоне, кроме того. Она вполне довольна, я думаю. Ну, насколько это возможно. Разрыв - это всегда тяжело. Но по мне, боль будет недолгой.

Вскоре я объединился со старыми друзьями и встретил любовь всей своей жизни.

75. Любовь всей моей жизни

В начале 1997-го года позвонила Шарон Осборн и спросила: "Как ты относишься к тому, чтобы дать пару концертов с Оззи или организовать целое турне? Тебя первого спрашиваю, если скажешь "да", я тут же позвоню Гизеру."

Это должно было происходить неофициально, чтобы не привлекать сонм адвокатов, поэтому я сказал "да". Затем она спросила Гизера, и он тоже ответил согласием. Я думаю, что под впечатлением от того, что Билл намеревался действовать через адвокатов, и поэтому было бы сложно привлечь и его, она его не приглашала. Я спросил Шарон насчёт Билла, но она сказала: "Нет, мы собираемся использовать Майка Бордина (Mike Bordin), барабанщика Оззи."

Мы с Гизером рассчитывали подготовить всего несколько песен, это не казалось нам таким важным событием, так что мы согласились на Майка. По плану Оззи должен был сначала отработать свой собственный сет, а потом должны были выйти мы и закрыть шоу, это не сильно отличалось от того, что было в Коста Меса 1992-м году. Нечто вроде "присоединиться к кому-то на сцене", мы оговорили гонорары и взялись за дело. В мае 1997-го стартовало пяти-недельное турне по Америке, около двадцати пяти выступлений в рамках фестиваля Ozzfest.

Мне понравилось. Было хорошо, и общение между мной, Оззи и Гизером проходило отлично. Я думаю, в любом случае это была пробная акция, чтобы посмотреть, как мы поладим друг с другом. По-началу мы почти не виделись. Оззи прилетал позже и добирался до мест выступлений отдельно от нас, а мы с Гизером каждый ездили в своём автобусе в одиночку. Кроме того, мы останавливались в лучших отелях, всегда в Four Seasons или в Ritz-Carltons. Это было нормально, организовано всё было по высшему разряду.

17-го июня, у Оззи пропал голос, и мы отменили выступление. Мы с Гизером слышали, что Оззи не собирался прилетать, но уже были в гримёрках, и команды уже играли. С нами были Marilyn Manson, Pantera, Type O Negative, Fear Factory и ещё несколько коллективов. Кто-то предложил: "Может сыграете с другими ребятами, а Мэрлин Мэнсон подпоёт?"

Я ответил: "Нет, мы не хотим ничего такого делать."

"Ну, нам же надо что-то предпринять."

"Только не с нами. Хотите что-то сделать, дайте им поджемовать, всё, что угодно."

Не то, чтобы мы имели что-то против других команд, но мы были там, чтобы играть с Оззи, и всё. Мы определённо не собирались выходить и джемовать, так как это похоже на смертельный поцелуй: ты знаешь, что произойдёт ещё до того, как это случится. И, конечно же, так и было: перед тем, как все вышли на джем, кто-то объявил, что Оззи потерял голос, и поднялся гам. Они просто сошли с ума. Так и было.

Парни все-таки вышли и сыграли, и это было правильно. Это предотвратило выход ситуации из-под контроля. Тем не менее, толпа переворачивала полицейские машины, буянила, было довольно жутко. Мы уехали как раз перед тем, как всё успокоилось. Мы вернулись спустя две недели с перенесённым концертом, и он прошёл на ура.

Однажды я столкнулся с одной девушкой, Мартиной Аксен (Martina Axen), барабанщицей шведской команды Drain STH, также принимавшей участие в турне. Она сказала: "Ты должен прийти, посмотреть на группу."

Я ходил на них пару раз. Они были очень хороши, поэтому когда Мартина попросила помочь им с одной песней, я ответил: "Хорошо, презжай ко мне домой, когда всё закончится."

Их вокалистка, Мария Сьёхольм (Maria Sjöholm) держалась в стороне, так что я никогда не видел её. После гастролей они с Мартиной прилетели всего на день из Швеции. Они пришли ко мне домой, где были только я и Тони. Вэлери не было, тогда мы уже не были одним целым, и они спросили: "Может тебе приготовить чего-нибудь?"

"Ага!"

Мы затарились продуктами на местном рынке, зашли в студию, я сыграл им пару вещей. Я спросил, не будет ли у них к ним каких-нибудь идей. Всё это заняло минут двадцать, после чего они отправились в дом и взялись готовить. Они притащили красное вино и одну-две гигантские плитки шведского шоколада. У меня еще была плитка Кэдбери. Они принялись за шоколад, и мы пару раз выпили. Настало время ужина, мы ещё пригубили, они съели и тот шоколад, что принесли мне. Это парочка запросто приговорила две огромные плитки! Я им этого никогда не забуду - это было очень забавно.

На следующий день мне надо было улетать куда-то, начинался новый тур, и мы вместе поехали в Лондон. По дороге я подобрал Оззи, а потом мы вчетвером отправились в аэропорт, где они сели на рейс до Стокгольма.

В течение года я разговаривал с Марией по телефону о том, как продвигаются дела с песней. Звонки стали регулярными. Я звонил, и мы болтали, иногда часами. Наша дружба росла, и как раз перед тем, как стартовало воссоединительное турне Black Sabbath 1999-го года, я спросил: может приедешь на несколько дней? Я пришлю билет. Приезжай на шоу в Фениксе."

Она подумала и ответила: "Хорошо."

Мария прилетела, она сильно нервничала. Я тоже не особенно понимал, как себя вести.

О Боже, я нашёл её!

Мы отыграли в Фениксе в канун Нового Года, а потом она поехала с нами в Лас-Вегас. Мы получали большое удовольствие от общения друг с другом. Вот так всё и произошло, мы стали часто видеться, и в итоге она перебралась в Англию. Шёл 1999-й год.

Трек, который мы написали для Drain STH, назывался "Black" и появился на их альбоме "Freaks of

Nature". Он был издан в 1999-м году, но группа вскоре распалась. Так как команда состояла сплошь из девушек, им приходилось нелегко. Они годами гастролировали, и с Марии было достаточно путешествий. Она рассказала об этом остальным девушкам и попросила их подыскать кого-то на замену. Они не нашли, и коллектив развалился. Возможно, в этом виноват я.

76. Воссоединение

Мы не желали играть с Майком Бордином. Мы все хотели к следующему туру вернуть Билла. Оззи, Гизер и я провели первое испытание, проверили, как мы будем ладить. Мы спрашивали себя: получится ли? Какова польза? В общем, мы нашли взаимопонимание, и концерты проходили отлично, всем нравилось. Поэтому казалось очевидным, что мы должны вернуть старый, без исключения, состав к следующим гастролям.

Мы должны были составить такие условия, чтобы не пускаться в долгие прения, не между нами, а со стороны менеджмента. У нас у каждого был свой менеджмент, и работать было бы сложно, поэтому мы решили доверить это кому-то одному, без вмешательства остальных, иначе бы наступил хаос. Так и было сделано. Шарон организовывала Ozzfest, поэтому она и занялась воссоединением.

Мы порепетировали с Биллом, отработали программу, а затем дали несколько грандиозных шоу перед тем, как NEC записали живьём альбом "Reunion" 5-го декабря 1997-го года. Мы слишком поспешно пригласили в тур NEC, честно. Я считал, что нам необходимо было для начала намного больше поиграть вместе. Мы репетировали, но выступили всего два раза, а потом, вдруг, два дня отыграли для NEC и записали это. Мы еще не вошли в колею, и вместо того, чтобы тут дать маленькое соло или там достичь кульминации, мы просто играли песни. Было бы классно, если бы мы больше отвязывались.

Это была нервотрёпка, потому что мы знали, что нас записывают. Когда даёте обычный концерт, после заключительной песни всё заканчивается, но когда он записывается, все могут увидеть и услышать его после, в любой момент. Кроме того, это было выступление в родном городе, отчего мы нервничали ещё больше. Пришли друзья, там был Брайан Мэй, и Кози с Нилом тоже. Факт, мы вчетвером потом сходили в китайский ресторан.

77. Кози разбился

Я находился в отеле Sunset Marquis, когда в апреле 1998-го года мне позвонил Ралф. Он сказал: "Мне очень жаль, но должен сообщить тебе, Кози погиб в автокатастрофе."

Я был сражён. Я был ошарашен.

Все эти годы, что я знал Кози, он обладал немного буйным характером. Я ездил несколько раз с ним на машине, водил он превосходно, но ездил настолько быстро, что я натерпелся страху. Он любил ездить по треку на своём феррари, так как обожал скорость. Кроме того, у него была парочка огромных байков, седенья которых он до блеска отполировал своей задницей. Когда мы записывали "Headless Cross" в 1988-м в Вудкрее, иногда он приезжал на одном из них, и, если перебирал с напитками, я забирал у него ключи и прятал так, чтоб он не мог их найти. Он начинал: "Где мои ключи?"

"Ты не поедешь домой в таком виде!"

"Да я в норме, в норме я."

Всё те же "я в норме". Но ему приходилось оставаться.

Байки Ямаха очень скоростные, и я думал, однажды он доиграется на одном из них. Но я не ожидал,

что это будет в машине. Я узнал, что произошло, жуткая чертовщина.

Кози встречался с девушкой. Она была замужем, но жила отдельно от супруга, или съезжала от него, и у неё были неприятности с мужем. Кози был дома, пропустил пару стаканчиков по своему обыкновению, когда она позвонила в полном расстройстве и попросила: "Приезжай за мной, быстрее."

Кози жил от неё примерно в тридцати или сорока милях. Он вылетел на шоссе в своём саабе, достаточно шустрой машинке. Пока он мчался к ней, она позвонила: "Ну, где же ты?"

"Я в дороге."

Во время разговора она услышала: "Вот, дерьмо!"

И в следующую секунду: бац!

Я полагаю, тогда шёл дождь. Кози не пристегнул ремень безопасности. Он ударился обо что-то и вылетел прямо через лобовое стекло. Невосполнимая и невыразимая потеря талантливого музыканта и хорошего друга.

78. Билл, Винни, и Билл и Винни

Подготовив альбом "Reunion", мы планировали полноценное турне в оригинальном составе и в мае 1998-го принялись репетировать в его преддверии. Прошло двадцать лет с тех пор, как мы вчетвером занимались такими вещами. На этот раз мы старались нормально общаться, обсуждая вещи, вместо того, чтоб вести себя, как бычки в китайском магазине. Вместо "Делать будем так", или даже "Давайте сделаем так-то и так-то", все интересовались: "Что думаешь, стоит нам сделать то-то?" Мы снова шутили и хорошо работали вместе. Это было замечательно, так как мы готовились к тому, что и так все умеем. Мы просто прошлись по песням. Обычно Оззи пел и уходил, или пробегался по ним ещё самостоятельно. 19-го мая мы прошлись по программе, и, когда дошли до "Paranoid'a", заключительной вещи, Билл произнёс: "Господи, как-то странно я себя чувствую. Ничего, если я прилягу?"

"Да, пойдёшь да приляжешь."

Я проводил его наверх, он лёг в кровать и сказал: "Ты можешь попросить моего помощника прийти?"

"Конечно."

"Просто, чтоб он помассировал меня немного, у меня руки онемели слегка."

Мне даже в голову ничего плохого не пришло. Мы с Гизером вышли подышать свежим воздухом, пройтись по дороге туда и обратно. Мы увидели, как на всех парах едет скорая и съязвили: "О, это к Биллу!"

Мы всегда так придуриваемся, каждый раз, когда видим что-то подобное: "Ага, это к Биллу!"

Но, чёрт возьми, в этот раз, конечно же, так и оказалось. Несколько минут спустя мы увидели, как скорая пролетела в обратном направлении, увозя его в больницу. Мы вернулись, Оззи причитал: "У Билла сердечный приступ! У Билла сердечный приступ!"

"Боже, так вот почему скорая приезжала?"

"Ну да, за Биллом!"

Его отвезли в ближайший госпиталь примерно в двадцати милях. Ему надо было отлежаться там немного, и, очевидно, ему было не до игры.

Турне мы не отменили. Попросили Винни Эпписа подменить Билла, пока тот восстановится. Мы уже

работали с Винни во времена Ронни, и Биллу он всегда нравился, так что это представлялось хорошим выходом из положения. Винни был не против, он приехал, порепетировал, и мы съездили с ним в тур по Европе.

Мы отрепетировали песни, которые не играли долгие годы. Когда всё началось, у нас было шоу на два с половиной часа. Это длиннейший сет, он выматывал меня без остатка, но было классно. Мы играли и много других вещей, помимо регулярного набора.

Гастроли начались в июне с Венгрии. Несомненно, что поначалу всё было превосходно. Среди самых ярких моментов - The Milton Keynes Bowl, с командами вроде Foo Fighters, Pantera, Slayer и Soulfly. На это выступление приехал Билл. Хорошо, что ему удалось вернуться. Он вышел с нами на сцену, аудитория обожает, когда видит его. Он стоял в спортивных штанах, и не смог удержаться, так как они еле висели, и, ууупс!, я спустил их пред всей толпой. Это обычно для меня и Билла. Я всегда над ним потешался, а тут он предоставил мне такую идеальную возможность. Он стоял, натянул их обратно и даже глазом не моргнул. Он в действительности такой.

В октябре 1998-го года альбом "Reunion" наконец-то увидел свет. Наш лейбл, Epic, организовал для нас четверых, включая Билла, поездку по восьми городам Америки, во время которой мы подписывали пластинки. Нас поселили в St Regis Hotel в Нью-Йорке. Он был непомерно дорог, к каждому номеру был прикреплён собственный дворецкий. Этот отель мы использовали в качестве базы, и у нас был частный реактивный самолёт, чтобы летать в Далас или куда бы то ни было, если нужно было раздать автографы либо дать радио-интервью, или что-то ещё. Мы делали то, что требовалось, и летели обратно в Нью-Йорк.

Тем временем всё больше народу приходило в магазины, где мы подписывали диски, в итоге всё вышло из под контроля. Иногда охрана вела себя грубо по отношению к толпе. В конце концов мы заявили нашему менеджеру: "Они не должны так относиться к ребятишкам, толкать их, вести себя агрессивно. Это фаны, с ними надо полегче!"

Однажды дело было в молле, заведение было битком набито. Я никогда такого не видел, раздача автографов посреди молла. Эти появления в магазинах с дисками - отличная идея, если её успех не переваливает слегка через край.

Кроме того, мы участвовали в шоу "Поздно вечером с Дэвидом Литтерманом", это было наше первое появление на ТВ вчетвером за двадцать три года. Я немного волновался, размышляя, как это будет - играть "Paranoid" перед живой аудиторией ток-шоу. Я полагал, что Литтерман и его люди слегка презрительно отнесутся к этой идее, но они оказались вполне дружелюбными. Дэвида мы видели только в начале и в конце, честно. Мы встретились с ним вечером, когда он пришёл поздороваться и нам пожать руки. Мы поговорили с ним, но не долго. Во время саундчека мы встретили Пола Шаффера (Paul Shaffer) и поболтали с ним. Он спросил, может ли и он сыграть, но играли мы только сами, вчетвером. На этом всё. Мы отыграли, прошло всё отлично, спокойной ночи.

Американское турне мы начали в канун Нового Года с Феникса, Аризона. Как раз туда приезжала Мария. Это было грандиозное выступление.

Мы всегда в завершение вечера устраивали масштабное представление с фейерверками, так могли покинуть место действия, не попав в людскую пробку, когда народ сваливает одновременно с вами. Мы постоянно сходили со сцены и уезжали незамедлительно.

В этом турне с нами снова был Билл, но и Винни также ездил с нами. Мы не хотели, чтобы Билл

перенапрягался. Хотя он твердил: "Я в порядке", мы переживали, что однажды можем услышать от него: "Мне что-то не хорошо, я не смогу играть." Кроме того, с Винни, если бы он переутомился, Билл мог сказать: "На эти две песни меня уже не хватит, мне надо передохнуть", тогда мог выйти Винни. Я думал, что, помимо всего прочего, это поспособствует и тому, чтобы Билл был спокоен, но позже я узнал, что Билла обижал сам факт присутствия Винни. Но никто из нас не имел в виду ничего дурного, мы переживали за Билла. В любом случае, Винни так и не пригодился, Билл отлично отыграл и здоровье не подводило его. Факт фактом, у меня был грипп, у Оззи - простуда, а Билл был оставался в полном здравии.

Билл пить не мог, Гизер не пил, Оззи, как предполагалось, тоже не употреблял, так что единственным выпивохой оставался я. У нас у каждого был свой автобус и трейлер в придачу, там у меня было вино, шампанское и всё остальное. На показ я это не выставлял, так что было реально неловко, когда приходил Оззи. Он часто сидел у меня в трейлере, а я никогда не распивал спиртное при нём, так что это тур обернулся для меня ещё и фактически трезвым образом жизни.

После заключительного концерта американского турне мы почувствовали, что будет стыдно, если на этом всё кончится, поэтому два месяца спустя было объявлено, что мы продолжим, на этот раз - хедлайнерами тура в рамках Ozzfest. С конца мая 1999-го года по конец августа мы проехали по Штатам с коллективами вроде Rob Zombie, Slayer и System Of A Down. На второй сцене среди многих других была и команда Марии, Drain STH, так что мы путешествовали вместе.

Однажды в день передышки мы остановились в отеле Four Seasons в Палм Бич, там же был и Роб Зомби. Мы с Марией смотрели в окно и заметили, как Роб выходит со своей женой. На улице стояло пекло, но Роб был в полном кожаном прикиде. Он прошёлся, забрался на лежак и стал загорать по методу Зомби. Все носили шорты, а Роб был при параде - кожаные штаны, кожаный верх, кожаная шляпа и кожаные ботинки. Мы с Марией катались со смеху. Роб - приятный парень, но заявлял, что всегда нужно быть в образе!

Год мы завершили двумя шоу в Национальном Выставочном Комплексе в Бирмингеме. Я помню, как думал, что это могут быть наши последние концерты в жизни. Было немного грустно не знать, будет ли что-то ещё. Мы сняли видео под названием "Прощальный ужин" (The Last Supper).

Это казалось весьма подходящим названием для такого случая, но мы ещё не совсем закончили.

79. Отрыжка после фестиваля Weenie Roast

В феврале 2000-го мы получили свою первую награду Грэмми в номинации Best Metal Performance за трек "Iron Man" из альбома "Reunion" 1998-го года. Я подумал: чёрт побери, мы столько лет создавали музыку, и ничего, наконец мы получаем Грэмми, но за живое исполнение! За год или два до этого мы уже номинировались за другой трек, "The Wizard". Я плохо помню, почему нас наградили, как впрочем не знаю и то, за что нас номинировали в первый раз.

Кроме церемонии Грэмми 2000-й год прошёл практически без выступлений. В июне у нас было единичное выступление в рамках KROQ Wennie Roast Festival на арене Angel Stadium в Анахайме, Калифорния. На связь вышла Шарон и сообщила, что было бы круто там выступить. Мы должны были стать гостями-сюрпризом, сыграв после шоу Оззи.

Сюрприз удался и взаправду. Оззи должен был отработать свой сет, после чего вращающаяся сцена должна была повернуться, появились бы мы и принялись играть. Весь день я думал, что идея - довольно глупая, рокировка будет чересчур поспешная. Как мы с этим справимся?

Сцена прокрутилась, я начал играть рифф из "War Pigs", жирные ноты, но ничего не произошло. Когда сцена проворачивалась, все мои кабели повывергивало из усилителей, и электричество пропало. Моего техника едва не хватил сердечный удар, он причитал: "И что нам теперь делать, что нам теперь делать?!!"

Я был настолько смущён, стоя там как хер в луче прожектора. Аудитория, которая нас вовсе не ждала, небось думала: а это что за перец? Казалось, целая вечность пролетела, пока выкатывали два кабинета и Маршалл Зака Уайлда (Zakk Wylde), только тогда мы смогли играть. Мы и так намеревались отыграть всего двадцать минут, но половину этого провели, понапрасну теряя время. Шоу закончилось, на очереди было ещё одно из этой серии в Нью-Йорке. Я заявил Шарон: "Ни в коем случае."

Она ответила: "Как пожелаешь..."

Мне было до того стыдно, что много дней я не мог ни с кем разговаривать. Укрылся в Sunset Marquis и не высовывал оттуда носу.

Вернувшись в Англию, я нашёл утешение, немного поюморив с Бивом Бивеном и Джаспером Кэрротом (Jasper Carrott). Мы дружим долгие годы и часто говорили о том, чтобы сколотить шуточную группу, поприкалываться. Они подготовили парочку вещей и попросили присоединиться. Я ответил: "Лады, звучит весьма забавно."

80. "Iommi", альбом

Когда я поведал Шарон свою идею о том, чтобы сделать альбом с разными вокалистами, она загорелась желанием выпустить его на лейбле Осборнов, Divine Records. У нас было несколько предложений от других компаний, но я подумал: она ведь хороша в своём деле. Она предложила хорошие деньги, но, что ещё важнее, она намеревалась дать альбому ход, зарядить пинка под зад для хорошего старта, раскрутить его. В то время мы, казалось, ладили друг с другом, но, учитывая множество разногласий, которые были у нас в прошлом, я не смог удержаться, чтобы не написать на обложке: "Кто бы мог подумать!".

Кое-какой материал я сочинил дома, но большую часть - в Калифорнии, у продюсера Боба Марлетта (Bob Marlette). Я не совсем понимал, в каком направлении двигаться после Sabbath. В том же ключе или немного податься в сторону? В итоге всё получилось тоже на риффовой основе, но более современно. Боб направлял меня на этом пути и проделал отличную работу. Он к тому же ещё и клавишник, так что его ухо было хорошо настроено для того, что нам требовалось. Я писал риффы, а он накладывал на них барабанные рисунки и эффекты. Он использовал целую кучу эффектов, компьютерные штучки, он в этом хорошо разбирается.

Мы сделали то, что я намеревался перевернуть во время "Seventh Star". Но в этот раз дело продвигалось с большим энтузиазмом. Мы могли заполучить любого певца, какого хотели, и даже больше. На самом деле, нам пришлось отказывать людям. Для меня это был, кроме прочего, отличный опыт: я поработал с большим числом различных исполнителей. Возьмём, к примеру, то, как мы работали с Билли Корганом (Billy Corgan) над композицией "Black Oblivion". Мы отправились в A&M Studios, Билли собирался играть на басу и петь. Он появился в студии несколькими днями раньше, и я наиграл ему несколько риффов. Я записал их на кассету и дал ему, чтоб он забрал с собой и послушал. Он пришёл через несколько дней и привёл с собой барабанщика Кенни Ароноффа (Kenny Aronoff). Билли сказал, что было бы хорошо сделать трек с кучей

переходов. Сочинять и записывать мы закончили одновременно. Вот так быстро это произошло. По правде говоря, там на альбоме много материала, записанного живьем. Мы джемовали, а это реально стимулирует мозг.

81. Аудиенция у королевы

2001-й год прошёл без особых эксцессов. Black Sabbath снова поучаствовали в Ozzfest, начав с пары британских выступлений, после чего лето мы провели в поездках по Америке. На следующий год мы пропустили Ozzfest, так как не хотели хэдлайнерствовать там ежегодно. Для фестиваля смертельно иметь те же команды в обойме каждый раз, и мы не желали попасть в ситуацию, когда люди начали бы возмущаться: о... опять они!

В тот год Шарон припасла для меня большой сюрприз. В мае 2002-го она позвонила насчёт того, чтобы мы с Оззи выступили в Букингемском дворце во время празднований 50-летия царствования королевы Елизаветы Второй. Я подумал, что это странная просьба - мы в этом шоу. Обычно они привлекали Клиффа Ричарда (Cliff Richard) и The Beach Boys, Тома Джонса (Tom Jones) и Ширли Бэсси (Shirley Bassy), даже Пола МакКартни (Paul McCartney). Но я определённо не ожидал, что там окажемся мы с Оззи. Это казалось каким-то розыгрышем.

Меня спросили: "Вы не против, если на барабанах сыграет Фил Коллинз (Phil Collins)?"

"Да нет, конечно, замечательно, фантастика."

А на басу был Пино Палладино (Pino Palladino) из The Who, хороший парень. На репетиции, когда мы начали играть "Paranoid", Оззи повернулся и очень чудно посмотрел на Фила Коллинза. Я-то Оззи знаю, он всегда так делает, а Фил не знал. Немного погодя Оззи ушёл, мы с Филом и Пино прошли ещё раз по песне. Фил спросил меня: "А что это с Оззи было, я правильно сыграл?"

"Да, ты сыграл отлично."

"Но он так мрачно глянул на меня!"

"Он наверное даже и не задумывался об этом. Не, всё в порядке."

"Ага, а то я заволновался. Ты мне скажи, если я неправильно играю."

"Да ты прекрасно играешь!"

82. Шляпы долой перед Робом Халфордом

9 декабря 2003-го года со мной связались люди из нескольких телевизионных шоу с вопросом, не дам ли я интервью по поводу несчастного случая с Оззи. Я не понимал, какого чёрта, о чём это они, но вскоре я узнал, что он разбился на своём квадроцикле, переломал себе ключицу и кучу других костей. Довольно долго он провалялся в больнице со спицами в плече и ключице.

Конечно я поговорил с ним - не мог же я оставить его в таком состоянии - и Шарон извещала нас, как у него идут дела. Если не принимать во внимание то, что он чуть не умер, в общем-то всё у него было довольно хорошо. Только что вышел его дуэт с дочерью Келли на старую саббатовскую песню "Changes". Я был не в курсе, что он собирался сделать, и был прямо-таки поражён, но это было круто. После того, как он разбился, песня взлетела на первое место хит-парада.

Восстановление Оззи заняло немало времени, но к июню он был в достаточно сносном состоянии для нового Ozzfest'a, снова с Black Sabbath в качестве хэдлайнеров. Мы стартовали в Хартфорде, Коннектикут. Когда мы играли "War Pigs", за нами проектор показывал уставившегося на нос клоуна Джоржа Буша, и Адольфа Гитлера рядом. Одна из проблем того Ozzfest'a была в том, что вся эта катавасия делалась без нашего ведома. Или так, или они показали бы нам это на такой поздней

стадии, что оставалось или давать делу ход, или похерить всё целиком. Вариант с Гитлером, конечно, добавил масла в огонь, но, опять же, галдѣж поднялся по поводу всего, что мы, к чертям собачьим, там делали.

83. Снова зажигаем с Гленном

Летом 2004-го я взялся за работу над очередным своим сольным альбомом. Сначала мы попробовали вокалиста по имени Йорн Ланде (Jorn Lande) из германской команды Masterplan. Это был отличный парень с превосходным голосом, звучавшим очень похоже на Ронни Джеймса Дио. Но потом оказалось, что Гленн Хьюз свободен и может снова записаться со мной. Гленн - очень талантлив, с ним хорошо работается, мы прекрасно ладим друг с другом, поэтому идея новой попытки создать совместный альбом показалась нам вполне стоящей.

Мы отправились в репетиционную в Бирмингеме, чтобы поработать над песнями будущего "Fused". В первый день, когда мы собрались, у нас была встреча с Майком Эксетером (Mike Exeter), инженером моей домашней студии. Майк предложил: "Гленн, чашечку кофе?"

"Да, с удовольствием."

Поить Гленна кофе оказалось фатальной ошибкой, потому что, как только он его выпил, тут же перевозбудился. Бац! Будто вынюхал три дорожки кокса разом. Мы на стенки лезли от его гиперактивности.

"Ну, Тон, ладушки. Тон, поехали, Тон!"

Он не мог усидеть и пяти секунд.

Я сказал: "Гленн!"

Он ёрзал и продолжал болтать: "Ага, ну, прости, я не пью кофе! И мне... мне и вправду не стоило его пить!"

Он не затыкался. Вошёл Майк и подытожил: "Этому кофе больше не наливать!"

Всё было так же, как во время сессий в DEP. Я поиграл Гленну риффы. Он - человек того сорта, что будет петь под всё, чтобы ты ему не играл.

"О, это мне нравится. И это нравится. И это!"

"Так и над чем бы ты хотел поработать?"

Мы выбирали один из риффов и строили от него песню.

"Fused" был опубликован в июле 2005-го года компанией Sanctuary Records. Мы съездили в промо-тур, чтобы представить альбом, много материала прозвучало в радио-эфире, но в концертное турне в поддержку пластинки мы так и не отправились, так как я отбыл на Ozzfest с Black Sabbath. Было приятно получить хорошие отзывы критиков и аудитории. После того, как почти всю карьеру тебя поливают ужасными обзорами и негативными статьями, это уже не имело для меня такого огромного значения, но было приятно узнать, что так много людей высоко оценило нашу музыку.

84. Введение в Залы Славы

Мы были близки к этому раз восемь, наверное, и 13 марта 2006-го года нас наконец ввели в американский Зал Славы Рок-н-Ролла. А за пару месяцев до этого нас ввели и в британский Музыкальный Зал Славы.

Если уж пошёл дождь, то льёт как из ведра.

В британский Зал мы попали в ноябре 2005-го а Александрийском Дворце на севере Лондона. На церемонии мы сыграли "Paranoid", и всё прошло замечательно. Представил нас Брайан Мэй. По

этому поводу были небольшие прения, так как Шарон хотела, чтобы это сделал Ангус Янг из AC/DC. А я настаивал, чтобы это был Брайан. Затем она захотела, чтобы они сделали это вместе, но Брайана эта идея не прельщала. Я рад, что он не стал сильно упираться. Так как он отказывался выступать, мне пришлось позвонить ему и попросить: "Пожалуйста. Ради меня."

Он приехал и произнёс прекрасную речь, просто превосходную. Я очень горд за него.

Там играл и Оззи со своей группой, несколько слов в этой связи сказал Ангус Янг. Ну, первыми несколькими его словами были: "Привет, меня слышно? Слышно меня?" Наверное, он так же хорош говорить на этих чёртовых мероприятиях, как и я.

85. Это за мир

Ближе к концу 2006-го года меня пригласили на халтурку с Землянами, русской командой, игравшей в Кремле. У них была годовщина, и они намеревались сыграть "Heaven And Hell" и "Paranoid". Я ответил: "Я согласен только на "Paranoid"."

Я просто хотел сделать всё по-быстрому, так как не был в курсе, кто они, чёрт возьми, такие, но коллектив достаточно известен в России, к тому же мне сделали предложение, от которого я не смог отказаться. Вернее, когда они сделали первоначальное предложение, я попросил Ралфа: "Я не очень-то хочу этим заниматься. Возьми, удвой сумму."

Они согласились, и я сказал: "Ладно."

И я туда полетел. Там же были Тони Мартин и Гленн Хьюз, а также Рик Уэйкмэн со своим сыном, Адамом, и Бони Тайлер (Bonnie Tyler). В тот вечер, когда я прибыл, промоутер повёл меня перекусить, и количество выпитого оказалось смертельным. Всё происходило в таком ключе: выпей стопку того и стопку этого, наливай да пей за следующий тост по поводу чего бы там ни было. Уже после нескольких шотов я подумал: грёбанное пекло, если я в таких занятиях проведу пару дней, то не выживу. Я упился в полный хлам. И сказал: "Мне пора в койку. Завтра я играть должен! Я пошёл." А они мне: "Ты нас обижаешь, знаешь ли!"

Ну, приехали, вот дерьмо. Я обычно вообще не пью шотами.

"Не, не. Ещё по одной!"

И я выпил. И на завтра я себя чувствовал не так сногшибательно.

Перед шоу я сидел в своей гримёрке, и тут раздался стук, влетела целая армия народу. Около двадцати человек, куча фотографов, операторов, телохранителей - абсолютное безумие. Кто-то прицепил мне медаль и произнёс: "Это за мир."

Он потряс мою руку перед камерами свалил.

Шшшшш-уух - и они исчезли так же быстро, как появились.

На этом всё.

И что это было?

Я так и не узнал, кто это был. Насколько я понял, Путин собственной персоной.

А потом был концерт. Там присутствовали только очень не бедные люди, по всей видимости все связанные с правительственными структурами, и все при полном параде. Это был маленький театр, может мест на двести, прямо в Кремле. Играть на подобном мероприятии - дело донельзя странное. С Тони Мартином я встретился впервые со времён турне в поддержку "Forbidden", с 1995-го года. Он вышел и спел "Headless Cross". Хорошо, что мы увиделись с ним, сначала на концерте, а позже ещё в ресторане.

С рестораном вышла другая история. Он был закрыт для обычных посетителей, так что получилась закрытая территория для народа, связанного с шоу. Мы пошли туда пообедать, я, мой гитарный техник, помощник и один из сотрудников офиса промоутера. Если не считать нас, место было абсолютно пустым. Я попросил винное меню и выбрал дорогое вино. Мне принесли бутылку, налили, я сделал глоток и сказал: "Это вино прокисло."

Подошёл менеджер по залу и спросил: "Что не так с вином?"

"Прокисшее оно."

Я глянул ему в лицо, он был настолько разъярён!

"Оно не прокисло. Они не могло прокиснуть!"

Но таким оно и было. Возможно там нечасто попадают люди, готовые отвалить такие деньги за бутылку вина. Принесли другую.

Оно тоже оказалось прокисшим.

Я сказал парню промоутера: "Поверить не могу. Но не говори ничего. Просто оставь всё, как есть.

Они на меня и в первый раз так посмотрели!"

А официанты небось, подумали: "Ого, он всего раз пригубил его... экстравагантно!"

86. Heaven And Hell, турне и группа

Осенью 2006-го года Ралф поведал мне, что звукозаписывающая компания намерена составить сборник из материала эры Дио. Я виделся с Ронни незадолго до этого на концерте в Бирмингеме. Прошло пятнадцать лет, и было приятно встретиться с ним. И я сказал Ралфу: "Может спросишь Ронни, как он отнесётся к идее написать специально для этого альбома две песни, дать парочку одиночных концертов?"

Ронни заинтересовался и прилетел из Калифорнии. Мы сели у меня на кухне, выпили кофейку, потом еще по чашке, пытаюсь заново узнать друг друга. Мы не хотели ещё ничего начинать, мы просто вроде как обсуждали: ага, и что будем делать?

В итоге я спросил: "Ну, что, попробуем?"

"А. Хорошо."

Мы зашли в мою студию, и всё закрутилось также, как раньше. Вместо двух песен, которые хотела звукозаписывающая компания, мы написали три. Мы находились в отличном расположении духа, ощущали прилив работоспособности и подумали: давай-ка сделаем одну быструю вещь, одну медленную и одну в среднем темпе. На любой вкус. Первая песня, которую мы написали, была "Shadow Of The Wind", медленная. Ронни придумал рифф, и затем мы добавили ещё куски, выстроив их в песню. Я придумал рифф для "The Davil Cried". Ронни должен был возвращаться в Лос-Анджелес, и через несколько дней я отправил ему черновой набросок. Ему очень понравилось. А быструю композицию, "Ear In The Wall", мы написали, когда он снова приехал. Прилетел Гизер, и мы сделали демо трёх треков в моей домашней студии.

87. Дьявол, которого знаешь

В дороге мы ничего не писали. У меня был усилитель в гримёрке, через который я перебирал струны и иногда сочинял рифф-другой, записывая на небольшой цифровой приборчик. Я просто сохранял их, чтобы в какой-то момент можно было вернуться к ним, но написать стоящую песню во время турне у нас никак не получалось. Мы не собирались для этой цели вместе просто потому, что не так часто были в компании друг друга. Мы с Гизером ездили в одном автобусе, а Винни и Ронни - в другом, к

тому же мы и уезжали в разное время. После концерта мы и Гизером принимали душ, забирались в автобус и снимались. Ронни же обычно отставал на пару часов, так как любил расслабиться, выпить немного и пообщаться с людьми. Тем временем мы с Гизером дрыхли по дороге. Я - жаворонок, а Ронни спит допоздна. С такими разными расписаниями тяжело совместно написать трек.

Поэтому после тура мы организовали сессию для сочинения материала. Много я подготовил дома, где написал кучу риффов и по большей части скомпоновал структуру песен, которые после этого перенёс на CD. Ронни, Гизер и Винни были дома в Калифорнии, так что я отправился туда с более чем двадцатью идей на этом диске. Ронни также записал свои идеи на диск, то же сделал и Гизер. Винни очень плотно был вовлечён в процесс, он сидел там и что-то настукивал, но сам написан не так уж много. Мы собрались у Ронни дома, уселись в его студии и просто проигрывали куски с разных дисков. Мы вскользь прошлись по ним и отобрали особенно понравившиеся нам идеи, независимо от того, чьи они были. Мы собрали отобранное на один компакт-диск, сделали по копии каждому, а потом определили, над чем поработаем в течение следующих нескольких дней.

Одну из задумок Ронни мы использовали целиком, из неё вышел первый трек альбома, "Atom and Evil". И еще мы взяли по кусочку у каждого. Какие-то риффы Гизера могли составить половину композиции, или какие-то из моих. Мы просто перемешали их, выстраивая песни. Это замечательный подход к работе. Вместо того, чтобы мне всё придумывать одному, все были полностью вовлечены в процесс с самого первого дня, что безмерно помогало мне. Таким макаром мы написали где-то шесть номеров.

88. Прощай, дорогой друг

Во время последнего турне Ронни втихомолку страдал. Он несколько раз говорил мне: "У меня проблемы с желудком. Я постоянно бегаю в туалет и принимаю антациды."

Я ему много раз советовал: "Пойди да проверься."

Он отвечал: "Ага, как закончим, я себя приведу в порядок."

И он продолжал бороться с недугом. И действительно продержался до конца тура. Ему было нехорошо, но он оставался на ногах и давал концерты, работая как обычно. После того, как в итоге он прошёл обследование, кто-то сообщил Ралфу Бейкеру, как обстоят дела, а он, в свою очередь, позвонил мне и сказал, что у Ронни рак желудка. Ужасно было это слышать. Я созвонился с Ронни, и мы поддерживали связь. Через какое-то время дела пошли на поправку. Он рассказал: "Я справляюсь. Мне уже немного лучше."

Он очень оптимистично смотрел вперёд и был под хорошим присмотром. Ронни лежал в больнице, после чего врачи сказали: "Мы считаем, что лечение прошло успешно."

На первый взгляд всё было отлично, поэтому мы запланировали новое турне по Европе, что-то около двадцати концертов с середины июня до середины августа 2010-го года. Но затем пришла ужасающая новость - рак перекинулся на печень Ронни. Вот так: если такое прицепится к тебе, избавиться от него очень тяжело.

89. Не праворукий человек

Мне всегда очень не везло с правой рукой. Сначала мне обрубил кончики пальцев на ней, и это было лишь начало целой серии неприятностей, случившихся с ней. В 1995-м ладонь моей правой руки прооперировали в области канала запястья. А когда мы выступали на Ozzfest в 2005-м году, моя рука начало сильно болеть. Мне кололи кортизон, но эффект был недолгим. Я удивлялся: чёрт

возьми, да что ж это такое? После рентгена мне сообщили: "У вас надорвано три сухожилия в правом плече. Три связки."

Меня подлатали, и всё было отлично примерно три года. Я был в Нью-Йорке, вечером у нас намечалось выступление и я делал кое-какие упражнения с весом. Предполагается, что вы занимаетесь, чтобы укрепить свои руки, но я, возможно, немного переборщил и услышал этот звук, как будто рвётся эластичный ремень. Порвалась еще одна связка в том же плече. Рука у меня тряслась, я был не в силах её контролировать и подумал: о, нет, опять это плечо накрылось!

Мне сделали укол кортизона и дали таблетки болеутоляющего, чтобы я смог выйти на сцену и отыграть вечерний концерт, но болело адски. К счастью, это был последний концерт тура. Я прошёл обследование в Англии и хирург сказал: "Честно говоря, состояние такое же, как и в прошлый раз. Связки сильно износились, и нам повезло, что мы тогда смогли срастить их, но я не думаю, что это удастся снова. Не получится. Сухожилие слишком короткое, чтобы срастить его."

Может быть, какой-нибудь специалист топ-уровня и смог бы починить мне его, но я просто оставил всё, как есть. Беспокоит оно меня только, если я поднимаю что-то выше головы. Если я в самолёте чемодан укладываю на верхнюю полку, к примеру, вот тогда я ощущаю дискомфорт.

Ко всему прочему, мою правую руку и предплечье сильно покусали ротвейлеры. В первый раз, когда это случилось, у меня было четыре ротвейлера. Лет за пять до того у них появилось десять щенят, и я отдал одного из них своему другу. Когда он проходил через процедуру развода, то попросил меня: "Ты не можешь присмотреть за моей псинкой какое-то время."

Мы привезли собаку, самку, домой, но мои собаки не приняли её. Они начали нападать на неё, и довольно свирепо. Мне пришлось оттащить одного из моих псов прочь от неё. Ошейник просто выскользнул из моей руки, и он бросился на чужачку снова.

Провалиться мне в ад!

Я никак не мог оттащить его, а он просто разрывал её, поэтому я схватил одно своё длинное пальто и прыгнул на самку сверху, накрыв её им. Мой пёс уgomонился и Марии удалось завести его в дом, а самка тем временем находилась в шоке, и пока я держал её накрытой, вывернувшись и зашла "гав-гав-гав": в мгновение ока она покусала мне два пальца, внешнюю сторону руки и большой палец тоже. Очевидно, что она просто не понимала, что происходит, она была в полном шоке от того, что на неё накинута моя собака.

Я подумал: вот, блядь! Кровь хлестала во все стороны, и Мария орала на меня: "Не надо было лезть, не надо так рисковать!"

Я просто ответил: "Быстрее, позови кого-нибудь перевязать мне руку!"

Мы оба кричали друг на друга, что было донельзя глупо. Мне пришлось ехать в чёртову больницу, снова к хирургам, где меня осмотрели, сделали инъекции от бешенства. Они перевязали раны, но зашить не смогли, как они мне сказали, укусы зашивать нельзя. Поэтому оставили так, только обработали и наложили повязки, вот и всё.

Адский ад!

В другой раз мне опять покусали эту же руку. Мария помогала понемногу организации RSPCA (The Royal Society for the Prevention of Cruelty to Animals, Королевское Общество Предотвращения Жестокого Обращения с Животными), подыскивая животным дом. В одной из частей дома у нас была большая огороженная площадка для собак, и Мария принесла и поместила туда собаку, до тех

пор, пока мы не подыщем ей нового хозяина. Это был красавец ротвейлер, с которым плохо обращались. Мария наказала мне: "Не приближайся к этому псу. Не трогай его какое-то время." Конечно же, я пропустил это мимо ушей.

"Ага, ладно."

Я пошёл к собаке: "Привет-здоров..."

Я приблизился, чтобы погладить пса, а он "рррав", цапнул меня за руку. Потом он посмотрел меня... и снова укусил почти в то же самое место.

Млять!

Они быстрые как черти! Псина схватила меня за руку, и это было лишь предупреждение. Если бы ему взбрело в голову, он бы оторвал её нафиг. Но он был перепугал и не знал, что я за тип. Это моя вина. Мне не надо было перегибаться через ограждение. Так нельзя делать. К тому же, он, возможно, учуял на мне запах моих собак.

Рука онемела, так что я опять оказался у хирурга, у того же самого врача. Он, должно быть, подумал: какого чёрта там у него происходит? И снова, зашивать было нельзя. На носу было турне, и я кусал локти: вот же, Господи Боже, всегда так. Рука беспокоила меня добрых несколько недель, но в итоге зажила.

Мария прошла на мой счёт: "Долбанный придурок, какого чёрта ты наделал? Я же просила тебя не лезть."

Но я ещё раз попёрся повидаться с псом на следующий день, просто чтобы встретить проблему лицом к лицу. Нельзя вечно бояться. В первый раз я немного перестарался, так что теперь я намеревался представиться должным образом. Я открыл загон и зашёл туда с парой печенюшек. Он стоял и рассматривал меня, а я думал: только не набрасывайся на меня снова. Но всё обошлось, после этого у нас с ним отношения хорошие были. Он пробыл у нас около недели, пока мы нашли ему новый дом.

Где пёс, вполне возможно, загрыз нового хозяина.

Худшее, что случилось с моей рукой - разрушение хряща на суставе большого пальца. Меня уже пару лет беспокоил этот сустав. Мне кололи стероиды, но они просто втыкали иглу где-то в том районе, и как-то раз попали не в ту точку, куда нужно было. Наконец я услышал про одно место в Бирмингеме, которое называлось Клиникой Сустава (The Joint Clinic). Доктор Анна Мун (Anna Moon) была специалистом по рукам. Она делала мне инъекции под рентгеном, так что она могла точно видеть, куда входит игла, что было потрясающе. Сначала были стероиды, а потом я попробовал кое-что новое, вроде геля, который применяют для коленных суставов. Выглядит как клей, и мне сделали три укола в течение недельного курса. В основном это буферный материал, как искусственный хрящ между суставами, предохраняющий кости от трения друг об друга. Стало лучше, но функционировало всё не так, как нужно. Моя рука опухала от игры, и приходилось постоянно прикладывать лёд, использовать жаропонижающие средства и обезболивающие.

У Эдди Ван Халлена тоже были проблемы с рукой, и он съездил к одному доктору в Германии, Петеру Велингу (Dr Peter Wehling) из Дюссельдорфа, занимавшемуся лечением с использованием стволовых клеток. Это единственное место, где применяют такое лечение. Эдди сказал, что ему оно действительно помогло, поэтому я отправился на прием к этому чуваку. Четыре часа я провел под разного рода рентгенами. Они проверяют тебя полностью, так как должны быть твёрдо уверены, что

у тебя нет никаких иных проблем. Рентген показал белую отметину в моём суставе, и доктор мне заявил: "Не думаю, что мы сможем провести это лечение. Если это то, что мы предполагаем, то шесть месяцев Вам придётся провести на антибиотиках."

Я подумал: Господи Боже, и спросил: "И как Вы думаете, что это?"

"Мы полагаем, это жидкость в суставе."

Они обследовали меня ещё раз и определили, что в моём суставе была дырка, один из докторов, делавших мне инъекции, вколол стероиды прямо в кость. Вот почему у меня пухла рука. И мне сказали: "Судя по тому, что мы выяснили, процедуру можно проводить."

У меня взяли кровь из руки, отослали в лабораторию той же ночью и вырастили из неё новый хрящ. Потом, спустя день или два, мне имплантировали получившуюся субстанцию в нужном количестве. Доктор примерно три раза менял свои хирургические перчатки в течение пяти минут, которые заняли инъекции: вот так там относятся к гигиене. Я должен был задержаться в клинике на неделю. Утром идёшь, тебе делают уколы, и ты возвращаешься в отель. У меня взяли в несколько заходов довольно много крови на случай, если мне понадобится дозаправка, так и было. Они вырастили клетки, я ходил к ним ежедневно в течение недели, и разница была поразительная. Это реально, на самом деле помогло. С тех пор я больше не ощущаю болей.

Я вернулся к доктору Велингу опять парой месяцев спустя, так как вышел из строя ещё один сустав, на левой руке, когда я играл. Всё моё тело отсканировали, чтобы убедиться, что нет проблем где-либо ещё. Оказалось, что были небольшие в районе основания спины и в верхнем участке шеи, между позвонками, но всё лишь простой износ в пределах нормы.

Все гитаристы, такие как Джимми Пейдж и Пит Таунсенд, любившие прыгать вверх-вниз и кататься по полу на коленях. Годы спустя вы начинаете ощущать последствия. Так же и футболисты, у которых проблемы с суставами вызваны перегрузками. Я просто таскался с гитарой сорок лет, это прикольно играть на гитаре, но всё это незаметное изнашивание и смещение веса на одну ногу привело меня к проблемам со спиной. Доктор Велинг сделал мне инъекции и в спину, уже через четыре дня я избавился от этих проблем. Все болевые ощущения ушли. Это круто.

Последний раз, когда я виделся с ним, он сказал: "Сейчас уже всё должно было нарасти."

Они даже рентгеном не посмотрели, чтобы убедиться, он просто знал, что все в порядке. Он попросил держать его в курсе, как обстоят дела. В некоторых местах болит немного временами, но даже близко не так ужасно, как раньше. Когда я немного разыграюсь, я забываю обо всём этом. С тех пор, как я прошёл это лечение, основанное на стволовых клетках. Больше нет необходимости в болеутоляющих. Превосходно.

Пока что-нибудь ещё не навернётся...

90. Хорошее место

Я бы с большим удовольствием сделал что-то ещё с Гизером, Винни с другим вокалистом, но, конечно же, если мы затеем что-то новое, то под другим названием. Heaven And Hell добились большой популярности и отнимали всё наше время, но и после них я был очень занят написанием материала и участием в разного рода проектах. Одним из таких проектов, которым было очень забавно заниматься, был наш совместный с Йэном Гилланом благотворительный сингл "Out Of My Mind". Прошла уже четверть века с тех пор, как мы записали первый такой сингл, "Smoke On The Water", в помощь пострадавшим от землетрясения в Армении. Это была масштабная акция, к

которой привлекли чуть ли не всех поголовно, и Брайана Мэя, и Брайана Адамса, и Ритчи Блэкмора, и Дэвида Гилмора. Мы сняли видео и собрали много денег. И вот, в 2009-м году, спустя двадцать пять лет, президент Армении Серж Саргсян вышел на связь. Он пожелал наградить нас за то, что мы тогда сделали, меня, Йэна Гиллана и клавишника Джеффа Даунса (Geoff Downes).

Мы отправились в Армению, и нам показали, что удалось отстроить за деньги, вырученные от "Smoke On The Water". Нас пригласили на ужин с премьер-министром Тиграном Саргсяном и британским послом Чарлзом Лонсдейлом (Charles Lonsdale), они оказались очень приятными людьми. Мы пробыли там несколько дней и дали парочку пресс-конференций. На одной из них мы завели разговор, что может стоит сделать что-то опять, собрать ещё денег, потому что когда нас возили на осмотр, мы увидели музыкальную школу, она была в ужасающем состоянии. Она была вроде прохудившегося сарая, холодная и заброшенная, и мы решили: надо что-нибудь предпринять. Во время обратного рейса мы с Йэном договорились написать сингл и собрать средства. Первое, что мы сделали, когда вернулись домой, отослали им множество гитар, барабанов и всего остального. Кроме этого, мы сочинили и издали парочку песен, чтобы помочь построить новую школу, вот к чему был этот сингл, "Out Of My Mind".

Для начала мы засели вместе с Йэном у меня дома. Я написал музыку, а он - слова. Мы хотели привлечь кого-то ещё, и Йэн упомянул о Джоне Лорде. Я сказал: "Ага, было бы замечательно!" Я предложил кандидатуру Нико МакБрейна, а потом на бас мы заполучили Джейсона Ньюстеда (Jason Newsted) и Линде Линдстрёма (Linde Lindstrom) на гитару. Получилось превосходно, мы все фантастически провели время, пока записывались. Песня получилась очень удачная, и мы и на этот раз собрали довольно приличную сумму. Нам до того понравился процесс совместной работы, что мы всерьёз говорили о том, чтобы преобразовать проект в настоящую группу.

Но чем бы я ни занимался, так или иначе в итоге всегда на моём пути всплывают Black Sabbath. Однажды, в дни похорон Ронни, мы с Марией ужинали с Эдди Ван Халленом и его женой. Зазвонил телефон. Я поднял трубку, чтобы ответить, даже на взглянув, кто трезвонит, а там была Шарон Осборн.

Провалиться мне на этом месте!

Я не разговаривал с ней больше года. Она сказала: "Ой, я не тот номер набрала. Я другому Тони звонила."

Когда она поняла, что это я, то выразила сожаление по поводу Ронни. А потом говорит: "Позвонишь Оззи? Ты должен с ним пообщаться!"

Через несколько дней я позвонил ему. Он сказал: "Я бы хотел встретиться, покалякать."

Я ответил: "Ну, я вернусь в Англию через пару дней."

"Отлично. Я тоже приеду в Англию, давай тогда встретимся, поглядим друг на друга."

Тогда мы вообще-то так и не встретились, но довольно часто названивали один другому. Уже довольно долго между нашими менеджерами муссировались разговоры об идее нового альбома Black Sabbath, и мы с ним всё чаще затрагивали эту тему. Ничего не было оговорено твёрдо, но ближе к концу 2010-го года я общался с Оззи, и он выдал: "Жду не дожусь, когда мы сделаем что-нибудь."

В принципе я написал две песни для Black Sabbath, и ещё куча на подходе. Но тут никогда не угадаешь, как оно обернётся. К тому времени, когда вы будете читать это, мы можем сидеть в студии

и записываться, или может случиться так, что альбом уже будет на прилавках магазинов. Или ничего не будет и никогда не произойдёт. Мы можем запланировать новое турне, а можем никогда больше не выйти на сцену вместе.

Написание всего этого, моей истории, дало мне множество времени поразмышлять о своей жизни. Она была почти такой же, как и у всех, я полагаю: взлёты и падения. Я люблю разные повороты на протяжении всех этих лет, и хорошие, и плохие. Ты учишься благодаря им. У меня нет существенных сожалений, хотя было бы куда приятнее не иметь всех этих шероховатостей деловой стороны процесса, таких как с менеджментом или участниками коллектива. Без них никуда, я так предполагаю. Эти вещи посланы нам для испытаний. Но когда я смотрю на то, что происходит с людьми по всему миру, я понимаю, что по сравнению с большинством прожил хорошую жизнь. Я по-настоящему горд тем, чего нам удалось достичь. Мы породили целое поколение музыки и музыкантов. Можно даже говорить о том, что наша музыка спасла несколько жизней. Если судить по некоторым письмам, что мы получаем, где на пишут: "Если бы не вы...", люди, которые могли совершить самоубийство или что угодно, если бы не музыка, всегда находится тот, кому ты помог. Это огромная награда.

Было время, когда все группы-выходцы из Брумми были уверены, что до нас никому нет дела, поэтому было круто, что люди, открывшие Broad Street, неожиданно решили почтить известных представителей города. Так получилось, что в ноябре 2008-го года, во время записи "The Devil You Know", мы устроили перерыв, когда я получил свою звезду на городской Аллее Славы! Был лютый мороз, валил снег, но толпа всё равно собралась огромная, Майк Олли (Mike Olley) прекрасно всё организовал со своей командой, играли группы, а радио Керанг транслировало репортаж о событии. Было приятно присоединиться к Оззи и другим известным друзьям, вроде Джаспера Кэрротта, а недавно меня привлекли и к чествованию Бива Бивена. Последним событием, ознаменовавшим перемену в сердцах истеблишмента, стала выставка Родина Металла, специально организованная, чтобы отдать почести тяжёлым группам, вышедшим из Западного Мидлэнда, включая Judas Priest и Led Zeppelin. Я и подумать не мог, что подобное когда-либо произойдёт.

Теперь мне больше не нужно выходить и что-то кому-то доказывать. В прошлом я пытался доказать людям, что сделал то и сё, а сегодня я просто наслаждаюсь, тем, что делаю, и единственное, что мне осталось доказывать - доказывать самому себе, что ещё на что-то способен.

Конечно, у меня остались сожаления, множество. Но я считаю, что без них ничему бы не научился. Не бывает, что бы всю жизнь всё шло по-твоему, случается в жизни и плохое, нехорошие вещи, которые происходят с тобой. Но ты справляешься с ними.

Возможно, я расстроил кого-то на своём пути, со всеми этими браками и различными перипетиями за долгие годы. Всё это - часть жизни. Надеюсь, что у людей, которых я расстроил, дела теперь идут хорошо.

Моя дочь Тони просто поражает меня. После всего, через что она прошла, теперь она оказалась далеко! Тони живёт в Финляндии. Она переехала туда со своим парнем, Линде. Он гитарист команды под названием HIM, и меж ними безумная любовь. Он прекрасный парень и очень классный музыкант. Он очень тихий, а у неё рот не затыкается, но вместе они очень счастливы. Слава Богу, они часто приезжают, и мы с Марией видимся с ними.

Всё на что я надеюсь сегодня, это то, что у меня ещё есть несколько лет. Мне нравится моё

нынешнее место в жизни, действительно нравится. Это превосходное место. У меня хорошая домашняя жизнь и отличная семья. И я счастливчик, потому что всё ещё способен создавать музыку, а потом выходить и играть её, и у меня лучшие друзья на планете.

Но что бы не случилось, в одном я твёрдо уверен.

Я ни за что больше не стану поджигать Билла Уорда.

Переработанные и дополнительные главы из нового издания (2012-го года):

90. Хорошие новости и плохие (из нового издания)

***Небольшое примечание: в этой главе курсивом выделен текст, сохранённый из 90-й главы первого издания книги.

Одним из проектов, которым было очень забавно заниматься, был наш совместный с Йэном Гилланом, Джоном Лордом, Джейсоном Ньюстедом, Линде Линдстрёмом и Нико МакБрейном благотворительный сингл "Out Of My Mind". Прошла уже четверть века с тех пор, как мы записали первый такой сингл, "Smoke On The Water", в помощь пострадавшим от землетрясения в Армении. Это была масштабная акция, к которой привлекли чуть ли не всех поголовно, и Брайана Мэя, и Брайана Адамса, и Ритчи Блэкмора, и Дэвида Гилмора. Мы сняли видео и собрали много денег. И вот, в 2009-м году, спустя двадцать пять лет, президент Армении Серж Саргсян вышел на связь. Он пожелал наградить нас за то, что мы тогда сделали, меня, Йэна Гиллана и клавишника Джеффа Даунса (Geoff Downes). С тех пор мы выпустили ещё и "WhoCares", альбом никогда ранее не использовавшихся треков, или использовавшихся в некоторых странах только как бонус-треки. Я отдал вещи из альбома, записанного с Гленном Хьюзом, а Йэн Гиллал - вещи со своих сольников и из заглавных Deep Purple. И, конечно же, там был трек "Out Of My Mind". Так что это была куча всякой мешанины.

Нам до того понравился процесс совместной работы, что мы всерьёз говорили о том, чтобы преобразовать проект в настоящую группу.

Мы отправились в Армению, и нам показали, что удалось отстроить за деньги, вырученные от "Smoke On The Water". Нас пригласили на ужин с премьер-министром Тиграном Саргсяном и британским послом Чарлзом Лонсдейлом (Charles Lonsdale), они оказались очень приятными людьми. Мы пробыли там несколько дней и дали парочку пресс-конференций. На одной из них мы завели разговор, что может стоит сделать что-то опять, собрать ещё денег, потому что когда нас возили на осмотр, мы увидели музыкальную школу, она была в ужасающем состоянии. Она была вроде прохудившегося сарая, холодная и заброшенная, и мы решили: надо что-нибудь предпринять. Во время обратного рейса мы с Йэном договорились написать сингл и собрать средства. Первое, что мы сделали, когда вернулись домой, отослали им множество гитар, барабанов и всего остального. Кроме этого, мы сочинили и издали парочку песен, чтобы помочь построить новую школу, вот к чему был этот сингл, "Out Of My Mind".

Для начала мы засели вместе с Йэном у меня дома. Я написал музыку, а он - слова. Мы хотели привлечь кого-то ещё, и Йэн упомянул о Джоне Лорде. Я сказал: "Ага, было бы замечательно!" Я предложил кандидатуру Нико МакБрейна, а потом на бас мы заполучили Джейсона Ньюстеда (Jason Newsted) и Линде Линдстрёма (Linde Lindstrom) на гитару. Получилось превосходно, мы все фантастически провели время, пока записывались. Песня получилась очень удачная, и мы и на этот раз собрали довольно приличную сумму.

Но чем бы я ни занимался, так или иначе в итоге всегда на моём пути всплывают Black Sabbath. Однажды, в дни похорон Ронни, мы с Марией ужинали с Эдди Ван Халленом и его женой. Зазвонил телефон. Я поднял трубку, чтобы ответить, даже на взгляднув, кто трезвонит, а там была Шарон Осборн.

Провалиться мне на этом месте!

Я не разговаривал с ней больше года. Она сказала: "Ой, я не тот номер набрала. Я другому Тони звонила."

Когда она поняла, что это я, то выразила сожаление по поводу Ронни. А потом говорит: "Позвонишь Оззи? Ты должен с ним пообщаться!"

Через несколько дней я позвонил ему. Он сказал: "Я бы хотел встретиться, покалякать."

Я ответил: "Ну, я вернусь в Англию через пару дней."

"Отлично. Я тоже приеду в Англию, давай тогда встретимся, поглядим друг на друга."

Мы поддерживали связь, приезжал Гизер, чтобы послушать кое-что из моих набросков, а во время Рождественских каникул в мой дом наведались Оззи с Шарон, и идея нового воссоединения медленно начала материализовываться.

В январе 2011-го года мы наконец решили собраться и поиграть вместе. Я прилетел в Лос-Анджелес, и когда вся оригинальная четвёрка объединилась в студии отеля Sunset Marquee, чтобы прослушать около сорока идей для треков, которые я напридумывал, дело начало принимать серьёзный оборот. Мы составили список наиболее понравившихся нам кусков и опробовали их в доме у Оззи. У него там в подвале оборудована студия, что дало нам возможность спокойно поработать без того, чтобы на нас пялился весь мир.

Это было очень вдохновляющий опыт, идеи приходили и тут же выкристаллизовывались.

Стиль работы был тот же, какой бытовал в Heaven And Hell. Моя первоначальная идея могла раззадорить ребят, и они, к примеру, могли разобрать её на части, используя оригинальный рифф одной из песен, добавить ещё кусочки, уйти в совершенно другое русло и из этого создать новую песню.

Потом мы принялись разучивать новый материал. Билл какое-то время не играл, поэтому поначалу был немного заржавевшим, но всё пошло превосходно. Качество музыки было неплохим ещё до того, как мы начали, но, конечно, когда Гизер внёс свою лепту, снова вернулся старый звук. Мои наброски превратились в песни Black Sabbath.

Когда мы обсуждали воссоединение, то подумали, что не мешало бы найти кого-то, кто взял бы в свои руки бразды правления и выжал лучшее из каждого из нас. Звукозаписывающей компании приглянулась идея привлечь Рика Рубина. Конечно, мы встречались с ним в 2001-м или в 2002-м году, когда подумывали о новом альбоме. Мы поехали к нему домой, точно так же, как сделали много лет назад. Тогда это выглядело так, будто мы пришли с визитом к самому Будде, а в этот раз мы были на схожих уровнях.

Это была весьма непродолжительная встреча, большую часть которой Рик прокручивал нам оригинальный альбом Black Sabbath, тот что мы записали в далёком 1969-м. Он проникся его флюидами и убеждал нас создать больше материала в таком же джемо-подобном ключе, отвязаться так, как мы делали это в те дни.

Я полагал, что продюсеру желательно присутствовать, когда вы пишете материал, быть вовлечённым

в процесс со всеми этими “Может немного так переделаем?” или что-то вроде. Но Рик так далеко не заходил. Он оставил всё на нашу совесть. Я считаю, что это хорошо, мы достаточно занимались сочинительством все эти годы, чтобы знать, как это делается. Мы работали в студии у Оззи, я был на связи с Риком, и он лишь просил: “Дайте знать, когда у вас для меня будет, что послушать.”

Так что, как только у нас появлялась одна-две песни, я звонил Рику, и он приезжал. Так происходило пять или шесть раз, именно так мы с ним и работали. Мы проигрывали ему материал, а он говорил: “Это мне нравится, это - нет, это - нравится...”

Конечно же, мы в ответ спрашивали: “Почему тебе это не нравится? А как ты тогда это видишь?” Вот так он и работал.

Рик присоединился к нам в лос-анджелесском Whisky A Go Go, где мы собрались 11-го ноября 2011-го года, чтобы проанонсировать наш новый альбом и тур. Генри Роллинз провел собрание с прессой и произнёс несколько красивых слов о нас, после чего мы на весь мир поведали о наших планах. Это было особенное событие, особенно по той причине, что четверо оригинальных участников Black Sabbath объявили, что собираются писать новый студийный альбом, первый со времён “Never Say Die” 1978-го года.

Когда мы были дома у Оззи в начале декабря 2011-го года, Шарон спустилась в студию и упомянула о нескольких датах предстоящих выступлений. Это был фестиваль Coachella, намеченный на апрель 2012-го года в Калифорнии, а за ним - европейское турне. Мы все предпочли бы заниматься новым альбомом, отложив пока турне, но реакция на наше воссоединение была настолько горячей, что это показалось нам неплохой идеей. Мы решили, что съездим, поиграем немного, а потом вернёмся к работе над альбомом. Однако, ещё в ноябре 2011-го года, я несколько дней был в Нью-Йорке на презентации первого издания этой книги, по пути в Лос-Анджелес, именно тогда я почувствовал боль в паху с левой стороны. И заметил опухоль, примерно в дюйм шириной. Я обратился к врачу, и он прописал мне антибиотики. И сказал: “Выглядит, как инфекция. Принимай это в течение двух недель, и, если не пройдет, сходи к другому врачу, когда будешь в Лос-Анджелесе.”

В Лос-Анджелесе я встречался с Оззи, и он сказал мне: “Что-то ты не очень выглядишь.”

Я ответил: “Да. Мне как-то не по себе.”

“Тебе надо пойти провериться”, посоветовал он.

“Ага, схожу.”

Я последовал его совету и пошёл на приём к другому врачу, которые прописал мне ещё антибиотиков, которые, наконец, избавили меня от инфекции. Больше я об этом не думал. Примерно за год до этого я обследовал свою простату, при этом обнаружилось образование величиной с апельсин. Сопровождалось всё инфекцией в мочевом пузыре, которая, как я полагал, и вызвала образование.

Я вернулся в Англию и лег на операцию простаты. Хирург, мистер Ману Нэйр (Manu Nair), сказал: “Раз уж мы там оперируем, то возьмём и образец опухоли, сделаем анализы.”

Операция прошла без болей, но после неё мне понадобился катетер, так что всё Рождество я провёл с этой долбанной трубкой и присоединённым к ней пакетом на привязи. Вставать с постели и двигаться я не мог, поэтому Мария меняла пакеты и всё остальное. Ей пришлось заниматься всем таким, будто медсестре на самом деле. Как там говорят: “и в счастье и в горести”, так вот тогда ей выпала та часть, где горести.

Когда пришло время снимать катетер, я отправился к врачу, и он сказал: “Хорошие новости насчёт простаты. Она уменьшилась до допустимых размеров, и теперь с ней всё в порядке. Но в опухоли, образец которой мы взяли, мы нашли лимфому.”

Я подумал: это ещё что такое?

Он рассказал: “Всё не так плохо. Это можно вылечить. Такое поддаётся излечению. Это фолликулярная лимфома первой степени, что означает, что она на ранней стадии.”

Я ответил: “Ага. понятно.”

Тем не менее я был опустошён, когда услышал это, и вернулся домой в глубочайшей депрессии, думая: о, Господи, это конец, вот и до меня добралось! Я абсолютно ничего не понимал в этом, для меня рак означал смерть. И я уже списал себя со счетов. Я мог лежать всю ночь и раздумывать, не продать ли это, не избавиться ли от того, как всё подготовить, кто будет произносить речь на моих похоронах и где бы я хотел, чтоб меня закопали. Очень мрачные мысли. Но, кроме того, я продолжал размышлять, что я ещё не готов к этому. Мне ещё столько нужно сделать, и мне нравится жить в этом мире.

Где-то через три дня мне позвонил мой терапевт, доктор Майкл Абду (Michael Abdou), и сообщил: “Они провели дополнительные анализы, это не первая степень, это степень “три А”.”

Я решил, что это почти четвёртая, и может даже перейти в пятую, так что это были очень плохие новости, и я воскликнул: “О, нет!”

Доктор Абду знал одного местного специалиста, своего друга, профессора Доналда Миллигана (Donald Milligan), и записал меня к нему на приём. Тот сказал: “Мы тебя вылечим. Проведём химиотерапию и сделаем всё, что необходимо, чтобы воспрепятствовать болезни.”

Я прошёл бесчисленное множество всяких сканирований, чтобы узнать, не распространился ли рак куда-то ещё. Нет, он был только у меня в паху с левой стороны. Я ещё восстанавливался после операции простаты. Все эти антибиотики и остальные медикаменты сильно ударили по мне, я ослаб и устал, но как только я пришёл в себя, началась химиотерапия. Мне сказали, что необходимо пройти шесть курсов химии, по одному каждые три недели. Это занимает шесть или семь часов, медикаменты вводят внутривенно с помощью капельницы. Химия от лимфомы аналогична той, которую применяют при других видах рака, но есть ещё четвёртый ингредиент, антитела. Они могут вызвать аллергическую реакцию, поэтому поначалу дозы небольшие. А так лечение прошло нормально.

После первого курса меня предупредили: “Причёску свою ты потеряешь.”

Сначала ничего существенного не происходило, и я подумал: о, у меня, должно быть, будет порядок. Три недели спустя был второй курс. И тогда я начал ощущать усталость и слабость, а когда я расчёсывал волосы, они слезали. В течение двух или трёх дней большая их часть выпала. Когда я встал ночью в туалет и взглянул в зеркало, было что-то вроде: о, Господи-Боже! Первоначально выпали волосы с головы, и кое-что с груди. Борода и усы стали жиденькими, а с бровями не произошло ничего удручающего. У меня всегда были длинные волосы, то ли это было в шестидесятых, когда мне только и говорили: “О, да пойдя, подстригись”, то ли позже, когда они были покороче, но всё равно длиннее, чем у других. Поэтому, когда причёска сошла, я был в жутком шоке.

Естественно, кожа на черепе оказалась белой. Прямо, как яйцо. Это было настолько неожиданно, что

привыкнуть было очень сложно. Когда я показался Оззи и Гизеру, их первой реакцией была: “Ты выглядишь точь в точь, как твой отец!”

Ходить лысым, это холодно, чёрт возьми. Я стал надевать шапочку вроде тюбетейки, но чувствовал себя в ней по-дурачки. Никогда не мог нормально носить головные уборы. Но проходя химиотерапию, приходится следить за температурой своего тела. Моя упала до опасной отметки. До тридцати пяти градусов, так что необходимо было её поднимать. Мой диетолог, Бев де Понс (Bev de Pons), порекомендовала русское лечебное одеяло. Оно сделано из того же материала, из какого производится одежда для космонавтов, серебристого фибро-волокна. Оно чертовски тёплое. И вот я сидел, укутанный в это одеяло и в тюбетейке. Поистине грустное зрелище.

Смотреть на себя безволосого было невыносимо. Я не хочу шокировать людей. Они судят по тому, как ты выглядишь, выглядишь ли болезненно или выглядишь хорошо. Если бы люди увидели меня без волос, то сразу бы сказали: “О, чёрт побери, у него ужасный вид!”

Поэтому я связался с одной бирмингемской компанией под названием Optima, которая занимается искусственными волосами, а также париками для больных раком людей, и они сделали один для меня. Они в своём деле очень хороши и воспроизвели мою причёску такой, какой она была до этого. Сейчас у меня свои волосы опять отросли, причём на затылке и макушке как было, а по бокам вперемешку с седыми. Вообще-то мне нравится. В той или иной степени.

После трёх курсов химии профессор решил, что мне лучше переключиться на радиотерапию. Мне дали месяц передышки, после чего я ходил на сеансы радиотерапии каждый день в течение трёх недель.

Это отнимает много сил, поэтому чрезвычайно большую помощь оказывает персонал больницы. Однако они не сажают тебя на специальную диету или что-то подобное, они не говорят: “Ешь то-то, избегай этого.” Вот почему, с самого начала лечения и по сей день, я советуюсь с диетологом, у моего диетолога, Бев де Понс, у самой была лимфома десять лет назад, так что её знания о том, что нужно пациенту, можно сказать, из первых рук. Она натуропат и специалист по активности организма, применяет, лечение, в котором вакуумные стеклянные баночки присасываются к твоей коже, разгоняя энергию. Мне оно очень помогло. Она дала мне советы по диете и познакомила с Джоном Стирлингом (John Stirlin).

Джон - биохимик, он владел компанией по производству витаминов, которая называется Biocare. Хотя он и продал её, но продолжает заниматься исследованиями. К тому же он сам прошёл через рак: меланому. Он рассказал мне, что можно есть, от чего следует отказаться, и прописал кое-какие витамины, сказав: “Нельзя просто принимать какие-то витамины и всё, это может сказаться на химиотерапии. Должно быть определённое сочетание витаминов, которые работают вместе с химией.”

Это помогло мне поддержать на должном уровне свою энергетику и иммунную систему. Джон сыграл ключевую роль в этом. И он оказывался брать какое-то вознаграждение, повторяя: “Мне не нужно денег. Я делаю это просто, чтобы помочь.”

Джон и Бев фантастически помогли мне.

В доброй старой радиотерапии облучали всю область, где сидит рак. Что радикально подрывало твоё здоровье. При современной технологии можно фокусировать излучение на требуемом участке с точностью размером с остриё булавочной иглки, что замечательно. Ежедневные сеансы

радиотерапии зачастую оставляют ожоги на коже. Благодаря всем советам по диете Бев и Джона и крему, который они мне дали, в моём случае этого не случилось. Было больно, ещё болит, пост-лечебные эффекты могут продолжаться около года и больше, но у меня не было никаких волдырей или чего-то подобного.

Последний сеанс радиотерапии был в апреле 2012-го. Эти строки я пишу парой месяцев спустя, в начале лета. Я только что прошёл обследование, включавшее ещё одно сканирование, и мне сказали: “Выглядит неплохо.”

Когда в декабре 2011-го года я узнал про лимфому, планы на фестиваль Coachella пошли под откос. Я поговорил со своими докторами: “Послушайте, у меня европейский тур намечен. Я в состоянии буду его провести?”

Они ответили: “Мы не знаем. Рано об этом говорить.”

Я действительно собирался привести себя в порядок и отправиться в турне. Но промоутеры требовали от меня гарантий, что я сделаю это. Если бы я предоставил им такие гарантии, они бы засудили меня, будь я не в состоянии выступать. Поэтому Ралф сказал: “Ты в этом не участвуешь.” Сейчас известно, что я не смог бы гастролировать: мне запретили летать на самолётах из-за риска подхватить инфекцию и из-за того, что иногда я чувствовал сильную усталость, а иногда и вовсе был очень слаб. Оззи с Гизером отправились в дорогу под вывеской “Ozzy and Friends”, и иногда я думал: о, мне надо было бы быть там, с ними! Но Гизер как-то обмолвился в е-мейле, что в один из вечеров они вышли на сцену после одиннадцати, в другой - после одиннадцати тридцати. Я бы так не смог. Это было бы чересчур изнурительно. Я имею в виду, что сейчас-то я с таким справляюсь и после 9:30!

Мне нужно было восстановиться. Джон Стирлинг сказал: “Тебе надо стать эгоистом, потому что речь сейчас о твоей жизни. Ты не можешь продолжать в том же духе, тебе придётся всё переосмыслить. Составь план, приведи в порядок свой дух и своё здоровье до такой степени, когда сможешь со всем справляться. У меня есть друзья, у которых был рак, они брали отпуск на год и не занимались ничем другим, кроме того, что приводили себя в форму.”

Всё это время я пытался работать, репетировал и писал материал. После того, как у меня обнаружили лимфому, мы решили работать в моём доме в Бирмингеме. Оззи и Гизер приехали в Англию, и весь период, когда я проходил химию, мы сочиняли. Иногда я не мог ничего делать, так как плохо себя чувствовал, но они относились к этому с пониманием, они молодцы. В это время Оззи, скорее всего, опробовал какие-то ходы по вокалу, или ещё что-нибудь. Мы трудились пять дней в неделю, сочинили несколько песен, и, когда я это пишу, мы всё ещё на этой стадии. Я с нетерпением ждал начала записи. Я спросил Рика Рубина: “Когда мы планируем этим заняться?”

Он ответил: “Ну, когда у нас песни будут.”

Когда Оззи с Гизером вернутся из турне, мы наверное сварганим еще парочку песен. Пройдёмся по материалу, который у нас есть, прикинем, нужно что-нибудь менять или нет, использовать то или это, примем решение, а следующим делом станет запись. Не могу дождаться. Я по-настоящему охвачен идеей завершить работу сейчас, пока я ещё могу это сделать.

В турне я не езжу, но два шоу в Британии я отыграл. Первое было благотворительным концертом Академии O2 в Бирмингеме 19-го мая 2012-го года. Мы выступили там, так как нам было нужно сыграть вместе, и нам нужно было это из-за меня, мы должны были посмотреть, хватит ли меня на

два часа.

Хорошо было выступить дома и помочь собрать деньги на благотворительность. Это была акция “Help for Heroes” (“Помощь Героям”), для людей, вернувшихся с войны покалеченными, неважно, физически или психологически. Единственная вещь, которая раздражала - много билетов выкупили спекулянты, продававшие их потом по тысяче фунтов. Одно дело, если бы эти деньги пошли на благотворительность, но зарабатывать на этом таким способом - это печально. И кому-то из настоящих фанатов пришлось выложить такие деньжищи, это позор.

Кроме того мы хотели сыграть полный сет, чтобы определить, сколько он будет длиться. Это делалось в рамках подготовки ко второму нашему шоу, на фестивале Download в Донингтоне 10 июня 2012-го года. Там нам было разрешено сыграть только час сорок пять минут, и всё, из-за того, что у них там был комендантский час. На O2 мы играли чуть меньше двух часов, так что на Download должно было быть примерно тоже самое.

Последние несколько раз, когда мы выступали вместе, мы играли почти один и тот же сет. Теперь мы хотели подготовить некоторые другие песни, которые не исполняли долгое время.

Когда мы готовились к O2, меня очень волновала продолжительность сета в два часа. Это было большое испытание для меня. Я думал: придётся справляться, надо будет отдохнуть немного перед выходом. Естественно, отдохнуть не удалось, так как когда я был в гримёрке перед выходом, то беседовал с Ралфом и Майком Эксетером о том о сём и обо всём на свете. Но на сцене я был в порядке. Из-за прилива адреналина я чувствовал себя превосходно даже после выхода со сцены, отчего я прямо-таки воспрял духом.

По поводу Донингтона я тоже волновался. С тех пор, как я заболел, обычно ложился в постель примерно в полдесятого вечера, смотрел телевизор полчаса-час, а затем засыпал. И просыпался я обычно в пять-шесть утра, вставал в 6:30, самое позднее в 7:00. А Download должен был закончиться в одиннадцать вечера. Я думал: чёрт возьми, я в это время в кровати уже! Очень невесело.

В день шоу я постарался оставаться в постели и набираться сил так долго, как только возможно. Конечно же, у меня ничего не вышло. Я абсолютно проснулся ещё рано утром, начал размышлять обо всяких вещах, и в итоге пришлось вставать. Я решил, что отправлюсь на концерт пораньше, побуду там, подготовлюсь. Но произошло то же самое: разговаривал с людьми. Я почувствовал усталость еще перед выступлением, но вышел на сцену и отработал нормально. И опять же, уйдя со сцены, чувствовал себя великолепно.

Мне очень понравились оба концерта. Быть способным отыграть их - большое достижение для меня. Просто способность снова вернуться на сцену. Я думаю, нас всех переполняли эмоции. И публику тоже. Если от аудитории есть отдача, это ещё больше вдохновляет тебя. Атмосфера была сказочная. Кроме того прекрасно, что мы давно знаем друг друга. Это не Оззи и его группа, не я и моя группа, это мы вместе, им мы можем друг на друга положиться. Так что я бы очень хотел отправиться в турне, которое тогда не получилось, как только буду в состоянии.

91. Возвращаясь с другой стороны

Проблема с этой болезнью такая, что она может вернуться в любое время. Хирург сказал: "Она не ушла никуда. Шансы на такой исход всего 30%, более вероятно, что болячка вернётся, в любое время. Но этот процесс контролируемый. От этого ты не умрёшь, скорее уж от чего-то другого." Я подумал, ну круто, может я от последствий облучения помру. От болезни костей или ещё чего-то.

Я как раз начал новый курс лечения проходить. Снова капельница, под которую надо ложиться каждые два месяца в течение двух лет, с антителами, это держит мою лимфому под контролем. Они вроде как порывают и убивают раковые клетки, не давая им распространиться куда-то ещё. Хочется быть стойким, конечно же, по поводу всего этого, но в то же время в твоём мозге вертятся крошечные сомнения, не прекращая допекать: что если эта зараза вылезет обратно на следующей неделе? Каждый день я ощупываю себя на предмет новых шишек. Если они появятся снова, то будет то же самое: химия и облучение.

Я этого очень опасаясь. Я теперь по-другому на жизнь смотрю. Я могу протянуть ещё десять лет, а могу всего год, я не знаю. Я впадаю в настоящую хандру, лёжа без сна по ночам, размышляя: доживу ли я до следующего года? Если я уйду, что будет с моей дочерью, Тони, с Марией? Может нам найти дом поменьше, ведь этот здоровенный домина, который у нас есть сейчас, будет чересчур велик для неё, чтобы самой управиться. Может, пора уже сейчас сбавить обороты и вести более тихую жизнь. Но затем я думаю, ну, я совсем не хочу дать болезни победить меня. Хочется почти забыть про неё и просто двигаться дальше. Я всегда продирался сквозь неприятности своей жизни, я не могу иначе. И с этим раком, у меня нет другого выбора, только бороться. Я обязан сделать всё, что в моих силах, и попытаться взять над ним верх.

Я уже снова могу выбираться на прогулки, которые я обожаю, часто с моим старым приятелем и соратником Джеффом Николлсом, но я ещё устаю. Бывают дни, когда просыпаюсь и ощущаю такую же усталость, как и до того, как лёг в постель, но я чувствую определённые улучшения.

Очень помогает мне музыка, способность играть и сочинять материал. В музыкальном плане моя болячка несомненно вдохновила меня на несколько новых песен. Думаю, что песни получились лучше. Более, за неимением другого слова, "думовые". В какие-то дни я чувствую себя недостаточно хорошо, чтобы играть и сочинять музыку. В другие дни, когда я в состоянии, студийный инженер Майк Эксетер приезжает, и из меня валом валят идеи. Создание музыки всегда было моей страстью, а теперь оно стало ещё более значимым для меня. Я ни в коем случае не собираюсь на покой.

Когда с тобой случается что-то ужасное, в людях обнаруживаешь самое лучшее. Я получаю невероятную поддержку со всего мира. Это круто, все эти е-мейлы и сообщения от друзей, знакомых музыкантов, фанов, плюс от людей, которых я совершенно не знал.

Лэнс Армстронг, у которого также был рак, прислал мне книгу и несколько футболок, а в письме написал: "Мы должны помогать друг другу в любой беде, оставаться оптимистами и жить стойко... ты не одинок, я в этом с тобой."

Прекрасно.

Джон Лорд, страдавший от рака поджелудочной железы, сказал: "Я многому научился с тех пор, как заболел. Если я хоть чем-то смогу помочь, обращайся." К несчастью, я только узнал, что в своей последней битве он потерпел поражение.

Брайан Мэй постоянно остаётся на связи, навещает меня дома. Когда ты очень болен, то на самом деле не очень жаждешь, чтоб тебя навещали даже лучшие друзья. Это слишком изнурительно, но ты не хочешь им этого говорить. Брайан, он понимал, он был на высоте.

Кажется, почти каждый человек в музыкальном бизнесе прислал мне чудесное сообщение. Я не мог поверить, просто грандиозно, что люди находят для этого время. Осознание того, что люди думают о тебе, сильно поддерживает. Это воодушевляет.

Я бы не справился с болезнью без поддержки окружающих меня людей.

Мой терапевт, доктор Майкл Абду на славу трудился всё это время. Он всегда был рядом, когда я нуждался в нём, отвечал на мои бесчисленные вопросы, давал советы, выбирал хирургов и в целом направлял меня через все трудности. Доктор Ману Нэйр оперировал мою простату в The Priory Hospital в Эдгбастоне и вытащил на свет нарост лимфомы. Профессор Доналд Миллиган из Spire Parkway руководил моим лечением от рака. Медсёстры Клэйр и Сандра проводили со мной химиотерапию, после чего доктор Закар контролировал курс радиотерапии в Spire Little Aston Centre. Эти прекрасные люди, а также все, кто помог мне во время лечения, были просто замечательны. Я в неоплатном долгу перед всеми ними.

А Оззи и Гизер - настоящие молодцы. Если у тебя проблемы, они придут и подставят плечо.

Конечно, если бы вы сообщили Оззи: "У меня лимфома", он из того сорта людей, что в ответ выдадут: "Чё, серьёзно? А такой-то и такой-то помер от этого, нет разве?"

"О, ну спасибо тебе."

Он даже не осознаёт. Это забавно, такой уж он. Он постоянно отпустит какую-нибудь шуточку.

Возможность вот так посмеяться - это очень помогает. Оззи каждый день звонил мне, справлялся. Он - это просто фантастика, как и Гизер. Я полагаю, что мы втроём сблизились, как никогда раньше. И с Бивом Бивеном у нас отношения стары как мир, мы ведь всё ещё живём друг подле друга. Он часто был рядом и поддерживал меня, кроме того он записал в моей студии аудио версию этой книги! Хотелось бы поблагодарить Пат и Дэйва, настоящую "золотую" пару, они присматривают за нашим домом и садом, пока я работаю в разъездах и Мария со мной. Компанию им составляют два моих шептунных ротвейлера, так что это та ещё задачка, уверенность в том, что дома всё в порядке - огромная подмога.

Ралф оставался со мной и отводил от нас с Марией большую часть напряжённых моментов и давление. Он был истинным хребтом всего, что происходило. И Эрнест большую помощь оказал. Невозможно пожелать лучших менеджеров и, что ещё более важно, лучших друзей.

И, конечно, Мария... Все эти хлопоты, которые выпали на её долю с тех, пор как у меня эта штука, как она справилась, не имею представления. Была стадия, когда я был практически беспомощен, и она возилась со мной, как сиделка с ребёнком. Несколько раз мы пытались выйти прогуляться, но я так уставал, что мне было трудно даже дышать. Сейчас это звучит так, будто я инвалидом был, я ощущал себя так, будто мне лет девяносто пять. С этим трудно примириться, но когда я был болен, она подбодряла меня. Она тащила меня за руки и за ноги. И никогда не жаловалась, я не слышал ни единого вздоха от неё по какому бы то ни было поводу. Господи, она была настоящим ангелом.

Ну... она и осталась ангелом.

92. Размышления

***Примечание: почти весь текст этой главы, за исключением нескольких предложений, взят из 90-й главы первого издания книги.

Написание всего этого, моей истории, дало мне множество времени поразмышлять о своей жизни. Она была почти такой же, как и у всех, я полагаю: взлёты и падения. Я люблю разные повороты на протяжении всех этих лет, и хорошие, и плохие. !!!Если не принимать во внимание лимфому,!!! у меня нет существенных сожалений, хотя было бы куда приятнее не иметь всех этих шероховатостей деловой стороны процесса, таких как с менеджментом или участниками коллектива. Без них никуда,

я так предполагаю. Эти вещи посланы нам для испытаний. Но когда я смотрю на то, что происходит с людьми по всему миру, я понимаю, что по сравнению с большинством прожил хорошую жизнь. Я по-настоящему горд тем, чего нам удалось достичь. Мы породили целое поколение музыки и музыкантов. Можно даже говорить о том, что наша музыка спасла несколько жизней. Если судить по некоторым письмам, что мы получаем, где на пишут: "Если бы не вы...", люди, которые могли совершить самоубийство или что угодно, если бы не музыка, всегда находится тот, кому ты помог. Это огромная награда.

Было время, когда все группы-выходцы из Брумми были уверены, что до нас никому нет дела, поэтому было круто, что люди, открывшие Broad Street, неожиданно решили почтить известных представителей города. Так получилось, что в ноябре 2008-го года, во время записи "The Devil You Know", мы устроили перерыв, когда я получил свою звезду на городской Аллее Славы! Был лютый мороз, валил снег, но толпа всё равно собралась огромная, Майк Олли (Mike Olley) прекрасно всё организовал со своей командой, играли группы, а радио Керанг транслировало репортаж о событии. Было приятно присоединиться к Оззи и другим известным друзьям, вроде Джаспера Кэрротта, а недавно меня привлекли и к чествованию Бива Бивена. Последним событием, ознаменовавшим перемену в сердцах истеблишмента, стала выставка Родина Металла, специально организованная, чтобы отдать почести тяжёлым группам, вышедшим из Западного Мидлэнда, включая Judas Priest и Led Zeppelin. Я и подумать не мог, что подобное когда-либо произойдёт.

Теперь мне больше не нужно выходить и что-то кому-то доказывать. В прошлом я пытался доказать людям, что сделал то и сё, а сегодня я просто наслаждаюсь, тем, что делаю, и единственное, что мне осталось доказывать - доказывать самому себе, что ещё на что-то способен.

Конечно, у меня остались сожаления, множество. Но я считаю, что без них ничему бы не научился. Не бывает, что бы всю жизнь всё шло по-твоему, случается в жизни и плохое, нехорошие вещи, которые происходят с тобой. Но ты справляешься с ними.

Возможно, я расстроил кого-то на своём пути, со всеми этими браками и различными перипетиями за долгие годы. Всё это - часть жизни. Надеюсь, что у людей, которых я расстроил, дела теперь идут хорошо.

Моя дочь Тони просто поражает меня. После всего, через что она прошла, теперь она оказалась далеко! Тони живёт в Финляндии. Она переехала туда со своим парнем, Линде. Он гитарист команды под названием HIM.

Всё на что я надеюсь сегодня, это то, что у меня ещё есть несколько лет. Мне нравится моё нынешнее место в жизни, действительно нравится. Это превосходное место. У меня хорошая домашняя жизнь и отличная семья, прекрасные друзья и поклонники. И я счастливчик, потому что всё ещё способен создавать музыку, а потом выходить и играть её.

Во время выступления в O2 Academy в Бирмингеме Оззи назвал меня самым сильным человеком, которого он знает. Очень мило с его стороны нести такое, но очевидно, что с тех пор, как мне досаждала болезнь, я больше таковым не являюсь. Тем не менее у меня есть лучшие друзья на планете и семья, которую я обожаю.

Но если вы меряете силу человека количеством любви, которое ему достаётся, то я должно быть самый сильный человек во все времена.

Выражения признательности

Ти, Джею Ламмерсу за безмерную способность выслушать и вытерпеть.

Моим менеджерам Эрнесту Чапмену и Ралфу Бейкеру за их тяжелую работу, дружбу, безотказность и преданность.

Оззи, Гизеру и Биллу; без вас не было бы этой книги. Несмотря на все падения и взлёты нам удалось остаться друзьями, и я надеюсь, что мы ещё много времени отлично проведём вместе.

Моим фанатам и сочувствующим; огромное спасибо, что вы были рядом.

Брайану Мэю, Эдди Ван Халлену и Джеймсу Хэтфилду за добрые слова.

Двум Майкам, Клементу и Эксетеру, и многочисленным членам нашей команды на протяжении всех лет.

Моим близким друзьям (вы знаете, о ком я).

Люблю вас всех!

Фотографии (Часть 1)

С мамой на прогулке. Не очень-то мне весело

Что за ангел!

Это никогда не войдёт в моду. Играю на аккордеоне, как мой отец до этого, на заднем дворе на Парк Лейн

Найдите хулиганов: я справа в заднем ряду, Альберт Чапмен крайний слева в среднем ряду

Мой первый страт, до того, как я его перекрасил

Моя первая настоящая группа, Rockin' Chevrolets, 1964-й год

The Rest, моя первая команда с Биллом Уордом

Отцу не нравилась машина, которую я ему купил, но он обожал свой трактор

Ламборджини в пять раз дороже дома моих родителей

Снимок для календаря Роллс-Ройса. Выпускался ли он вообще?

В известной консерватории Килворт с первой из моих многочисленных собак

Моя первая свадьба с Джоном Бонэмом (вдалеке справа) в качестве шафера, 1973-й год

Килворт Хаус, где мы жили с моей первой женой, Сьюзан

Подозрительные персонажи

Мы кажемся счастливыми

Привыкай к бороде, Оззи. Швенингенский цирк, Голландия, октябрь 1975-го

До того, как я открыл для себя чёрный цвет

Фотографии (Часть 2)

Моя малышка

Американский успех Paranoïd'a, с нами оба Патрика Михана

Брайан Мэй, я и эдди Ван Халлен, 1978-й год

Ронни, Винни, я и Гизер в каком-то странном месте. Баффало, Нью-Йорк, декабрь 1981-го года

Гизер, Ронни и я - Толпа Правит! Толедо, Огайо, ноябрь 1981-го

Винни, первые деньки. Винни заменил Билла на барабанах, начав на Гавайях в 1980-м году

Гизер, я и Брайан Мэй в Хаммерсмит Одеон, 1989-й год

Со своим постоянным соратником, Джеффом Николлсом

Мы с мамой в Хелфорд Хаус

Снаружи Манор Студиос. Да, это чёрная кошка!

Кози и Нил Мюррей в Мексике до того, как мы спасали свои жизни бегством

Попался! Дурачимся с Винни в Рокфилд Студиос во время записи "The Devil You Know", 2008-й год

С Тони-Мари, моей тётёй Паулин и Марией

Моя бирмингемская звезда на городской Аллее Славы

Пресс-конференция с Йэном Гилланом в Армении, 2009-й год. Нас наградили Орденом Чести за благотворительный сингл, записанный 25-ю годами ранее

Малышка подросла: Тони-Мари

Мы с Марией на церемонии Classic Rock Awards

Ниджмеген, Голландия, июнь 2005-го

Мужчина за работой. Фестиваль в Донингтоне, июнь 2005-го